

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ван Цяо

Средства введения прямой речи персонажей в произведениях

Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого: семантика и прагматика

(на материале романов «Преступление и наказание»

и «Анна Каренина»)

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Доктор филологических наук, профессор

А.В. Уржа

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Средства введения речи персонажей как объект семантико-прагматического и стилистического исследования.	14
1.1. Прямая речь в сопоставлении с другими способами передачи речи персонажей.....	14
1.2. Способы введения прямой речи в текст произведения.	24
1.3. Вопрос о современной классификации языковых средств, вводящих прямую речь, и о ее применении в анализе текста.....	31
1.3.1. Классификации языковых средств, вводящих речь: основные принципы, история формирования, научные проблемы.	31
1.3.2. Основания функционально-семантической классификации средств, вводящих прямую речь в тексте	41
1.3.3. Номинации жестов и мимических движений в обрамлении реплик	49
1.3.4. Обозначение эмоций в конструкциях, вводящих прямую речь	52
1.4. Современные методы изучения языковых средств, вводящих речь персонажей в художественных произведениях.....	57
Выводы по первой главе	60
Глава 2. Особенности средств введения речи персонажей в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».....	63
2.1. Семантика и частотность лексем, вводящих прямую речь.	63
2.1.1. Лексемы, обозначающие речь или мысль, как средства введения прямой речи в романе	73

2.1.2. Обозначение эмоциональных состояний	84
2.1.3. Обозначения кинем	92
2.1.4. Обозначение иллокуций	95
2.1.5. Отсутствие диалогической рамки.....	98
2.2. Грамматические характеристики глаголов, вводящих прямую речь..	101
2.3. Стилистические характеристики лексем, вводящих речь персонажей.	106
2.4. Обрамление речи, образы героев и поэтика Ф.М. Достоевского.	110
Выводы по второй главе	117
Глава 3. Особенности средств введения речи персонажей в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина».....	120
3.1. Семантика и частотность лексем, вводящих прямую речь.	120
3.1.1. Лексемы, обозначающие речь или мысль, как средства введения прямой речи персонажей в романе	124
3.1.2. Обозначение эмоциональных состояний	130
3.1.3. Обозначения кинем	133
3.1.4. Обозначение иллокуций	133
3.1.5. Отсутствие диалогической рамки.....	136
3.2. Грамматические характеристики глаголов, вводящих прямую речь..	137
3.3. Стилистические характеристики лексем, вводящих речь персонажей.	140
3.4. Характер диалогической рамки, образы героев и поэтика Л.Н. Толстого.	141
Выводы по третьей главе	148
Глава 4. Сравнительная характеристика средств введения прямой речи в	

романах «Преступление и наказание» и «Анна Каренина», а также в их переводах на китайский язык.	152
4.1. Количественные данные.	152
4.2. Интерпретация данных.	154
4.3. Переводческие стратегии интерпретации лексем, вводящих речь в переводах романов на китайский язык.	156
Выводы по четвертой главе.	168
Заключение.	171
Библиография.	179
Приложение 1.	194
Приложение 2.	201

Введение

В диссертационной работе анализируются семантика и прагматика языковых средств введения прямой речи персонажей на материале произведений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, а также Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹. Разнообразие проявлений прямой речи в художественной литературе увеличивается. Многочисленные лексические средства, вводящие прямую речь и участвующие в формировании образов персонажей, поэтики произведения, идиостиля автора, продолжают привлекать внимание ученых, дополняются и уточняются различные классификации таких средств. С развитием когнитивных, функциональных и корпусных исследований, на первый план вышли новые аспекты изучения операторов ввода прямой речи, связанные с частотным и сопоставительным анализом.

Рассматриваемые в диссертационной работе лексические средства, вводящие прямую речь, а также конструкции с этими средствами (называемые рамочными конструкциями, или ремарками) изучались многими исследователями, такими как А.В. Алексеев, Е.Г. Андреева, Л.Г. Бабенко, М.М. Бахтин, Ю.А. Бессонова, А.А. Боронин, Л.М. Васильев, Т.В. Викторина, В.В. Виноградов, М.В. Дюзенли, И.А. Ермолаева, О.А. Захарова, Н.В. Изотова, Ю.Н. Караулов, И.И. Ковтунова, В.И. Кодухов, Кв. Кожевникова, Н.А. Кожевникова, М.К. Милых, В.С. Савельев, А.В. Уржа, Б.А. Успенский, Г.Г. Хисамова, Н.И. Чиркова, Г.М. Чумаков и др.

Актуальность исследования определяется тем, что на данный момент не охарактеризованы прагматические эффекты использования лексем с различной семантикой при введении прямой речи в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Л.Н. Толстого «Анна Каренина» с учетом их сравнительной частотности. Несмотря на то что

¹ НКРЯ используется в исследовании в качестве вспомогательного источника примеров и данных.

писательская манера каждого из авторов, поэтика их произведений, словари их художественного языка постоянно привлекают внимание новых исследователей (Артюшков 2004, Лебедева 2011, Katsma 2014, Лученецкая-Бурдина 2014, Радбиль 2017, Martinsen 2018, Скоринкин 2018, Shairar 2019, Баранов, Добровольский 2019, Dyne 2020, Ружицкий 2021, Ружицкий, Ма 2021, Николина 2021, Корпусная модель идиостиля Достоевского 2021, Чересюк 2022, Gafurova, Akbarov 2022, Ruzhitsky 2023 и мн. др.), в фокус специального сопоставительного научного исследования до сих пор не попадал репертуар средств введения прямой речи, его семантические и прагматические характеристики. Отдельные замечания о значимости таких характеристик для описания идиостиля Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого (в том числе и в контексте перевода их романов на иностранные языки) были сделаны в ряде работ [Even-Zohar 1990, Захарова 2006, Уржа 2018, Дюзенли 2022, Уржа 2023], однако полноценное исследование в этой области пока не было проведено ни в семантическом аспекте (не описаны смыслы, которые передают все средства, вводящие прямую речь в романах), ни в прагматическом аспекте (не выявлены условия и результаты употребления этих средств). Не проанализирована связь между выбранными авторами смысловыми и стилистическими особенностями рамки речи персонажей и субъектной перспективой текста, представляющей взаимодействие в нем различных точек зрения².

Научная новизна исследования состоит в актуализации прагматического подхода к исследованию языковых средств введения прямой речи, а также в комбинировании лингвостилистического и количественного методов их изучения.

Теоретическая значимость заключается в том, что разностороннее исследование вводящих прямую речь лексем и сочетаний с различной семантикой, проведенное с опорой на разработанную классификацию, дало

² Субъектная перспектива текста представляет взаимодействие точек зрения повествователя и персонажей, отображенное в соотношении субъектных сфер диктума и модуса в произведении [Золотова и др. 2004: 231, Уржа 2009:13].

возможность выявить их роль в формировании перспективы текста, наглядно представить специфику манеры введения реплик в произведениях русскоязычных авторов, а также охарактеризовать полный репертуар операторов ввода прямой речи, обуславливающий особенности образов говорящих героев в выбранных произведениях классической русской литературы.

Объектом исследования стали языковые средства (глаголы, существительные, фразеологизмы и др.), вводящие прямую речь в текстах на русском языке.

Предметом исследования являются семантические (и взаимодействующие с ними стилистические, грамматические) характеристики слов и словосочетаний, вводящих прямую речь (произнесенные фразы, записки, не высказанные вслух мысли) в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Л.Н. Толстого «Анна Каренина», частотность и прагматические эффекты их использования.

Материалом исследования стали тексты романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Цель исследования – охарактеризовать семантику языковых средств, с помощью которых в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» вводится прямая речь, проанализировать и сопоставить частотность использования авторами определенных лексем, выявить и описать прагматические эффекты выбора таких средств (с учетом их стилистических и грамматических характеристик) для создания субъектной перспективы и формирования образов персонажей в данных текстах.

Достижение поставленной цели определило следующие исследовательские **задачи**:

– с учетом существующих подходов к таксономии глаголов, вводящих прямую речь в текстах на русском языке, предложить функционально-семантическую классификацию средств русского языка, используемых в этой

роли, сопоставив выделенные классы в отношении их семантических, формальных и стилистических особенностей, взаимодействия с контекстом и роли в нарративе;

– составить сплошную выборку глаголов и глагольных сочетаний, существительных и идиом, вводящих прямую речь в двух романах Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого и стоящих в препозиции, интерпозиции и постпозиции по отношению к прямой речи;

– провести анализ частотности всех глаголов и глагольных сочетаний, а также существительных, которые вводят фразы героев, составить диаграммы по выбранным произведениям и по их ключевым персонажам;

– провести лингвостилистический анализ всех средств, а также контекстов, в которых эти средства появляются; объединить средства в группы на основе смысловых и прагматических характеристик.

В работе использованы **методы** количественного и лингвостилистического анализа лексем, вводящих прямую речь, с учетом ближайшего и расширенного контекста.

Гипотезой исследования является предположение о том, что языковые средства, вводящие прямую речь в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Л.Н. Толстого «Анна Каренина», формируют специфические репертуары, определяющие, в силу своих семантических и прагматических характеристик, специфику устройства субъектной перспективы этих текстов и характеристики ключевых образов их персонажей.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы в преподавании курсов по семантике и стилистике русского языка, а также спецкурсов по языку художественной литературы и прагматике.

Достоверность полученных результатов подтверждается большим объемом исследованных материалов, а также применением научных методов работы с материалом и последовательной аргументацией. **Личный вклад**

автора состоит в сборе, обработке и анализе материала, в получении представленных в диссертации результатов исследования.

Теоретическая база исследования. Существующие на данный момент научные классификации средств введения прямой речи в русском языке помещают в центр внимания глаголы, лишь кратко отмечая, что в рамке реплики могут употребляться существительные (в первую очередь однокоренные с глаголами речи) [Кодухов 1957, Милых 1958, Чумаков 1977, Андреева 2015, Ермолаева 2017 и др.]. Семантическим характеристикам глаголов говорения, и, в частности, их способности вводить прямую речь, посвящены разделы в монографиях, статьи и диссертации [Ничман 1977, Уманцева 1980, Васильев 1981, Кобозева 1985, Бабенко и др. 1999, Чжан Ливэй, Редькина 2015 и мн.др.]. Анализ выбранных нами текстов показывает, что прямая речь персонажей вводится в них не только глаголами, но и различными существительными, сочетаниями глаголов с существительными, а также идиомами, функции которых в этой позиции заслуживают изучения.

В лингвистических исследованиях неоднократно выделялись семантические классы глаголов, вводящих прямую речь (например, обозначение речи, мысли, жеста, эмоции), однако более частные классы, например, указание на фазу речевого действия, звуковую характеристику речи (по параметру громкости или интенсивности) или эмоциональную окрашенность нередко пересекаются (например, в глаголе *заголосить*) [Милых 1958: 66–69, Бессонова 2011: 34]. Отдельное, детальное распределение существительных по семантическим классам не проводилось, поскольку отмечалось, что классификация здесь аналогичная и большинство существительных относится к тем же классам, что и глаголы [Кодухов 1957: 21], дополнительные комментарии были краткими [Милых 1958: 138–140].

Представляется, что для дальнейшего изучения глаголов и существительных, вводящих прямую речь, необходимо выявление

прагматических характеристик, определяющих их употребление в текстах³. Действительно, русские писатели активно вводят реплики с помощью слов, не только называющих речь, но транслирующих ее эмоциональную окраску, а порой и оценку [Вежбицкая 1996: 33–55, Гак 1966: 129, Рецкер 2007: 133, Уржа 2021: 243]. Мы предлагаем различать для слов, вводящих прямую речь, внутреннюю и внешнюю квалификацию.

Обратим внимание на проявление в высказываниях с прямой речью двух субъектов модуса, а именно: субъекта прямой речи (того, кому принадлежит вводимая фраза или мысль) и повествующего субъекта (того, кому принадлежит рамка прямой речи). Лексическое средство, вводящее фразу или мысль, формально входит в ее рамку, однако оно способно транслировать как эмоциональное отношение субъекта прямой речи к ситуации или адресату, так и оценочное отношение повествователя (шире – любого авторизатора⁴) к субъекту прямой речи и его высказыванию. Сравним примеры:

1. «...», — *сказал Иван Иванович.*
2. «...», — *воскликнул Иван Иванович.*
3. «...», — *брякнул Иван Иванович.*

Из первого примера мы узнаем о факте произнесения фразы персонажем, из второго следует, что он не только произнес реплику, но и испытывал при этом эмоциональное возбуждение⁵, а третий пример показывает, что повествователь, выбравший глагол *брякнул*, трактует высказывание персонажа как неуместное⁶. В третьем примере мы ощущаем усложнение перспективы, здесь проявляется внешняя оценка речевого действия героя.

Некоторые языковые средства способны одновременно вводить в текст

³ Эта идея, на наш взгляд, намечается в работах, использующих применительно к рамке речи понятие «модальности» [Милых 1958: 49] или «квалификации» [Уманцева 1980].

⁴ Авторизатор – субъект мысли и восприятия, носитель воспринимающего и интерпретирующего сознания в высказывании [Коммуникативная грамматика 2004: 232].

⁵ Воскликнуть. «Громко, с чувством, с волнением произнести что-л.» [МАС 1999].

⁶ Брякнуть. «Произнести что-л. необдуманно, неосторожно, неожиданно (обычно о чем-л. неприятном и нежелательном для слушателей), тем самым вызвать шум, смятение, переполох» [Бабенко 1999].

и эмоцию героя, и оценку повествователя (зачастую негативную или ироническую), например, глаголы *хвастался*, *лукавил*, *ныл*, *талдычил*, *донимал* и другие. Нередко такие слова имеют яркую стилистическую окраску. Это важное свойство учитывается нами при анализе текстов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

На защиту выносятся следующие основные **положения**:

1. Специфика авторских приемов создания образов говорящих и думающих персонажей в романах «Преступление и наказание» и «Анна Каренина» отражается в выборе и частотности употребления слов и словосочетаний, вводящих прямую речь и принадлежащих к таким семантическим группам, как обозначение звучащей речи, невысказанной мысли, жеста, эмоции, цели высказывания.

2. Семантико-прагматическая классификация средств введения прямой речи, в основе которой лежит функциональный подход, позволяет сфокусировать внимание на актуализации прагматических компонентов указанных средств в определенных условиях контекста и включает, помимо глаголов, имена существительные, глагольно-именные сочетания, а также идиомы.

3. Прагматические характеристики ремарок заключаются в способности представлять, помимо констатации речевого или мыслительного действия, его внутреннюю квалификацию (трансляцию эмоции персонажа) и / или внешнюю квалификацию (трансляцию оценочного отношения повествователя или другого авторизатора к персонажу и его реплике). Эти характеристики отражаются в словарных толкованиях, в пометах, реализуются в контексте.

4. В романе «Преступление и наказание» группа средств, представляющих внутреннюю квалификацию речи, сформирована не только частотными глаголами типа *крикнуть*, *вскричать*, *воскликнуть*, но и существительными *крик*, *вопл*, *восклицанье* и т.п., что обеспечивает повышенную эмотивную плотность и вариативность диалогической рамки. Благодаря многообразию средств с внешней квалификацией прямой речи

(брякнуть, вцепиться, закудахтать и др.) персонажи приобретают выразительные характеристики, данные с точки зрения соприсутствующего наблюдателя (реального или потенциального).

5. В романе «Анна Каренина» пара глаголов *сказать* // *говорить*, вводит более половины конструкций с прямой речью персонажей. Другие частотные глаголы и существительные также представляют номинации речевых действий без эмоциональной окраски: *ответить, прибавить, слова, вопрос* и т.п. Обозначения эмоций и жестов вводятся в расширенном контексте реплики (*сказал с улыбкой / улыбаясь*). Стилистически окрашенные глаголы, слова с внешней квалификацией речи в рамке реплик немногочисленны.

6. Роль слов, вводящих прямую речь, в конструировании субъектной перспективы в выбранных романах различна: полифункциональные ремарки в романе «Преступление и наказание», указывая на акт речи или мысли, транслируют эмоциональное состояние героев, а порой и внешнюю оценку их речевой манеры наблюдателем в хронотопе происходящего, тогда как в «Анне Карениной» рамка речи и детальное описание чувств, жестов героев функционально разделены, интерпретация речевых действий по большей части включена в комментарий повествователя.

7. Воссоздание синкретичной рамки прямой речи оказывается затруднительным при переводе романа «Преступление и наказание» на китайский язык: глаголы, обозначающие проявление эмоции в речи, переведены с помощью типичной модели 'наречие + соединяющий элемент + глагол *сказал*' или двойной глагольной формы типа '*ответил* + *сказал*', реже привлекаются идиомы с яркой эмоциональной и стилистической окраской. В переводах «Анны Карениной» чаще используется дословный перевод, соответствующий структуре рамки речи в оригинале.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования изложены в докладах, прочитанных на XIX Международной научной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022» (Москва, 2022 г.), на XXX Международной научной конференция студентов,

аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023» (Москва, 2023 г.), на всероссийской конференции с международным участием «Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке» (Москва, 2024 г.).

По теме исследования опубликованы 6 статей ⁷ в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ 059.1 по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России, а также тезисы докладов на конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав – одной теоретической и трех исследовательских, заключения, библиографии и двух приложений.

⁷ Доля участия Ван Цяо в трех совместных с А.В. Уржей публикациях – 50%..

Глава 1. Средства введения речи персонажей как объект семантико-прагматического и стилистического исследования.

1.1. Прямая речь в сопоставлении с другими способами передачи речи персонажей.

Проблема чужой речи привлекает к себе широкое внимание исследователей. Прежде всего необходимо определить, какое содержание включается в понятие «чужой речи». Размышляя о взаимодействии речи автора и чужой речи в литературном произведении с позиции философии языка, В.Н. Волошинов пишет: «Чужая речь — это речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» [Волошинов 1993: 125].

Значение чужой речи трактуется в работе Г.М. Чумакова как «языковое, общелингвистическое явление, образующее вместе с другими типами и модификациями речи, выделяемыми на основании соответственных оппозиционных отношений, единую систему средств языка для передачи информации, внутренних мыслей, волеизъявления, состояния, чувств, звуков, шумов и т.п.» [Чумаков 1977: 10]. Следовательно, чужая речь — это речь другого говорящего лица, включенная в авторское высказывание, т.е. это передаваемое высказывание. Чужой речью может быть не только произнесенная речь, но и письменное высказывание, а также внутренняя речь. Введение чужой речи в художественной литературе является одним из важных инструментов, которые использует автор для решения творческих задач: создания характеристики персонажа, расширения палитры образа.

Лицом, передающим чужую речь, в художественном произведении может быть как сам повествователь, так и литературный герой, персонаж произведения. Говорящий — это лицо, которому принадлежит передаваемое высказывание. Речь говорящего демонстрирует читателю характер персонажа, выражает его мысли и чувства, глубоко отражает внутренний мир героя, связывает его со всем окружающим его миром.

Способы введения чужой речи в художественной литературе разнообразны. В.Н. Волошинов отмечает, что чужая речь может существовать в литературном произведении в виде следующих синтаксических шаблонов: прямой речи, косвенной речи и несобственной прямой речи [Волошинов 1993: 123].

Г.М. Чумаков, исследовавший способы передачи чужой речи на материале русского языка, выделяет в современном русском языке уже пять способов передачи чужих сообщений: прямой, косвенный, тематический, несобственно-прямой и свободный прямой⁸ [Чумаков 1977: 13]. Г.М. Чумаков поставил вопрос о специальном выделении в рамках лингвистики текста раздела, занимающегося исследованием чужой речи.

Думается, что среди различных разновидностей чужой речи в художественном произведении можно выделить три основных типа передачи чужой речи с точки зрения признаков, отличающих её от авторской: это прямая, косвенная и несобственно-прямая речь [Караулов 1997: 631]. Тогда выделяемые Г.М. Чумаковым тематический и свободный прямой способы следовало бы отнести к дополнительным.

О соотношении своего и чужого слова писали в своих исследованиях М.М. Бахтин и Б.А. Успенский [Успенский 1970, Бахтин 1986]. С одной стороны, ученые отмечают влияние чужого слова на авторское слово: видоизменение авторского текста под воздействием речи, принадлежащей не собственно автору. Более сложные случаи использования элементов чужого текста в несобственно-прямой речи⁹, совмещение нескольких точек зрения возможно не только в пределах повествования, но и внутри одного

⁸ Тематическим способом передачи чужой речи Г.М. Чумаков называет сообщение, транслирующее только тему высказывания человека в максимально сжатом виде, но не все его содержание, а свободным прямым – характерное для публицистики сообщение с «глагольным вводом», морфологическими формами прямой речи и частотным выходом за пределы фразы: «Нет, Достоевский не пессимист, убеждает Кудрявцев. Правдивое изображение жестокой действительности – не пессимизм» [Чумаков 1977: 16–18, 32].

⁹ Подробное объяснение понятия несобственно-прямой речи находится на стр. 22.

предложения или одного слова.

С другой стороны, авторское слово также влияет на чужое слово. Примером такого влияния можно считать внутреннюю речь: под воздействием авторской обработки в этом случае происходит видоизменение текста, принадлежащего не непосредственно самому автору. В достаточно явном виде эта авторская обработка чужого слова представлена в том случае, когда передаются чувства и мысли героя, причем угадывается характерный для этого героя тип построения текста, но при этом речь о герое ведется в третьем лице [Успенский 1970: 47].

В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» М.М. Бахтин соотносит категорию эстетики «я и другой» с категорией «автор и герой», указывая, что автор и герой являются воплощением ценностного центра в построении произведения. По мысли исследователя, связь между автором и героем как участниками «эстетического события» чрезвычайно важна: собственные слова героя пронизаны словами автора о своем герое. Внимание главного героя к событиям жизни, их познанию соответствует и художественным интересам автора [Бахтин 1986: 17]. В монологе автор опирается на свою внешнюю позицию и трансцендентность, чтобы говорить за героя. В диалоге герой обладает независимым внутренним «я» и становится целостным изображением.

Прямая речь является наиболее распространенным способом передачи чужой речи, ее характеристиками обычно считают «точность», «буквальность», «подлинность». Используя прямую речь, автор «полностью сохраняет её лексико-синтаксические особенности, не приспособляя их к своей речи» [Караулов 1997: 393]. Г.М. Чумаков пишет о том, что в конструкции с прямой речью «речь другого передается без всяких перемен, с соблюдением всех ее индивидуальных особенностей — модального плана, актуального плана и плана структурного» [Чумаков 1977: 13]. Тем самым, прямая речь не только сохраняет лексико-синтаксические особенности чужой речи, но и передает стиль и интонацию говорящего. Благодаря введению в

художественное произведение прямой речи читатель словно слышит голос живого человека, а не книжного персонажа романа, не голос писателя. Например, в следующем отрывке читатель слышит речь героини романа от первого лица:

— Я?.. Да, — сказала Анна. — Боже мой, Таня! Ровесница Сереже моему, — прибавила она, обращаясь ко вбежавшей девочке. Она взяла ее на руки и поцеловала. — Прелестная девочка, прелесть! Покажи же мне всех.

(Л.Толстой, Анна Каренина)

Однако В.И. Кодухов в своей работе «Прямая и косвенная речь в современном русском языке», говоря о художественном тексте, указывал, что «любой автор может передавать чужое высказывание в форме прямой речи буквально, цитатно и небуквально, изменённо» [Кодухов 1957: 10]. В этом случае автор может не полностью сохранить стиль и содержание речи говорящего. Сравним следующие примеры из романа Л.Н. Толстого:

— Что вам надо? — **спросила она его по-французски.**

— A propos de Варенька, — **сказала Кити по-французски...**

Представление о прямой речи предполагает противопоставление двух компонентов: собственно самой прямой речи и слов автора. Существует четкое различие и граница между прямой речью говорящего и словами автора.

В тексте на русском языке используются определенные синтаксические конструкции для передачи прямой речи. Прямая речь обычно вводится ремарками, которые могут занимать любое место: находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции. Кавычками оформляется прямая речь, воспроизводящая мысли и слова говорящего или других лиц. Прямую речь, представляющую собой цитату, часто выделяют кавычками, когда повествование представляет собой рассказ в рассказе.

Существуют две системы знаков препинания для передачи прямой речи. Символы в таблицах: А – слова автора начинаются с прописной буквы; а – слова автора начинаются с строчной буквы; П – прямая речь (т.е. слова какого-либо лица, переданные без изменения) начинается с прописной буквы; п – прямая речь начинается со строчной буквы.

В своей статье С.В. Кузнецова описывает каждую возможность оформления предложений с прямой речью [Кузнецова 2007: 23–33]:

Таблица 1. Система знаков препинания в предложениях с прямой речью.

Прямая речь перед словами автора	Прямая речь после авторских слов	Слова автора внутри прямой речи	Прямая речь внутри авторской речи
«П», — а. «П!» — а. «П?» — а. «П...» — а.	А: «П». А: «П!» А: «П?» А: «П...»	«П, — а, — П!» «П,!? — а. — П!» «П,!? — а. — П». «П... — а. — П».	А: «П» — а. А: «П?» — а. А: «П!» — а. А: «П...» — а. А: «П», а.
«Дайте мне чай», — сказала Анна.	Она повторила: «Ах, оставьте, оставьте меня!»	«Скоро же! — с улыбкой сказал он. — Но как? отчего?»	Он не мог ответить ему: «Я приехал сделать предложение твоей свояченице», хотя он приехал только за этим.

В энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ю.Н. Караулова система знаков препинания при прямой речи (без кавычек) в произведениях печати, главным образом в произведениях художественной литературы, представлена следующим образом:

Таблица 2. Система знаков препинания в предложениях с прямой речью в произведениях печати.

— П?(!)	— И прекрасно, и прощай!
А: — П?(!)	Только что он достал заклад, как вдруг где-то на дворе раздался чей-то крик: — Семой час давно!
— П, — а	— Может быть, — уныло отвечал Левин...
— П?(!) — а	— Что ты говоришь? — с ужасом вскрикнул Левин.
— П — а — п	— Да, да, — повторял Левин. — Я понимаю и ценю твое отношение к нему; но я поеду к нему.

Учет принципов графического оформления прямой речи важен для нашего исследования, поскольку все контексты с прямой речью обнаруживались с помощью поиска по текстам произведений, в том числе с ориентацией на оформляющие эту речь пунктуационные знаки.

Прямая речь в художественном произведении может быть представлена диалогами между персонажами, диалогами автора со своими героями, монологами (в том числе внутренними)¹⁰, а также диалогом автора и читателя¹¹. Г.М. Чумаков характеризует прямую речь как «первичный и самый распространенный способ передачи чужой речи, при котором речь другого передается подлинно, точно, слово в слово, без всяких перемен, с соблюдением всех ее индивидуальных особенностей — модального плана (эмоциональность, экспрессивность, отражение действительности через призму лица, которому принадлежит передаваемая речь), актуального плана (ситуативное содержание частей высказывания; актуализация, окказиональное использование языковых средств) и плана структурного (употребление грамматических форм с точки зрения того, чья речь передается, интонационное своеобразие ее)» [Чумаков 1975: 16].

Поскольку в изучаемых нами романах Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого широко используются и другие виды чужой речи, нам необходимо отличать прямую речь от них.

«Косвенная речь — один из способов передачи чужой речи, при котором эта речь грамматически приспособляется говорящим к своей речи: чужая речь в форме косвенной оформляется как придаточная часть при глаголе речи

¹⁰ То, что в виде прямой речи могут быть оформлены не только звучащие фразы, но и непроизнесенные мысли, отмечает целый ряд исследователей (см. подробнее параграф 1.2), на это же указывает включение глаголов мысли в классификации глаголов, вводящих прямую речь в русском языке (см. параграф 1.3).

¹¹ Несмотря на то что такие композиционно-речевые структуры, как диалог, звучащий монолог, внутренний монолог принципиально отличаются друг от друга по целому ряду коммуникативных и композиционных параметров [Кожевникова 1994, Ревзина 2020 и мн.др.], все они могут быть оформлены в художественном тексте в соответствии с правилами введения прямой речи, в отличие от других видов чужой речи.

(сказать и др.), находящемся в главной части сложного предложения» [Караулов 1997: 203]. Таким образом, в главном предложении содержится речь автора, а придаточное предложение содержит чужое высказывание. При косвенной речи чужое высказывание передается только от лица автора.

В предложениях с косвенной речью чужая речь в форме придаточной части предложения оформляется с сохранением ее содержания. Связь между главным предложением и придаточным предложением осуществляется в этом случае при помощи союзов или союзных слов: *что, будто, чтобы*; местоимений и наречий *кто, что, где, когда, куда, откуда, сколько* и т.п. Служебное слово *ли* используется в предложениях с косвенной речью при передаче вопросительных предложений без вопросительного союза.

«Прямая речь – это не просто передаваемая речь (передается и косвенная), а речь воспроизводимая, тогда как косвенная – это речь пересказываемая» [Чумаков 1977: 14]. Прямая речь – это точное воспроизведение чужой речи, а косвенная речь – это лишь передача содержания чужой речи. В.В. Виноградов указывает, что они различаются наличием или отсутствием «союза и соответствующей интонацией» [Виноградов 1960: 412]. Наиболее очевидная разница между прямой и косвенной речью заключается в том, что в косвенной речи местоимения и дейктические наречия и формы лица глагола даны с точки зрения автора, передающего содержание чужой речи, а в прямой – с точки зрения того, кому она принадлежит.

Таблица 3 Замена прямой речи косвенной.

Прямая речь	Косвенная речь
Доктор сказал мне: « Ты молодец!»	Доктор сказал мне, что я молодец.
Он сказал: «До свидания!»	Он попрощался.
«Дайте мне чай», сказала Анна.	Анна сказала, чтобы ей дали чай.

«Прости меня! » — попросил брат отца.	Брат попросил отца простить его .
« Завтра будет цирк?» — крикнул нам мальчик.	Мальчик спросил у нас, будет ли цирк на следующий день .
«Я сегодня не ходил в школу», - признался в понедельник Ваня.	Ваня в понедельник признался, что в тот день он не ходил в школу.

Следует отметить, что как прямая, так и косвенная речь передают внутреннюю и произнесенную речь других лиц с помощью глаголов речи и мысли. Образование косвенной речи основано на прямой речи. В работе Н.Н. Яновой и В.М. Мирзоевой авторы подробно описывают замену прямой речи косвенной речью. Авторы указывают, что «при замене прямой речи, содержащей этикетные слова и выражения **спасибо, конечно, спокойной ночи, извините, здравствуйте, да, нет** и т.п., употребляются глаголы, имеющие сходное значение с указанными выше словами и выражениями и эксплицирующие иллокуцию высказывания. При этих глаголах союз **что** не ставится» [Янова, Мирзоева 2003: 6]. Ср.:

ПР: *Мы сказали друг другу: «Счастливого пути!»*

КР: *Мы пожелали друг другу счастливого пути.*

Несобственно-прямая речь, по мнению Г.М. Чумакова, является способом передачи «внутреннего или внешнего чужого высказывания, включенного в сплошное авторское повествование определенным синтаксическим образом и характеризующегося определенными структурно-семантическими — лексическими, морфологическими, синтаксическими, интонационными — признаками, главным из которых является совмещение субъектно-модальных речевых планов автора и героя» [Чумаков 1977: 17]. А.В. Алексеев указывает: «несобственно-прямая речь является результатом смещения шаблонов прямой и косвенной речи, ближе все же к косвенной речи» [Алексеев 1937]. Несобственно-прямая речь – это стилистический приём соединения в одно целое авторского повествования и речи персонажей, широко распространённый в художественной литературе XIX века. Её

особенности могут быть выявлены путём сравнения с прямой речью и косвенной речью.

Несобственно-прямая речь конструктивно похожа на прямую речь, но при ее оформлении не используются знаки двоеточия и кавычек. Несобственно-прямая речь оформляется как самостоятельное предложение. Распространенным типом несобственно-прямой речи, используемой для воспроизведения внутренней речи персонажей, является вопросительное предложение: *Она выбежала на улицу. Что ей теперь делать? Куда отсюда идти? Как спрятаться от этого кошмара?* Конструкции типа собственно вопросительных предложений получили широкое распространение в баснях XVIII – нач. XIX вв. «Эта разновидность предложений, совмещающих два субъектно-речевых плана, представляет собой форму несобственно-прямой речи, появившуюся в письменной художественной литературе раньше других ее форм» [Ковтунова 2010: 190]. Исследователи указывают, что несобственно-прямая речь существует в форме сослагательного наклонения с желательным значением, повелительного наклонения, побудительного предложения и предложения, которое включает модальные слова со значением утверждения возможности или невозможности совершения действий, уверенности, сомнения, предложения, ожидания, и т.д.

Таким образом, несобственно-прямая речь не имеет особых синтаксических черт, не появляется как придаточное предложение, не присоединяется к словам автора с помощью подчинительных союзов, не вводится в авторское повествование при помощи вводящих слов. Несобственно-прямая речь принадлежит автору, как и в косвенной речи все местоимения и формы лица глагола оформлены в ней с точки зрения автора, но в то же время она имеет яркие лексико-синтаксические и стилистические особенности прямой речи, включает прямые дейктические показатели места и времени (*теперь, здесь, отсюда* и др.). Ср.:

ПР: *Она вышла на улицу и сказала: «Какая хорошая погода!»*

КР: *Она вышла на улицу и сказала, что погода очень хорошая.*

НПР: *Она вышла на улицу. Какая хорошая погода!*

Несобственно-прямая речь в художественном произведении – активный и широко используемый лексический, синтаксический и стилистический приём. Писатель соединяет мысли и чувства персонажа со своими, сливает речь персонажа со своей речью. Хотя несобственно-прямая речь принадлежит автору в субъективном повествовании, но в объективном повествовании является репродукцией внутренней речи героя. В таком случае, несобственно-прямая речь одновременно совмещает в себе два субъектно-речевых плана — автора и персонажа.

Когда доктор вошел, она вспыхнула, и глаза ее наполнились слезами. Вся ее болезнь и лечение представлялись ей такою глупою, даже смешною вещью! Лечение ее представлялось ей столь же смешным, как составление кусков разбитой вазы. Сердце ее было разбито. **Что же они хотят лечить ее пилюлями и порошками?** Но нельзя было оскорблять мать, тем более что мать считала себя виноватою.

(Л.Толстой, Анна Каренина)

Исследователи отмечают, что несобственно-прямая речь воспроизводит обычно внутреннюю речь и внутренний монолог¹², передает не устную речь персонажей, а отражает их воспоминание, предположение, сомнение, надежду, опасение, ожидание, намерение, волю, эмоции, уверенность и т.д. Писатель в этом случае соединяет мысли и чувства персонажа со своими, сливает его речь со своей речью. Несобственно-прямая речь — способ опосредованной передачи внутренней речи литературного героя, способ выражения его восприятия, чувств и вербальной реакции на них.

Отметим, что способы передачи чужой речи могут варьироваться в разных произведениях писателя, а в современной прозе они иногда причудливо комбинируются и взаимодействуют [Николина 2013]. Использование несобственно-прямой речи для создания особого стилистического эффекта широко распространено в творчестве

¹² Детальное исследование таких контекстов у Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, с разграничением подтипов внутренней речи, предлагает И.В. Артюшков [Артюшков 2004].

Ф.М. Достоевского и тесно связано с своеобразием индивидуального стиля писателя.

1.2. Способы введения прямой речи в текст произведения.

Прямая речь как разновидность чужой речи, вводимая в текст с сохранением всех ее лексико-синтаксических и стилистических особенностей, с одной стороны, представляет собой один из древнейших элементов литературных произведений, а с другой, является сферой художественных инноваций и объектом активных научных исследований [Кодухов 1957, Милых 1958, Hellgren 1980, Кожевникова 1994, Щербакова, Резникова 2017, Дюзенли 2023 и др.]. Прямая речь представляет не только реплики персонажей текста, но и их письма, дневниковые записи, смс и голосовые сообщения, фрагменты интернет-постов и чатов, тексты объявлений и лозунгов. Она, согласно замыслу автора, может принадлежать не только людям, но и животным, и неодушевленным предметам в случае персонификации.

В литературном произведении наиболее распространенным приемом передачи мыслей и чувств героев является использование прямой речи. Прямая речь при этом может оформлять высказанные или невысказанные мысли. Как отмечает М.К. Милых, «монологи, диалоги и ансамбли есть и в художественной прозе, есть, кроме того, одиночные реплики, включенные в авторский текст. Все эти разновидности называются формами прямой речи» [Милых 1958: 12]. Особого внимания заслуживает внутренняя прямая речь – произносимое про себя высказывание, оформленное в качестве специфической реплики или монолога, «слышного» только самому герою, всеведущему автору и читателю [Бабенко 2005: 179, ср. Артюшков 2004]. Внутренняя речь героев нередко дополняется, комментируется замечаниями в авторской речи (подробнее см. ниже).

В научных трудах можно обнаружить характеристики различных подтипов прямой речи. И.В. Щербакова и А.В. Резникова делят прямую речь на: собственно прямую речь (*он протянул руку Кейти, говоря: «Рад*

знакомству»), свободную прямую речь (*— Это дочь сенатора Секстона? — Что, черт возьми, ОНА делает здесь?*) и полупрямую речь (*Я сказал моей матери отослать их, они похожи на стервятников.*). Авторы подчеркивают: «в случае с полупрямой и свободной прямой речью, отличающимися от собственно прямой отсутствием кавычек, данное графическое оформление чужой речи рассматривается как «условие парадигматической вариативности обозначения высказывания квазиговорящего в рамках прямого способа оформления субъектности квазиговорящего, представленной в двух графических формах: с кавычками и без кавычек» [Щербакова, Резникова 2017: 174].

Г.Г. Инфантова выделяет следующие разновидности прямой речи [Инфантова 2008: 590]:

1. речь включенную, которая входит в качестве составной части в прямую речь того, кто передает свои или чужие слова (*— Хоть бы карету велел запрячь! Нет, и потом слышу: «Постойте!»...*).

2. речь внутреннюю, причем внутренний монолог носит характер обращения к самому себе.

3. речь необозначенную, которая не выделяется графически:

Во тьме твои глаза блистают предо мною,

Мне улыбаются, и звуки слышу я:

*Мой друг, мой нежный друг... люблю... **твоя... твоя!***

(А.С. Пушкин. Ночь)

В монографии о типах повествования в русской литературе XIX-XX вв. Н.А. Кожевникова рассматривает разные особые формы высказываний, представляющих прямую речь в нарративе, отличая их от полупрямой речи, субъективного авторского повествования, сказа [Кожевникова 1994: 117 и др.].

«Конструкции с прямой речью, связанные друг с другом по смыслу, передающие разговор, посвященный определенной теме, составляют **диалог**» [Викторина 2002: 8]. Основные особенности диалога включают: отражение мировоззрения, выражение различных оценочных позиций, создание

голосовых портретов персонажей. Диалог в художественном тексте может быть представлен не только как реальный, но и как воображаемый, потенциальный [Изотова 2006]. Как отмечают О.Ю. Рождественская и А.Я. Эсалнек, «диалог – это не только форма речи и способ обмена мыслями, но и принцип понимания жизни, характер мироощущения, присущий тому или иному субъекту – будь то персонаж художественного произведения или реальный член социума» [Рождественская, Эсалнек 2018: 613–615].

В художественном тексте использование недиалогической прямой речи без вводных слов практически невозможно, но в диалоге слова повествователя менее обязательны и часто отсутствуют. «Ремарки в составе диалога служат выражением отношений между репликами. Когда эти отношения ясны, ремарки могут опускаться» [Милых 1958: 14]. Фрагменты диалога без авторского повествования считаются свободными. Благодаря созданным писателем образам, персонализации речи героев произведения, читатель может вычленить принадлежащие каждому из персонажей реплики в диалоге.

— Эх, брат, да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках. Без этого ни одного бы великого человека не было. Говорят: "долг, совесть", — я ничего не хочу говорить против долга и совести, — но ведь как мы их понимаем? Стой, я тебе еще задам один вопрос. Слушай!

— Нет, ты стой; я тебе задам вопрос. Слушай!

— Ну!

— Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты *сам* старуху или нет?

— Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

— А, по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости! Пойдем еще партию!

(Достоевский, Преступление и наказание)

— А вчера со двора выходили?

— Выходил.

— Больной?

— Больной.

— В каком часу?

- В восьмом часу вечера.
— А куда, позвольте спросить?
— По улице.
— Коротко и ясно.

(Достоевский, Преступление и наказание)

Фрагменты диалога с авторским повествованием передаются в форме прямой речи. Авторское повествование обычно сопровождается описанием образа и действий героя с точки зрения повествователя или других персонажей [Хисамова 2008, Музычук 2010], синтаксическое строение предложения осложняется.

- Что вам нужно? — **сказала она быстрым, не своим, грудным голосом.**
— Долли! — **повторил он с дрожанием в голосе.** — Анна приедет сегодня.
— Ну что же мне? Я не могу ее принять! — **вскрикнула она.**
— Но надо же, однако, Долли...
— Уйдите, уйдите, уйдите! — **не глядя на него, вскрикнула она, как будто крик этот был вызван физической болью.**

(Л.Толстой, Анна Каренина)

Ученые, исследующие диалогические фрагменты текстов, нередко выделяют в рамочных конструкциях несколько типов компонентов: введение, собственно ремарки, вводящие речь, комментарии, следующие после реплик, и заключение, завершающее диалогический фрагмент [Савельев 2021: 218–219].

В пособии «Лингвистический анализ художественного текста» Л.Г. Бабенко и ее соавтор дают определение «полилога». **Полилог** — это поток реплик различных персонажей, оформленный в виде прямой речи, причем лица, произносящие реплики, не всегда указываются автором. «Эта форма текстовой репрезентации чужой речи активно проявила себя в русской литературе 1920-1930-х гг., что объясняется стремлением изобразить народ, массовое сознание, диалогизировать текст» [Бабенко 2005: 174]. По мнению автора, полилог, диалог и монолог — основные формы речи в типичных драматических жанрах. Но полилог рассматривается многими лингвистами как особый вид диалога, который ведут три и более участников

коммуникативного акта, и на этом основании он не выделяется как особая форма речи. Однако наиболее очевидное отличие заключается в том, что реплики персонажей более тесно связаны в диалоге, чем в полилоге. Для полилога характерной чертой является менее личный характер, т.е. меньшая близость между собеседниками. Реплики полилога в форме прямой речи можно оформить с использованием высказываний автора или без них. Например:

— Да садись, чего! — **хохочут в толпе**. — Слышь, вскачь пойдет!

— Она вскачь-то уж десять лет, поди, не прыгала.

— Запрыгает!

— Не жалей, братцы, бери всяк кнуты, изговляй!

— И то! Секи ее!

...

— Секи до смерти! — **кричит Миколка**, — на то пошло. Засеку!

— Да что на тебе креста, что ли, нет, леший! — **кричит один старик из толпы**.

— Видано ль, чтобы така лошаденка таку поклажу везла, — **прибавляет другой**.

— Заморишь! — **кричит третий**.

— Не трожь! Мое добро! Что хочу, то и делаю. Садись еще! Все садись! Хочу, чтобы непременно вскачь пошла!..

(Достоевский, Преступление и наказание)

Разные способы повествования от первого лица в виде прямой речи в романе — это письма, записки и дневники. Эти виды письменной речи являются по сути разновидностью монологической речи.

Как уже упоминалось выше, прямая речь в художественном тексте может передавать не только звучащую речь персонажей, но и их мысли. Такую прямую речь можно назвать **внутренней прямой речью**. Внутренняя речь используется в художественном произведении «прежде всего для психологического анализа внутреннего мира персонажа, для описания интеллектуального и эмоционального мира, мира ума, души и сердца» [Бабенко 2005: 179]. Внутренняя речь персонажей является одной из составляющих психологического портрета героя и занимает важное место в художественном произведении. В прямой форме передается внутренняя речь,

особенно внутренний монолог, где непосредственно воспроизводится процесс восприятия, воспоминания и мышления. Внутренняя речь нередко строится как обращение к самому себе.

"Да! она не простит и не может простить. И всего ужаснее то, что виной всему я, виной я, а не виноват. В этом-то вся драма, — думал он. — Ах, ах, ах!" — **приговаривал он с отчаянием, вспоминая самые тяжелые для себя впечатления из этой ссоры.**

(Л.Толстой, Анна Каренина)

"Боже мой! Надо бежать, бежать!" — **пробормотал он и бросился в переднюю.**

(Достоевский, Преступление и наказание)

Отрезки прямой речи включаются в авторское объективное повествование, отделяясь кавычками, в отличие от несобственно-прямой речи. При использовании недиалогической прямой речи подчеркивается уникальность речи героя, при этом речь автора и речь героя четко разделяются, но их связь тесная, они дополняют друг друга, формируя языковую полифонию.

"Но за что же, за что же, и как это можно!" — повторял он, серьезно думая, что он совсем помешался. Но нет, он слишком ясно слышит!.. Но, стало быть, и к нему сейчас придут, если так, **"потому что... верно, всё это из того же... из-за вчерашнего... Господи!"**

(Достоевский, Преступление и наказание)

Вот и толпа расходится с лестниц по квартирам, — ахают, спорят, перекликаются, то возвышая речь до крику, то понижая до шепоту. Должно быть, их много было; чуть ли не весь дом сбежался. **"Но боже, разве всё это возможно! И зачем, зачем он приходил сюда!"**

(Достоевский, Преступление и наказание)

Внутренняя речь, в частности, внутренний монолог, вплетается в диалоги. Приведем пример внутренней речи Матвея из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

— Дарье Александровне доложи, где прикажут.

— Дарье Александровне? — как бы с сомнением повторил Матвей.

— Да, доложи. И вот возьми телеграмму, передай, что они скажут.

"Попробовать хотите", — понял Матвей, но он сказал только:

— Слушаю-с.

Как упоминает в своей работе Н.А. Кожевникова, «внутренняя речь, переданная в прямой форме, содержит не только собственно рассуждения, но и рассуждения, осложненные повествованием» [Кожевникова 1994: 111]. Автор приводит пример внутренней речи Лаврецкого, оформленной как прямая речь, из «Дворянского гнезда». Интересно, что в романе «Анна Каренина» использование анаграммы персонажами также выражено в форме прямой речи.

— Вот, — сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: **"когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?"**

...

— Она записала начальные буквы: ч, в, м, з, и, п, ч, б. Это значило: **"чтобы вы могли забыть и простить, что было"**.

(Л.Толстой, Анна Каренина)

«Чужая речь встречается, когда автор, олицетворяя природу, изображает разговор животных и птиц, воспроизводит звуки, которые человек слышит, описывает неодушевленные предметы как говорящие и мыслящие» [Кодухов 1957: 5]. В романе и поэтическом тексте некоторые высказывания в форме прямой речи принадлежат животным, так как автор, следуя своему художественному замыслу, одушевляет природу, олицетворяет животных и описывает их мысли, чувства или слова.

«Но я не могу идти, — **думала Ласка**. — Куда я пойду? Отсюда я чувствую их, а если я двинусь вперед, я ничего не пойму, где они и кто они».

...

«Ну, так если он хочет этого, я сделаю, но я за себя уже не отвечаю теперь», — **подумала она и со всех ног рванулась вперед между кочек**.

(Л.Толстой, Анна Каренина)

Зовет меня взглядом и криком своим

И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!

Туда, где за тучей белеет гора,

Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»
(Пушкин, Узник)

Прямая речь в художественном произведении также может относиться к неодушевленным предметам и представляет собой отражение, повторение речи персонажей, их особое восприятие мира или выражение авторских рассуждений.

«Трах! Тах! Тах!» — **ответило ему небо.**

(А.Чехов, Степь)

Таким образом, в литературных произведениях прямая речь встречается в отдельных репликах и в развернутых монологах, в диалоге с рамкой повествования автора или без неё. Прямая речь передает внутреннюю речь, может появляться в диалоге или повествовании автора как вставная часть. В форме прямой речи могут передаваться как письменные, так и устные сообщения. Прямая речь может относиться как к одушевленным, так и к неодушевленным предметам. В рамке прямой речи глаголы речи и мысли вводят произнесенную и внутреннюю речь, являются организационным центром предложения.

1.3. Вопрос о современной классификации языковых средств, вводящих прямую речь, и о ее применении в анализе текста.

1.3.1. Классификации языковых средств, вводящих речь: основные принципы, история формирования, научные проблемы.

Среди способов введения прямой речи (помимо пунктуационных знаков, применение которых кодифицировано [Кодухов 1957 и др.]) внимание филологов традиционно привлекают глаголы: давно отмечено, что в русскоязычном дискурсе в рамку, охватывающую речь, включаются не только глаголы говорения (*сказать, произнести*), но и обозначения эмоций (*обрадоваться, насторожиться*) и эмоциональных жестов (*всплеснуть*

руками, закатыть глаза) [Милых 1958, Андреева 2015]. Существует и ряд других семантических групп глаголов, регулярно используемых в такой функции. По сравнению с классификацией В.И. Кодухова, классификация М.К. Милых расширяет диапазон глаголов речи и более подробно и четко определяет границы между подклассами.

М.К. Милых анализирует тенденцию в развитии этих глаголов на основе материалов художественной прозы, начиная от произведений Пушкина. М.К. Милых утверждает: «во-первых, Пушкин расширяет глаголы говорения введением в авторскую ремарку глаголов, свойственных разговорному языку. Во-вторых, прямая речь вводится, как правило, глаголам с первичным значением говорения. Используемые Пушкиным и другими писателями глаголы, в которых значение речи оказывается переносным, показательны в том отношении, что раскрывают возможности, которыми располагает язык в отношении образной характеристики высказываний» [Милых 1958: 34]. И.Б. Голуб также отмечает: «круг глаголов, выступающих в авторском повествовании в качестве сопроводителей прямой речи, довольно широк и все более увеличивается благодаря метафоризации слов, рисующих психологические состояния, жесты, движения и действия людей» [Голуб 2010: 293]. В целом в более поздних литературных произведениях система глаголов говорения обогатилась, с одной стороны, глаголами в разговорном стиле, с другой стороны- глаголами с переносным значением, которые в своем прямом смысле не содержат значения речи. Без сомнения, тенденция все более широкого использования разнообразных глаголов, вводящих прямую речь, соответствует развитию художественного потенциала русской литературы.

Эта тема приобрела в наши дни дополнительную актуальность в связи с дискуссиями нарратологов и переводоведов о различии языковых норм и повествовательных традиций в сфере приемов применения монотонной и вариативной диалогической рамки [Even-Zohar 1991, Уржа 2018, Филатова 2023].

Однако при наличии ряда классификаций глаголов, способных вводить

прямую речь в текстах на русском языке, на данный момент отсутствует развернутая функционально-семантическая классификация всех лексических средств, используемых в такой функции. Семантические группы выделяемых глаголов не соотнесены последовательно с группами существительных и устойчивых сочетаний, одни и те же лексемы нередко попадают в разные классы, а сами классы не сопоставлены друг с другом в функциональном плане: не выявлена роль, которую средства разных групп играют при построении текстов с прямой речью. В существующих классификациях не учтено соотношение диктумных и модусных характеристик средств, вводящих реплики персонажей.

С учетом существующих подходов к таксономии глаголов, вводящих прямую речь в текстах на русском языке, нам необходимо предложить функционально-семантическую классификацию разнообразных средств русского языка, используемых в этой роли, сопоставив выделенные классы в отношении их семантических особенностей, взаимодействия с контекстом и роли в дискурсе. В качестве материала используются данные Национального корпуса русского языка. Предлагаемая нами таксономия стремится обосновать известные и выявить некоторые новые феномены.

Среди лексем, вводящих прямую речь в текстах, наиболее подробно описаны глаголы говорения, или глаголы речи. Их изучением занимались такие ученые, как В.В. Виноградов, Л.М. Васильев, Л.Г. Бабенко, И.М. Кобозева, З.В. Ничман, Л.В. Уманцева и мн. др., и их функционированию и классификации посвящен обширный пласт научной литературы.

Одна из первых обширных классификаций глаголов речи и мысли, используемых для введения прямой речи, принадлежит В.И. Кодухову. По его мнению, они объединяются в три основные группы по лексическому значению:

1. Первая группа — глаголы говорения (или речи), самые многочисленные и наиболее часто используемые. Они используются для обозначения различных процессов речевой деятельности персонажа. В.И.

Кодухов выделяет следующие подгруппы глаголов, которые вводят прямую речь:

- глаголы, выражающие речевой акт в общем виде: *сказать и говорить, рассказывать, разговаривать, молвить* и др.;

- глаголы, которые обозначают не только речевой акт, но и его особенности, манеру, способ произнесения речи: *крикнуть, шепнуть, пробормотать* и др.;

- глаголы, обозначающие характер протекания речи, ее начало, продолжение: *заговорить, вставить, ответить, продолжить* и др.;

- глаголы, которые обозначают сам акт говорения, одновременно характеризуют содержание речи: *упрекнуть, возразить, подтвердить, поддержать, объяснить* и др.

2. Ко второй группе относятся глаголы, которые обозначают особые виды речевой деятельности: *писать, петь, рекламировать, телеграфировать* и др.; а также обозначающие особую направленность речевого акта: *спросить, приказать, просить, велеть* и др. или глаголы мысли: *думать, размышлять* и др.

3. Третья группа — периферийная область, которую составляют глаголы, обозначающие переживания и движения, сопровождающие речь. Эти глаголы выступают заместителями глаголов говорения и мысли и могут использовать сему говорение в контексте:

- глаголы, которые излагают мимику, жесты, движения, сопровождающие говорение и мышление: *улыбнуться, усмехнуться, нахмуриться* и др.;

- глаголы, выражающие эмоции, чувства, ощущение говорящего или внутреннее состояние: *удивиться, обидеться, обрадоваться, возмутиться* и др.;

- глаголы восприятия, когда объектом восприятия служит чужая речь: *слышать, прочесть* и др.

Вторая авторитетная классификация глаголов, вводящих прямую речь,

принадлежит М.К. Милых. Исследователь выделяет глаголы введения прямой речи пяти разрядов:

- глаголы речи;
- глаголы, обозначающие внутреннее состояние и чувства;
- глаголы со значением мимики, жеста, движения и других выражений внутреннего состояния говорящего;
- глаголы мысли;
- глаголы восприятия.

М.К. Милых упоминает, что все глаголы, «имеющие прямое или переносное значение говорения и используемые в ремарках для введения прямой речи, могут рассматриваться как синонимы, так как все они сходны с глаголами *говорить* или *сказать*, но точнее или уже по значению» [Милых 1958: 36]. Деля первый разряд на глаголы говорения и письма, автор дает также детальную классификацию глаголов говорения с учетом их назначения в ремарке как средства характеристики высказывания:

1. Глаголы с общим значением говорения. В эту группу входят глаголы с общим значением говорения, наиболее употребительные в ремарке (*говорить, сказать, проговорить, молвить*), уточняющие значимость сказанного (*замечать, вещать*) и глаголы мысли (*вспомнить, узнать*).

2. Глаголы, определяющие речь по звучанию, или по характеру произношения. Это группа включает глаголы, обозначающие силу звучания (*закричать, шептать*), выражающие тон речи (*басить, трубить*), определяющие окраску звука (*звенеть, мычать, ахать*), обозначающие четкость произношения (*отчеканить, лепетать*) и глаголы, которые определяют темп речи (*сыпать, петь, ныть*).

3. Глаголы, указывающие на эмоциональность высказывания (*воскликнуть, пошутить, насмехаться, твердить, пожаловаться*).

4. Глаголы со значением побуждения (*приказать, наказывать*).

5. Глаголы со значением вопроса (*спросить, вопрошать*).

6. Глаголы со значением ответа (*ответить, отозваться*).

7. Глаголы, выражающие отношения между репликами в структуре диалога и в сложных конструкциях с прямой речью (*начать, повторить, вставить, кончить*).

8. Глаголы, выражающие отношение говорящего к собеседнику (*посочувствовать, укорить*).

9. Глаголы, имеющие узкоспециальное значение (*показать, бредить, зубрить*) [Милых 1958: 38–39].

По сравнению с классификацией В.И. Кодухова, классификация М.К. Милых расширяет диапазон глаголов речи и более подробно и четко определяет границы между подклассами.

Исследование Л.М. Васильева о семантике русских глаголов состоит из двух частей. В первой части анализируются три семантических класса: глаголы речи, глаголы звучания и глаголы поведения. Во второй представляются глаголы психической деятельности. Процесс речемыслительной деятельности, по мнению Л.М. Васильева, рассматривает различные аспекты ситуаций, в которые входят говорящий и слушающий, процесс произношения и мысли, процесс сообщения, объект речи и др. Учитывая такие составляющие ситуации, Л.М. Васильев выделяет следующие наиболее общие классы глаголов речи:

1. Глаголы, характеризующие внешнюю сторону речи: *говорить, произносить, писать*.

2. Глаголы, характеризующие содержание мысли. К этому классу относятся как ядерные глаголы (*высказывать, говорить, выражаться* и др.), так и их фразеологические синонимы с дополнительными словами (*говорить чепуху, ерунду* и т.п.).

3. Глаголы, характеризующие коммуникативную сторону речи: *сообщать, передавать кому-либо что-либо, информировать* и др.

4. Глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта. К этому классу относятся глаголы со значением взаимодействия: *разговаривать, переговаривать, договариваться, условливаться, обсуждать* и др. Но для них

нехарактерно употребление с конструкциями прямой речи. Подкласс глаголов речевого контакта содержит в себе следующие глаголы: *спрашивать, отвечать, отказываться, обращаться* и др. Характерной чертой второго подкласса является то, что глаголы речевого контакта выделяют реплики говорящего и собеседника.

5. Глаголы со значением побуждения, выражаемого устной или письменной речью: *побуждать, приказывать, приглашать, просить* и др. Особенность этих глаголов в том, что они могут употребляться с инфинитивом.

6. Глаголы со значением эмоционального отношения и оценки, выражаемых посредством устной или письменной речи. К подклассу глаголов со значением эмоционального отношения относятся следующие глаголы: *обижать, унижать, принижать, насмехаться* и др. Все они обозначают эмоциональное отношение одного лица к какому-либо другому лицу. Примерами подкласса глаголов, выражающих некую оценку, являются глаголы: *клеветать* (отрицательные оценки), *хвалить* (положительные оценки) и др. Эти группы глаголов не употребляются с инфинитивами.

Во второй части работы Л.М. Васильева семантическая классификация дополняется группой глаголов психической деятельности, которая, в свою очередь подразделяется на следующие классы: 1) глаголы ощущения, 2) глаголы желания, 3) глаголы восприятия, 4) глаголы внимания, 5) глаголы психического (эмоционального) состояния, 6) глаголы эмоционального переживания, 7) глаголы эмоционального отношения, 8) глаголы мышления, 9) глаголы знания, 10) глаголы памяти. В том числе, первые семь классов связаны с областью чувств, в широком их понимании, а три последних с областью мысли, мышления [Васильев 1981: 43].

Стоит упомянуть, что Л.М. Васильев не только анализирует разные аспектуальные значения глаголов (такие как значения начинательности, завершительности, пейоративной результативности, определенной ограничительности, неопределенной ограничительности, усилительности, чрезмерной интенсивности, накопительности, исчерпанности и некоторые

другие) в сочетании с приставками глаголов каждого класса, но и описывает глаголы с точки зрения их стилистической окраски: разговорные, просторечные, переносные, переносно разговорные, переносно просторечные и переносно шутливые по стилистической окраске.

Многочисленные последующие статьи и диссертации, посвященные классификации глаголов, вводящих прямую речь, опираются на приведенные выше классические труды.

Излагая историю этого научного вопроса, необходимо выделить две проблемы, сопутствующих его изучению и обусловленных несовпадением круга глагольных лексем, обозначающих речь, и лексем, способных вводить ее в текст.

Во-первых, нередко основанием отнесения глагола к кругу глаголов говорения становится его способность вводить прямую речь, вследствие чего этот круг неоправданно расширяется. Например, в статье «Глаголы говорения в современном русском языке: подходы к классификации» [Чжан, Редькина 2016], где аккумулируются самые известные таксономии глаголов речи, в качестве основополагающей приводится система, предложенная В.И. Кодуховым [Кодухов 1957]. Однако эта система описывает рамки прямой речи, в нее включены глаголы *улыбнуться*, *удивиться* или *слышать*, которые к глаголам говорения не принадлежат, хотя действительно могут вводить реплики в дискурсе. И.М. Кобозева справедливо замечает: «Для интерпретации предложений с прямой речью вовсе нет необходимости толковать глаголы *подмигнуть*, *обрадоваться*, *побелеть*, *возмущаться* или *удивляться* как глаголы речи. Сему «говорить» здесь естественнее считать имплицированной в значении самой конструкции, называемой прямой речью» [Кобозева 1985: 102].

Во-вторых, распространен и противоположный подход, при котором именно для глаголов говорения свойство вводить прямую речь считается естественной характеристикой. Однако далеко не все слова, включающие сему «произнести что-либо», способны вводить реплики в тексте. В классификации

глаголов говорения, предложенной Л.М. Васильевым, можно обнаружить слова *недоговорить*, *недосказать*, *клеветать* или *обижать* [Васильев 1981: 11–18], после которых прямая речь следовать не может. В работе И.А. Ермолаевой в рамках группы глаголов речи выделяются «каузативные глаголы речи», среди которых есть не только *внушать* и распорядиться, но и *возбранять*, *навязывать* [Ермолаева 2017: 365], не дающие ни одного вхождения с прямой речью в НКРЯ.

Таким образом, группы глаголов речи и глаголов, способных вводить прямую речь, представляют собой лишь частично пересекающиеся зоны лексики. Возможность вводить реплику обусловлена не только семантикой глагола, но и его индивидуальной сочетаемостью.

Следующей важной проблемой при исследовании глаголов, способных вводить прямую речь, становится поиск оснований для их классификации. Представляя обзор существующих авторитетных таксономий (В.И. Кодухова, З.В. Ничман, Л.В. Уманцевой, М.К. Милых и др.), Е.Г. Андреева пишет: «Во всех предлагаемых вариантах на первом этапе глагольные единицы выделяются на основе выполняемой ими функции — введения несобственной речи, и уже далее для разнесения на классы привлекается семантический критерий» [Андреева 2015: 364].

Упомянутое функциональное основание оказывается очень общим, оно по сути просто позволяет нам выделить все глаголы, включенные в классификацию, и не формирует значимых оппозиций. Семантические же критерии для выделения частных классов способствуют весьма дробному делению с дальнейшим пересечением части подгрупп. Создатели классификаций отмечают это пересечение как неизбежное следствие работы с лексемами, в значениях которых соединяются разнообразные семы: один и тот же глагол (например, *заголосить*), может быть отнесен к группам, обозначающим фазу речевого действия, звуковую характеристику речи (по параметру громкости или интенсивности) и ее эмоциональную окрашенность [Милых 1958: 66–69, Ермолаева 2017 и др.]. Ю.А. Бессонова справедливо

замечает: «В слове зафиксирована работа целого человеческого организма, различных органов. Поэтому в значении находят взаимодействие и выражение семантические элементы, называющие разнообразные виды деятельности организма: психической, физической, эмоциональной, волевой. Таким образом, слово, отражая их, оказывается центром пересечения многих смыслов, относящих его не к одному полю или ЛСГ» [Бессонова 2011: 34].

В отличие от глаголов, существительные, входящие в состав предикатов, вводящих прямую речь, не представляют в научных трудах отдельных разветвленных классификаций. В.И. Кодухов отмечает, что такие существительные в большинстве своем «являются однокоренными с глаголами говорения и мысли и имеют близкие к ним значения» [Кодухов 1957: 21]. М.К. Милых выделяет в составе ремарок существительные, имеющие «обобщенное значение» (*слова, фраза, тема*)), «содержащие оценку высказывания по его общей целенаправленности» (*вопрос, ответ, приказ*) или «по более частной модальной окраске» (*ложь, упрек, жалоба*) [Милых 1958: 138–140]. Такие слова комбинируются с глаголами движения (*вбежал с криком, приехал с предложением*), с фазисными глаголами (*начал рассказ*) и т.п.

Важно отметить, что далеко не все девербативы от глаголов речи способны вводить реплики. Так, в работе С.Л. Михеевой дериваты от глагола *говорить* подразделяются на группы по значениям, при этом члены некоторых групп способны вводить речь (*договор, приговор, оговорка*), а другие – нет (*сговор, заговор*) [Михеева 2018]. Результаты этого исследования показывают, что принадлежность слова к определенному семантическому типу является более важным фактором, обуславливающим его способность / неспособность вводить прямую речь, чем его деривационные характеристики.

Прямую речь могут вводить также идиомы со значением речевой деятельности (*нести чепуху, заливаться соловьем*), этот феномен отмечен в ряде исследований [Васильев 1981 и др.], однако недостаточно изучены аналогичные возможности фразеологических единиц, обозначающих

мыслительную деятельность, например, *стукнуло в голову*:

«Там пыточная!» — стукнуло в голову, и Василия Кирилловича неудержимо потянуло пасть на колени и во всем покаяться. (Ю.Нагибин, НКРЯ)

Обзор классических и новых трудов, затрагивающих вопрос о грамматических и семантических характеристиках языковых средств, вводящих прямую речь, показывает, что существует необходимость более системной и развернутой классификации таких средств с учетом не только формальных и смысловых, но и прагматических параметров¹³. Важно включить в таксономию языковых средств, вводящих речь, факторы, определяющие их участие в формировании перспективы текста, соотношения представленных в нем точек зрения.

1.3.2. Основания функционально-семантической классификации средств, вводящих прямую речь в тексте¹⁴

Поскольку предлагаемая нами классификация должна не просто «рассортировать» средства, вводящие прямую речь, по семантическим признакам, но и помочь выявить функции этих средств в текстах, мы обращаем особое внимание на проявление в высказываниях с прямой речью двух субъектов модуса, а именно: субъекта прямой речи (того, кому принадлежит вводимая фраза или мысль) и повествующего субъекта (того, кому принадлежит рамка прямой речи). Лексическое средство, вводящее фразу или мысль, формально входит в ее рамку, однако оно способно транслировать как эмоциональное отношение субъекта прямой речи к

¹³ Вслед за Ч. Моррисом, определившим семантический аспект использования знаков как отношение знаков к объектам, а прагматический – как отношение знаков к интерпретаторам [Моррис 2001]. современные лингвистические исследования рассматривают прагматическую характеристику языкового знака как совокупность условий, сопровождающих его употребление [Арутюнова 1990].

¹⁴ Об основаниях функционально-семантической классификации средств введения прямой речи см. также в [Уржа, Ван 2024а], [Уржа, Ван 2024б].

ситуации или адресату, так и отношение повествователя (шире – любого авторизатора) к субъекту прямой речи и его высказыванию.

Например, если речевая рамка включает глаголы типа *сказал, ответил, заметил*, то из нее мы узнаем лишь о факте произнесения фразы персонажем, если же реплика обрамлена глаголами типа *вскричал, зашипел* или *процедил*, мы понимаем, что говорящий герой испытывал ту или иную эмоцию. Глаголы же типа *нахамил, похвастался* или *брякнул* демонстрируют нам оценку того, кто транслирует прямую речь: повествователя, другого персонажа, или даже – отстраненно или ретроспективно – самого говорящего, если он пересказывает свои реплики.

Некоторые слова могут одновременно вводить в текст и эмоцию героя, и оценку повествователя, например, глаголы *лукавил, ныл, изрек, вякнул, донимал* и другие. Это важное свойство должно быть учтено в функциональной классификации. При определении соответствующих характеристик, в первую очередь, необходима опора на толкования и пометы в словарях, во вторую очередь – на анализ контекста, окружающего рамку прямой речи. Кроме того, при определении устойчивых коннотаций слова, не зафиксированных в словарях, опорой может служить анализ многочисленных контекстов из НКРЯ.

Итак, в предлагаемой нами таксономии используются три уровня для разграничения языковых средств, вводящих прямую речь, на формальных, семантических и функционально-прагматических основаниях.

На **формальном уровне** выделяются средства, различные по своим структурно-грамматическим характеристикам: глаголы, существительные (выступающие в сочетании с глаголом или самостоятельно) и фразеологические единицы (сокр. ФЕ).

На **семантическом уровне** подразделяются средства, вводящие звучащую речь и невысказанную мысль. Звучащая речь вводится с помощью слов и сочетаний, обозначающих собственно речь (*сказать, шепот, молоть языком*), жест или мимическое движение (*всплеснуть руками, поджать губы*),

эмоцию (*обрадоваться, дойти до белого каления*), иллокуцию (коммуникативную цель) (*представиться, жалоба*). Невысказанная (не произнесенная вслух) мысль может включаться в текст с помощью обозначений мыслительного действия (*подумать, догадка, стукнуло в голову*), знания (*знать, впитать с молоком матери*), памяти (*воспоминание, держать в голове*) или восприятия (*разобрать, прочитанное*).

Такое крупное смысловое деление, позволяющее по возможности избегать пересечений классов, уже может быть применено в исследовании текстов с прямой речью, однако для более детального анализа в рамках группы слов и сочетаний, обозначающих собственно речь, можно выделить подклассы: номинации общеречевого действия (*заметить, фраза*), характера звучания (*отчеканить, лепет*), отношения между репликами (*подхватить, отклик*) и типа речевой деятельности (*телеграфировать, надпись*) (см. подробнее ниже).

На **функционально-прагматическом уровне** учитываются: проявление отношения субъекта прямой речи / мысли к ситуации и проявление отношения повествователя к субъекту прямой речи. Назовем эти характеристики соответственно внутренней и внешней квалификацией прямой речи.

Средства **внутренней квалификации прямой речи** позволяют узнать об эмоциональном состоянии произносящего реплику и его отношении к ситуации (*воскликнул, прошипел, жалоба, изливал душу*¹⁵ и т.п.). Наличие такой характеристики мы устанавливаем с опорой на толкование слова или словосочетания в толковых словарях, а также на контекст употребления. Средства **внешней квалификации прямой речи** передают оценочное отношение повествователя (наблюдателя) к говорящему персонажу (*брякнул, разглагольствовал, болтовня, заговаривать зубы*¹⁶ и т.п.). Такое отношение

¹⁵ Воскликнуть. «Громко, с чувством, с волнением произнести что-л». Прошипеть. «2. Проговорить сдавленным шепотом, зло». Жалоба. «1. Выражение неудовольствия, печали, сетование по поводу неприятностей, боли и т. п.». Излить душу. «Высказать откровенно, до конца самое заветное» [МАС 1999].

¹⁶ Брякнуть. «Произнести что-л. необдуманно, неосторожно, неожиданно (обычно о чем-л.

воплощается в оценочной семе или коннотации слова или словосочетания, находящей отражение в его толковании или в словарной помете (*ирон., неодобр.* и т.п.)¹⁷. Трансляция оценочной коннотации часто поддерживается стилистической окраской слова (разговорной, просторечной), что также фиксируется в словарных статьях¹⁸.

Упомянутые две характеристики могут сочетаться (*наябедничал, ныл, похвальба, заливаться соловьем*¹⁹). Добавление в классификацию этих двух ракурсов (наличия / отсутствия внутренней / внешней квалификации прямой речи) позволяет оценить роль речевой рамки в трансляции точки зрения и формировании перспективы текста.

Разберем подробнее примеры **обозначений общеречевого действия**, – уже с прагматическими характеристиками внутренней квалификации (говорящий → ситуация) и внешней квалификации (повествователь → речь говорящего).

Слова *сказать, заметить, говорить, рассказывать, фраза, слова, высказывание* нейтральны, то есть не представляют ни внутреннюю, ни внешнюю квалификацию прямой речи. Глаголы типа *буркнуть, проворчать*, так же как существительные *ворчание* или *кредо*, передают отношение

неприятном и нежелательном для слушателей), тем самым вызвать шум, смятение, переполох» [Бабенко 1999]. Разглагольствовать. «Заниматься разглагольствованиями». Разглагольствование. «Многословное рассуждение, часто бессодержательное или высокопарное». Болтовня. «Бессодержательные разговоры». Заговаривать зубы. «Посторонними разговорами (*а также лестью, шутками*) намеренно отвлекать кого-либо от чего-либо существенного». [МАС 1999].

¹⁷ М.Н. Эпштейн называет такие языковые средства «прагмемами» [Эпштейн 1991: 19].

¹⁸ В данном исследовании мы связываем внешнюю квалификацию речи с оценкой, а не с любой интерпретацией или перцепцией, избегая таким образом широкой трактовки понятия внешней квалификации, при которой в нее оказались бы включены все средства введения прямой речи.

¹⁹ Наябедничать. «Нажаловаться, насплетничать на кого-л». Ныть. «2. Надоедливо жаловаться на что-л.». Похвальба «1. Разг., обычно неодобр. Восхваление самого себя, хвастовство своими делами, поступками и т. п.». Заливаться соловьем. Говорить о чем-л. с жаром, с увлечением, красноречиво. [МАС 1999]. В «Большом толковом словаре русского языка» последнее толкование включает помету «*ирон.*».

говорящего к содержанию прямой речи или адресату²⁰, тогда как пренебрежительное *вякнуть*, *болтовня* или ироническое *вещать* дают нам понять, как оценивает говорящего и его речь тот, кому принадлежит рамка реплики²¹. Все идиомы, вводящие речь, транслируют либо эмоциональное отношение говорящего к ситуации (внутреннюю квалификацию речи), например:

«Откуда ты все это знаешь?» — невольно *сорвалось у меня с языка*²². (В. Белоусова. НКРЯ),

либо оценку речевого действия (внешнюю квалификацию речи), например:

«Я подам в суд!» — *продолжил сотрясать воздух* Генка. (Т. Сахарова. НКРЯ)

В группе средств **обозначения характера звучания речи**, вводящих реплики, обнаруживаются нейтральные глаголы *басить*, *звенеть*, существительные *голос*, *бас*, *писк*. Эмоцию говорящего транслируют слова *вскричать*, *голосить*, *рев*²³, а дополнительную внешнюю квалификацию представляют лексемы *трещать*, *долбить*, *ор*, *визг*²⁴ и т.п.²⁵ Идиомы типа

²⁰ Буркнуть. «Сказать ворчливо или отрывисто, невнятно». Ворчать. «2. Сердито бормотать, выражая неудовольствие; брюзжать». Кредо. «Взгляды, убеждения, основы мировоззрения» [МАС 1999].

²¹ Вязать. «Прост. Говорить попусту, вздор». Вещать. «1. Ирон. Непререкаемо утверждать что-л., обычно без достаточных оснований». [МАС 1999].

²² Анализ словарных толкований показывает, что сочетание *сорваться с языка* не только указывает на невольное произнесение, неожиданность реплики, но также включает оценочную сему, а значит, представляет не только внутреннюю, но и внешнюю квалификацию речи: «Разг. Быть произнесённым невольно, неожиданно» [ФСРЛЯ 2008]. «Имеется в виду, что лицо (X) невольно, неуместно, необдуманно, неосторожно произносит что-л. (p), о чём потом будет сожалеть, по поводу чего будет испытывать чувство досады» [ФСРЯ онлайн].

²³ Вскричать. «1. Громко, возбужденно сказать что-л.; воскликнуть». Голосить. «2. Громко, с причитаниями плакать». Рев. 1. Громкий, неистовый крик человека, людей. [МАС 1999].

²⁴ Трещать. «2. Разг. Говорить быстро и много, не умолкая; тараторить». Долбить. «Прост. Беспреданно напоминать о чем-л., повторяя одно и то же; твердить». Ор. «Сниж. К орать 1». Орать. «Разг. 1. Издавать громкие вопли, кричать || Говорить слишком громко». Визг. «Пронзительный, резкий звук, крик». [МАС 1999]. Пронзительный, резкий или пискливый крик. || Неприятный, тягучий и высокий звук. [ТСРЯ Ушакова].

²⁵ Слова, вводящие прямую речь, могут иметь несколько значений и вносить в текст различную прагматическую окраску в зависимости от того, какой лексико-семантический вариант употреблен в контексте. Например, слово *лепетать* в «Большом толковом словаре

заливаться соловьем указывают на состояние производителя речи, а выражения *чесать язык(ом)* квалифицируют речь с внешней точки зрения²⁶.

В группе лексем и сочетаний, **называющих отношение между репликами**, также прослеживается противопоставление нейтральных слов (*начать, вставить, повтор, комментарий*), средств внутренней квалификации прямой речи (*подхватить, поправка*²⁷) и внешней, оценочной ее характеристики (*огрызнуться, встрять, отписка, вставить свои пять копеек*²⁸).

Обширный набор средств **обозначения типа речевой деятельности**, вводящих реплики, постоянно пополняется: к нейтральным обозначениям типа *телеграфировать, выгравировать, надпись, татуировка* добавляются современные заимствования или образования от них: *твитнуть, смс, пост*. Внутреннюю квалификацию прямой речи представляют слова *лозунг* или *мем*, а внешнюю – *каракули*, а также глаголы *накропать, накорябать, накалякать*²⁹

русского языка» в первом значении определяется как: «Говорить неправильно, несвязно, неясно произнося слова». Такой ЛСВ может транслировать не только внешнюю, но и внутреннюю квалификацию речи, если человек говорит неразборчиво под влиянием сильной эмоции (см. ниже о глаголе *лепетать*, вводящем речь Сони Мармеладовой). Во втором значении слово имеет помету «пренебрежительное» и обозначает «Невразумительно, неубедительно рассуждать, объяснять», такой ЛСВ передает внешнюю квалификацию речи с негативной оценкой.

²⁶ Чесать (или мозолить и т. п.) язык (прост.) — то же, что болтать языком . Болтать (или трепать, чесать и т. п.) языком (прост.) — говорить вздор; пустословить. [МАС 1999].

²⁷ Подхватить. «6. Быстро воспринять, понять что-л. || Продолжить, поддержать начатое другим». Поправка. «2. Изменение, дополнение, исправляющее что-л.; исправление. *Заунывное чтение Ефима нарушалось только поправками, которые Ираклий делал наизусть*». [МАС 1999].

²⁸ Огрызнуться. «2. Разг. Сердито, грубо, отрывисто ответить на какой-л. вопрос, замечание». Встрять. «Прост. Вмешаться, ввязаться во что-л.». Отписка. «2. Формальный ответ, не затрагивающий существа дела, обходящий его». Вставить свои пять копеек. Подробно см. [Бурыкин 2018].

²⁹ Лозунг. «1. Призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или политическое требование. || Кратко выраженная руководящая идея, ведущий принцип. 2. Плакат с таким призывом» [МАС 1999]. Интернет-мем. «Созданная в комичных целях текстовая или визуальная информация, распространяющаяся в интернете». [Викисловарь]. Каракуля «Неразборчивая, неумело или небрежно написанная буква». Накропать. «Разг. пренебр. Сочинить, написать». [МАС 1999]. Накорябать. «Разг. =Накалякать. Н. свою

и т.п. К ФЕ в этой группе отнесем выражения *черкнуть пару строк, марасть бумагу* и др. Новые и старые слова, обозначающие тот или иной тип текста, высказывания, по-прежнему вводят прямую речь и оказываются в этом разделе классификации:

31 декабря 2017 года Эрл опубликовал следующий твит: «Ждите хитов в новом году. Не думайте, что я сидел сложа руки». (ВКонтакте)

25 июня найдена берестяная грамота № 935: «У Фьдора 2. У Василя 10. У Фьдора 8. У Гавориле 4». (В. Янин. НКРЯ)

Многочисленными примерами представлена и следующая крупная группа слов, **называющих цель акта прямой речи**. Наряду с нейтральными обозначениями иллокуций (*здороваться, представиться, показания*), здесь обнаруживается множество слов с внутренней квалификацией речи (*сетовать, жалоба, угроза*) и с внешней оценкой речевого акта (*ныть, ябедничать, похвальба, донос, заговаривать зубы*)³⁰.

Использование **номинаций жестов и эмоций** в качестве средств введения прямой речи неоднократно отмечалось как феномен, получивший особое развитие в русскоязычном дискурсе. Подчеркнем, что в этих группах нет номинаций без характеристики говорящего: обозначение эмоции само по себе представляет состояние произносящего речь (*разозлиться, удивиться, оскорбиться*) и в дополнение к этому может представлять внешнюю интерпретацию такого состояния (*окрыситься, озвереть*³¹). Существительные в такой функции всегда используются в составе неизосемических оборотов (*почувствовать зависть, испытать гордость*) [Уржа 2016: 13]:

Веничка сказал мне, что у него набираются деньги для поездки на

подпись». Накалякать. «Разг. В речи детей или в разговоре с ребёнком: написать, начертить что-л. неумело, неразборчиво, небрежно [Большой толковый словарь русского языка, 2000].

³⁰ Сетовать «2. Жаловаться, роптать на кого-л., что-л.» [МАС 1999]. Толкования остальных слов приведены выше.

³¹ Окрыситься. «Прост. 2. перен. В раздражении, в злобе наброситься, напустить на кого-л.; раздраженно, злобно ответить кому-л.». Озвереть/ «Стать жестоким и беспощадным, уподобиться зверю». [МАС 1999].

Кольский. Говорю, что у меня тоже будут деньги. **Пришел в ярость:** «Я всю жизнь был нищим, а вот теперь имею возможность... А ты...» (Н. Шмелькова, НКРЯ)

Выразительные фразеологические единицы (*слететь с катушек, дойти до белого каления*) также входят в эту группу средств.

Жесты (кинемы) могут обозначать сопровождающую речь эмоцию (*закатить глаза, пожать плечами, сделать нетерпеливый жест, одарить улыбкой*), и, дополнительно, внешнюю характеристику говорящего (*отвесить челюсть, выпучить глаза*)³². Идиомы типа *махнул рукой* интерпретируются с опорой на контекст и содержание реплики.

Наконец, языковые средства, способные вводить **невысказанные мысли** – внутренние реплики персонажей, также могут быть представлены разными частями речи. Мыслительное действие называют глаголы *подумать, понять, осенило, дошло* и т.п., существительные *мысль, идея, догадка, осознание*, идиомы *стукнуло в голову*:

«Когда денег нет совсем, гораздо лучше, чем когда их мало», — **озарило** вдруг ее. (Л. Улицкая, НКРЯ)

Аналогично формируется состав группы средств со значением знания (*знать, вывести, знание, вывод, впитать с молоком матери, затвердить наять*), памяти (*помнить, воспоминание, держать в голове*), восприятия (*увидеть, разобрать, расслышать, прочитанное*).

Средства разных групп часто комбинируются между собой. Можно *написать твит, вспомнить надпись, разобрать буквы*, однако важно, что и глаголы, и существительные, входящие в эти сочетания, могут вводить прямую речь и по отдельности.

Вот **надпись** на сборнике стихов Тэффи «Шамрам», подаренном Пантелеймонову: «Дорогому брату по духу Б. Пантелеймонову».

³² Выпучить глаза. «(Простореч.) — широко раскрыть (от сильного впечатления)» [ТСРЯ Ушакова]. Отвесить челюсть. «Разг. Свесить, оттопырить. Яков Прокопыч вроде онемел сперва, вроде поглупел с внешности, вроде челюсть даже отвесил». [Викисловарь].

(С. Никоненко, НКРЯ)

Предложенная классификация может дорабатываться и пополняться, однако принципиальным представляется соединение в ней перечисленных грамматического, семантического и прагматического аспектов. Различия в стилистической окраске средств, вводящих прямую речь, учитываются на уровне прагматики: как показывает изложенный выше материал, наличие внутренней, а в особенности внешней квалификации реплики тесно связано со стилистическим варьированием. С его помощью передается пренебрежение, ирония по отношению к говорящему, характеру, содержанию его речи и т.п.

В последующих главах диссертации будет представлено применение предложенной классификации в лингвостилистическом исследовании романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

1.3.3. Номинации жестов и мимических движений в обрамлении реплик

Кинесика — «наука, изучающая совокупность телодвижений, выразительных жестов, участвующих в человеческом общении, за исключением движений речевого аппарата. Под кинесикой понимается раздел паралингвистики, занимающийся изучением коммуникативной семантики, а также и сами эти средства — выразительные жесты, мимика, позы» [Нелюбин 2003: 76]. Единицей кинесики является коммуникативное движение, которое в паралингвистике отмечается как **кинема**. Впервые элементарные акты телесного человеческого поведения были названы американским антропологом Р. Бирдвистелом кинами — мельчайшие, далее не делимые, наименее заметные движения; кин имеет чрезвычайно малую длительность, приблизительно 1/50 сек; и кинемами — более крупные единицы, с помощью которых происходит реальное общение людей; кинемы образуют структуру и объединяются в более крупные единицы — кинеморфы, кинеморфемы и кинесинтагмы [Бирдвистел 1952]. Считывание кинемы позволяет понять

сообщения, передаваемые через жесты и другие телодвижения.

По определению советского и российского лингвиста Г.Е. Крейдлина, кинема — это имя класса сходных аллокинов, то есть движений, контекстно взаимозаменяемых без изменения значения [Крейдлин 2002: 63]. Изучая невербальную семиотику, он полагал, что в обыденной речи слово «жест» не используется для обозначения физиологических, часто неконтролируемых движений, таких как, например, движения глаз, спонтанные выражения или проявления эмоций, физиологические реакции (*дрогнуть, вздрогнуть от страха и дрожать от бешенства*) [Крейдлин 2002: 57].

Г.В. Колшанский ставит сложный вопрос о функции параязыка, предлагая следующее: надо проводить разграничительную линию между жестами и мимикой, участвующими в процессе коммуникации, и между кинесикой, сопровождающей речь на чисто физическом и биологическом уровне. По его мнению, к жестам относятся различного рода телодвижения, а к мимике — выражение лица говорящего [Колшанский 1974: 48–49]. В словаре языка русских жестов [Григорьева и др. 2001], если нет особой необходимости введения классификации, авторы рассматривают их как единицы единой жестовой системы и называют жестами.

Использование обозначений эмоциональных кинем (спонтанных или намеренных жестов и мимических движений, транслирующих эмоциональное состояние человека) наряду с другими средствами выражения эмотивности в языке описывается в трудах В.И. Шаховского и ряда других исследователей [Шаховский 2009, Уржа 2012, 2018, Куликова 2017]³³.

В художественной литературе жесты являются важными вспомогательными средствами общения в конструкциях, вводящих прямую речь. Невербальное поведение выступает в роли коммуникативного средства,

³³ В научных исследованиях этой сферы языка используются и другие понятия, например, Л.А. Жданова пишет о синтагмах с соматизмами и об их способности «обозначать мимическое движение или жест, опосредованно выражая соответствующую эмоцию или психологическое состояние» [Жданова 2001: 38].

сопровождающего вербальное взаимодействие [Боронин 2004: 53]. Описание этого паралингвистического явления необходимо автору произведения для точного воспроизведения душевного состояния персонажей, их отношения к происходящему. Основная функция описания в литературном произведении жестов героев состоит в том, чтобы точно, ярко и живо передать читателю эмоции персонажей. Жесты могут поддерживать или не поддерживать чужую речь в диалоге, они также могут дополнять речь в смысловом отношении и замещать речевое высказывание [Григорьева 2001: 173–174]. Писатель уделяет большое внимание описанию жестов персонажей как средству их типизации или индивидуализации. В художественной литературе описание жестов способствует полному пониманию читателем того, что говорит персонаж, и служит одним из выразительных средств искусства. Своеобразие позы и жестов персонажа романа дополняет его портрет деталями, а поведение говорящего в целом – его речь, жесты – помогают читателю понять также взаимоотношения между героями.

Жесты можно изучать с разных сторон: этнографической, социологической, психологической, исследовать как элемент исполнительского искусства. В лингвистике жесты рассматриваются в их связи со словами. В словаре языка русских жестов авторы классифицируют все жесты с точки зрения выражаемого значения: (а) как имеющие самостоятельное значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста, (б) как выделяющие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации и (в) как управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию [Григорьева 2001: 17].

В своей диссертации, выполненной под руководством М.К. Милых, посвященной семантико-стилистическому анализу обозначения жестов персонажей, Е.Я. Кедрова делит жесты по их роли в общении на:

– знаковые (символические, указательные, изобразительные, содержащие новую информацию): *двумя пальцами изобразил шагающие ноги;*

– полузнаковые (эмоциональные), служащие для выражения внутреннего состояния говорящего: *хватая себя за голову, прижимая руку к сердцу*;

– незнаковые (ритмические и поисковые), помогающие обдумыванию, выражению мысли: *пощипал свои усы, как бы придумывая, что сказать еще*;

Один и тот же жест может быть многозначным, и при описании этого жеста языковой контекст помогает читателям понять его истинное значение в разных ситуациях. Следует отметить, что в произведениях можно обнаружить некоторые характерные сочетания мимики и жестов, которые могут стать основными чертами характеристики персонажей.

Литературные произведения дают богатейший материал для изучения русских жестов, их значений и особенностей употребления. Наиболее ярким примером может служить невербальное общение людей из разных социальных групп, по-разному проявляющееся в жизненных ситуациях.

Чем детальнее описываются автором жесты, тем сложнее структура ремарки. Глаголы жестов могут выступать как сказуемые в сочинительной конструкции с глаголами речи, однако чаще в составе ремарки они используются не в личной форме, а в форме деепричастия или деепричастного оборота [Уржа 2023б, 2024]. Жесты и мимические движения обозначаются также существительными или существительными с глаголами (*кивок, появилась улыбка*) и фразеологизмами (*всплеснуть руками, хлопнуть по лбу*). Видовременное соотношение и порядок глаголов жестов и речи в предложении определяют структуру ремарки. Таким образом, жестовое действие рассматривается чаще всего как добавочное по отношению к речи, а грамматические и лексические отношения между двумя глаголами отражают отношения между речью и жестом.

1.3.4. Обозначение эмоций в конструкциях, вводящих прямую речь

С помощью эмоций человек выражает своё отношение к различным объектам или жизненным ситуациям. Эмоции проявляются спонтанно, люди

не всегда осознают или анализируют их. В литературных произведениях особенно важно учитывать контекст, чтобы лучше понять эмоции говорящего, будь то стыд или гнев, радость или экстаз. Согласно общепринятой теории американского психолога К. Изарда, к базовым эмоциям относятся радость, интерес, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. Эмоции тесно связаны друг с другом, и проблема их сочетания по-прежнему остаётся актуальной. Для эмоций характерна двойственность, иногда противоречивые эмоции радость и печаль переплетаются, иногда отрицательные чувства накладываются друг на друга, овладевают человеком одновременно: *закатилась своим болезненно-нервическим смехом.*

Эмоции давно стали отдельным предметом исследований в лингвистике. Связь эмоционального состояния и языкового поведения рассматривается в социолингвистике, прагматингвистике и др. В.И. Шаховский делает вывод о том, что «в современной лингвистике эмоции рассматриваются в аспекте семиотики и коммуникации, то есть как опыт не отдельно взятого субъекта, а межсубъектный опыт, маркируемый специальными вербальными/ невербальными знаками» [Шаховский 2009: 29].

По мнению В.И. Шаховского, «эмоции имеют разные формы физиологической экстериоризации (смех, слезы, тремор и т.д.) и разные способы вербализации — называние, выражение, описание» [Шаховский 2008: 18]. Эти две семиотические системы взаимосвязаны. Первая рассматривается как более богатая, чем вторая, потому что язык не полностью отображает реальность. В.И. Шаховский также отмечает, что «в лексиконе эмоций всех языков наблюдается дихотомия по типу оценочного знака» [Шаховский 2008: 19]. Таким образом, эмоции тесно связаны с положительной или отрицательной оценкой явлений и предметов субъектом.

В литературных произведениях проявление эмоций характеризует персонажей, при этом они могут выражать свое состояние не только с помощью слов, но и посредством жестов, мимики, поз. Разнообразие глаголов, вводящих речь в русской литературе, неоднократно отмечено учеными.

Нередко глаголы эмоции заменяют глаголы говорения в конструкциях, вводящих прямую речь. Используя глаголы эмоции для введения прямой речи, писатель акцентирует внимание на модальности речи, выделяет и подчеркивает чувство, которое вызывает речь, и то, как это чувство выражается в речи. Отметим, что, хотя классификация В.И. Кодухова и М.К. Милых включает группу глаголов эмоции, вводящих прямую речь, они не анализируют семантические значения этой группы глаголов.

Изучение глаголов эмоционального состояния проводится в работах следующих ученых: Л.М. Васильева, Л.Г. Бабенко, Н.Г. Долгих, Е.Ф. Жуковой и др.

Идея классификации глаголов эмоции принадлежит Л.М. Васильеву. В книге «Семантика русского глагола. Глаголы психической деятельности» (1981) Л.М. Васильев впервые выделяет основные лексико-семантические группы глаголов чувств.

К категории глаголов со значением эмоций и чувств, выделенной Л.М. Васильевым в глаголах психической деятельности, относятся глаголы эмоционального состояния (настроения), глаголы эмоционального переживания, глаголы эмоционального отношения.

Глаголы эмоционального состояния (настроения) выражают эмоциональное состояние и его внешнее физическое проявление. К ним относятся такие глаголы, как: *радоваться, сердиться, грустить, оживляться, ликовать*. Также к этой категории принадлежат глаголы-каузативы: *сердить, раздражать, печалить, радовать, омрачать* и др. Выявляются глаголы, имеющие доминирующую сему становления, по значению «быть в каком-либо состоянии, испытывая какое-л. Чувство» и «выражать какое-либо состояние, чувство».

В отличие от предыдущей группы, глаголы эмоционального переживания описывают процесс внутреннего переживания субъектом какого-либо чувства, а не его эмоциональное состояние. Глаголы эмоционального переживания, например, *чувствовать, прочувствовать* и их

синонимы, являются носителями идентифицирующего значения «испытывать, переживать какое-либо чувство». В класс глаголов эмоционального переживания входят глаголы: *пылать, загораться, проникаться, терпеть, казниться*, также каузативные: *возбуждать, вызывать, внушать, унимать, досаждать, мучить* и др.

Группа глаголов эмоционального отношения объединяет глаголы с общим значением «переживание какого-либо чувства, вызванного отношением к кому-, чему-либо». К данной группе относятся глаголы *любить, влюбляться, увлекаться*, а также каузативные: *влюблять кого-л. во что-л., увлекать кого-л. чем-л.* и др.

Л.М. Васильев в своей работе подробно описал все категории глаголов со значением эмоций и чувств с использованием широкого круга примеров глаголов и словосочетаний, относящихся к этим категориям. Прямую речь в русском языке обычно вводят глаголы со значением эмоционального состояния.

Исследование С.В. Кузнецовой посвящено структурно-семантическим характеристикам глаголов эмоции в прямой речи в художественной литературе. Анализируя структурно-смысловые особенности передачи прямой речи в художественных текстах, С.В. Кузнецова разделяет семантические разновидности эмоции говорящего на три группы: удивленное выражение отношения к событиям, положительные эмоции и отрицательные эмоции говорящего [Кузнецова 2007: 94].

Так, по мысли исследователя, удивление может быть связано как с положительными, так и с отрицательными эмоциями героя, поэтому должно принадлежать экспрессивной группе, в которую также входят эмоции изумления, любопытства, безразличия и т.д. Прямую речь персонажа могут обрамлять глаголы, обозначающие удивление как изменение эмоционального состояния человека, с помощью которых в прямой речи выражается реакция удивления вслух: *удивляться, изумляться* и т.д.

Положительные эмоции включают восторг, любовь, благодарность,

уверенность, радость, гордость, нежность, блаженство и др. В рамке прямой речи они могут выражаться различными обозначениями смеха: *смеяться*, *засмеяться* и т.д. Положительные эмоции, по мнению автора, сопутствуют также состоянию успокоения, смирения, которое чаще всего отмечается следующими глаголами: *смириться*, *смягчиться*.

Отрицательными эмоциями являются: горе, тревога, гнев, страх, испуг, стыд, отвращение, ужас, растерянность, негодование, досада, раскаяние и т.д. Гнев выражается в рамке прямой речи с помощью глаголов или словосочетаний: *прорычать*, *проорать*, *окрыситься*, *рявкнуть*, *прийти в ярость* и др. Номинации, обозначающие плач человека, следующие: *заскулить*, *простонать*, *взрыдать*; выражающие недовольства человека: *басить*, *бухнуть*, *прогудеть*; выражающие испуг: *вздрагнул от ужаса* и др.

В рамке прямой речи передается набор эмоционального состояния человека: успокоение, сожаление, крайнее волнение, раздражение, гнев и грусть. Спокойствие может быть представлено глаголом или словосочетанием: *успокоить себя*, *успокоиться*, *утешить себя*.

Можно заметить, что в исследовании С.В. Кузнецовой объединяются как глаголы и сочетания, называющие только эмоциональные состояния (образоваться, успокоиться, прийти в ярость), так и выражения, называющие эмоционально окрашенную речь или звук (рявкнуть, простонать), а также жесты, комбинируемые с эмоцией (вздрагнуть от ужаса). Действительно, эти разные по смыслу средства нередко соседствуют в рамке диалога или монолога, однако в своем исследовании мы будем различать такие номинации, поскольку слова, называющие характер произнесения реплики, могут быть и эмоционально окрашенными (то есть выражающими, в нашей терминологии, внутреннюю квалификацию речи) (*взвизгнуть*, *заорать*), и неокрашенными (*басить*, *звенеть*), а обозначения эмоций (*испугаться*, *возликовать*) всегда квалифицируют состояние говорящего— согласно своей семантической природе.

Внешняя квалификация речи (оценка повествователем или другим

авторизатором) может накладываться на обозначение эмоции говорящего: *задирать нос, голова закружилась от успеха* и др.

1.4. Современные методы изучения языковых средств, вводящих речь персонажей в художественных произведениях

Как было отмечено выше, ядро группы средств, вводящих прямую речь, в текстах на русском языке, составляют глаголы. Академик В.В. Виноградов отмечал: «глагол — самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка». Он писал, что семантическая структура глагола «более емка и гибка, чем у всех других грамматических категорий. Это свойство глагола зависит от особенностей грамматического строя глагола». «Грамматика русского глагола органически сплетается с его стилистикой» [Виноградов 1938: 335, Виноградов 2001: 349, 351, 379]. «Толковый словарь русских глаголов» (1999) под редакцией Л.Г. Бабенко содержит около 25000 глаголов. Поиск глаголов в большом объеме текста — сложная задача, а их анализ и семантическая классификация — еще сложнее.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) — доступный электронный онлайн-корпус для поиска языковых объектов в текстах на русском языке — стал важным инструментом исследовательской работы современных ученых. В корпусе представлены тексты разных стилей на русском языке общим объемом более 1,5 миллиардов слов, в том числе тексты художественные, научные, публицистические, религиозные и др. В НКРЯ также входят корпуса параллельных текстов (корпусы, параллельные с русским, доступны для более чем 20 языков: английский, китайский, испанский, немецкий, французский и др.).

Семантическая неоднозначность глаголов — это проблема, которую необходимо решить в НКРЯ. Другая проблема заключается в том, что для некоторых глаголов в корпусе отсутствуют семантические пометы. Так, например, отмечается, что «двух признаков (напр. *ткнуться* - ‘движение’+‘контакт’) недостаточно ни для полного описания

соответствующих глаголов, ни для их типологического сравнения с другими языками» [Рахилина и др. 2009: 222]. Очевидно, что корпус в настоящее время еще недостаточен в описании лексико-семантической системы глаголов, но он постоянно обновляется и расширяется, и его роль для современных лингвистических исследований неуклонно возрастает.

Лингвисты уже начали использовать материалы НКРЯ при изучении глаголов, вводящих прямую речь в текстах русских писателей. Так, в статьях М.В. Дюзенли анализируется сравнительная частотность так называемых «стандартных операторов ввода прямой речи» (судя по публикациям, это именно глаголы) как маркеров идиостиля писателей. Автор пишет: «Единицами сравнительного лексико-статистического и контекстологического анализа являются лексические биграммы (пары слов, употребляющихся в одном фразовом контексте на расстоянии не более 5 слов). Они представляют собой такие сочетания слов, которые используются одним автором в разных текстах, и при этом в произведениях других писателей не встречаются. В то же время одним из элементов биграммы должно быть слово, которое часто используют все авторы (показательны, в частности, именно глаголы речевой деятельности, вводящие прямую речь — *сказать, спросить, ответить, заметить* и др.), что демонстрирует индивидуальную специфику работы с одним и тем же языковым материалом [Дюзенли 2023: 199]. Важно отметить, что М.В. Дюзенли анализирует не сами тексты писателей, а «массивы биграмм», сформированные для каждого рассматриваемого автора на основе наиболее частотных для него слов. Таким образом, внимание исследователя сосредоточено на некоторых распространенных глаголах (у Л.Н. Толстого отмечен глагол *отвечать*, а у Ф.М. Достоевского *замечать*) и на их сочетаемости, а не на репертуаре таких глаголов и его структурировании у отдельного автора или в конкретном тексте. С другой стороны, обращение к биграммам позволяет выявить некоторые элементы конструкций с прямой речью, представляющие ее дополнительные эмоциональные или оценочные характеристики (*отвечать радостно, отвечать невольно*), но их описание

требует предварительного вычленения из всего списка биграммов (для Л.Н. Толстого это, по данным исследователя, «*отвечать + адвокат* (4), *отвечать + власть* (3), *отвечать + графиня* (5), *отвечать + испуганно* (3), *отвечать + княжна* (13), *отвечать + невольно* (2) и др. [Дюзенли 2023: 202]).

В публикациях А.В. Уржи также отражены количественные характеристики глаголов, вводящих прямую речь в текстах русских писателей, по материалам НКРЯ. «В исследование были включены произведения И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Булгакова, М.А. Шолохова, Б.Л. Пастернака, В.С. Гроссмана и др. На первом этапе оценивалась частотность словоформ типа *сказал* на фоне общего количества словоупотреблений в произведении. Выявленный показатель обусловлен рядом факторов. Низкая частотность может свидетельствовать как о небольшом количестве контекстов с прямой речью, так и о тенденции к опущению диалогической рамки – эти характеристики уточняются в ходе традиционного филологического анализа текстов. Кроме того, невысокий процент словоупотреблений типа *сказал* может возникать из-за высокой конкуренции с другими средствами введения речи: с эмотивно окрашенными речевыми глаголами (*вскричал, завопил, взвизгнул*), со словами, обозначающими эмоции (*огорчился, удивился*), с номинациями кинем (*пожал плечами, подмигнул*), с обозначениями иллокуций (*возразил, представился*). Палитра таких средств также может быть выявлена и охарактеризована по частотности составляющих. Собранная информация позволяет сопоставить манеру разных авторов, а также произведения одного автора» [Уржа 2023а: 190].

В современных исследованиях многие ученые используют тексты на двух языках в качестве материалов для изучения различных аспектов прямой речи. Например, труды Л.Г. Поповой основаны на материалах по сопоставлению немецкого и русского языков [Попова 2002], работы Н.М. Леоновой – на немецких и русских художественных текстах [Леонова 2005], С.В. Кузнецовой – на материалах английского и русского языков (2007) и др.

При изучении глаголов прямой речи корпусы не только обеспечивают функцию быстрого поиска по большому количеству примеров, но и предоставляют прямые доказательства для сравнительных двуязычных или даже многоязычных исследований.

А.В. Уржа и Г.А. Филатова также опубликовали результаты сопоставительных исследований русских переводов англоязычных произведений, где, в зависимости от стратегии переводчика, допускается более или менее значительное стилистическое и эмоционально-оценочное варьирование глаголов, вводящих речь, по сравнению с оригинальными текстами [Уржа 2018, Уржа 2021, Филатова 2023].

Помимо количественного и сопоставительного методов изучения языковых средств, вводящих прямую речь, современные научные труды представляют и образцы традиционного лингвостилистического анализа литературных текстов или их фрагментов. В диссертации О.А. Захаровой исследуется роль глаголов, вводящих речь, в конструировании образа автора и образа ратора в ряде романов Ф.М. Достоевского [Захарова 2006], в работе Г.Г. Хисамовой охарактеризованы ремарки в структуре диалога в рассказах В.М. Шукшина [Хисамова 2008], в статье А.И. Дереченик глаголы речи изучаются как «экспликативные категории информативности и интенциональности» в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» [Дереченик 2021]. Д.А. Черемохина обращается к прагматическим характеристикам глаголов речи в поэзии В.С. Высоцкого.

Комбинирование описательного, количественного, сопоставительного методов изучения средств, вводящих прямую речь в художественных текстах, представляется наиболее продуктивным.

Выводы по первой главе

Передача речи персонажей в художественных произведениях осуществляется разнообразными способами. Исследователями определено, что чужая речь может существовать в литературном произведении в виде

следующих семантико-синтаксических шаблонов: это прямая речь, косвенная речь и несобственная прямая речь.

Прямая речь является наиболее распространенным способом передачи чужой речи, так как ее главные характеристики – это точность, буквальность и подлинность. При включении прямой речи в текст автор не приспосабливает ее к своей речи, а делает максимально отличной, использует особые лексико-синтаксические приемы, отражающие портрет персонажа, которому эта прямая речь принадлежит. Прямая речь в художественном произведении может быть представлена диалогами между персонажами, диалогами автора со своими героями, монологами (в том числе внутренними), а также диалогом автора и читателя.

В свою очередь, косвенная речь — это один из способов передачи чужой речи, при котором речь другого человека грамматически приспосабливается говорящим к своей речи: чужая речь в форме косвенной оформляется как придаточная часть при глаголе речи (*сказать* и др.), находящемся в главной части сложного предложения. При косвенной речи чужое высказывание передается только от лица автора.

Несобственно-прямая речь — это способ опосредованной передачи внутренней речи литературного героя, способ выражения его восприятия, чувств и вербальной реакции на них. Такое высказывание включено в сплошное авторское повествование определенным синтаксическим образом и характеризуется совмещением «субъектно-модальных речевых планов автора и героя».

Прямая речь в литературных произведениях встречается в диалоге с рамкой повествования автора или без неё. Глаголы, вводящие диалогическую прямую речь в художественных произведениях, многочисленны и разнообразны, по своему лексическому значению они либо обозначают акт говорения или мышления, либо вербализуют жест, эмоцию, иллюзию говорящего, отсылая к подразумеваемому акту речи.

Изучение существующих подходов к таксономии лексем, вводящих

прямую речь в текстах на русском языке, свидетельствует о необходимости более системной и развернутой классификации таких средств с учетом не только формальных и смысловых, но и прагматических параметров. Представленная в главе функционально-семантическая классификация средств русского языка, вводящих звучащую речь и невысказанную мысль, охватывает глаголы, существительные и фразеологизмы, принадлежащие к различным семантическим группам. В классификацию включено функциональное основание, характеризующее участие языковых средств введения речи в формировании перспективы текста: все средства сопоставлены по наличию / отсутствию внутренней квалификации речи или мысли (то есть выражения отношения говорящего / мыслящего персонажа к ситуации), а также по наличию / отсутствию внешней квалификации речи или мысли (то есть отношения повествователя или другого авторизатора к говорящему / мыслящему герою и его реплике).

Применение в анализе текста такой функционально семантической классификации языковых средств, вводящих прямую речь, позволяет выявить роль, которую играют номинации из разных семантических и грамматических групп в формировании художественных образов и атмосферы повествования, а также в создании перспективы произведения, в соотношении и чередовании точек зрения в нарративе.

Средства, вводящие прямую речь, изучаются в современных научных трудах с помощью лингвостилистического анализа (с опорой на близкий и расширенный контекст), а также с применением количественных и сопоставительных методов на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ), комбинирование этих методов в одном исследовании представляется нам наиболее продуктивным.

Глава 2. Особенности средств введения речи персонажей в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»³⁴.

Обрамление прямой речи в романах Ф.М. Достоевского привлекает внимание исследователей, поскольку принципы его оформления являются одной из составляющих писательской манеры [Захарова 2006, Gafurova, Akbarov 2022, Дюзенли 2023 и др.]. И читатели, и специалисты отмечают повышенную эмоциональность героев Достоевского, которая проявляется не только в их речи, но и в обрамлении реплик. О.А. Захарова считает, что автор стремится «сконцентрировать внимание читателя на движении, жесте во время разговора» [Захарова 2006: 140]. Говорящие изображаются в разных ракурсах, с разных точек зрения – именно поэтому так разнообразна палитра средств, вводящих прямую речь в романах Ф.М. Достоевского.

Мы исследуем текст романа «Преступление и наказание», чтобы детально охарактеризовать репертуар языковых средств, вводящих реплики и невысказанные мысли в этом произведении, выявить их сравнительную частотность (по роману в целом и по ключевым персонажам), а также описать их семантику, стилистическую принадлежность и прагматику. Применение предложенной выше классификации в качестве основы для количественного и лингвостилистического анализа текста поможет нам выявить роль средств, вводящих прямую речь, в создании образов героев, атмосферы романа и перспективы нарратива.

2.1. Семантика и частотность лексем, вводящих прямую речь.

Известно, что в русской повествовательной традиции варьирование глаголов речи широко распространено. Зачастую «указание на речевое действие заменяется на обозначение собственно эмоции героя, при этом

³⁴ Результаты исследования, представленные в данной главе, опубликованы автором диссертации в статьях [Уржа, Ван 2024б], [Ван, Уржа 2025], [Уржа, Ван 2025].

дополнительные семы, характеризующие каждый из выбранных глаголов, взяты из контекста, обусловлены содержанием произнесенных и/или услышанных персонажем реплик» [Уржа 2018а: 119]. Однако манеры писателей различаются, и существует возможность подкрепить их описание результатами количественного анализа.

Данные о репертуаре глаголов, вводящих прямую речь в литературном произведении, и о частотности их употребления, характеризуют поэтику текста в разных аспектах: мы узнаем о том, монотонна или вариативна диалогическая рамка, насыщена ли она эмоциями говорящих, усиливает ли она драматизацию сцен с репликами за счет передачи мимики, жестов, других проявлений настроения героев. Одним из важных параметров в этом случае становится соотношение нейтральных глаголов речи и их эмоционально окрашенных коррелятов.

В ходе анализа романа с помощью метода сплошной выборки были выявлены все контексты с прямой речью, затем были выделены все глаголы, глагольные сочетания и самостоятельные существительные, вводящие реплики (произнесенные и внутренние), охарактеризована их частотность и изучены контексты их употребления. Подавляющее количество реплик введено с помощью глаголов, поэтому мы начнем с их характеристики.

Мы выявили все контексты с глаголами, вводящими прямую речь в романе «Преступление и наказание», и подсчитали количество употреблений каждого глагола, учитывая также соотношение видовых характеристик. Таким образом, сопоставляя количество словоупотреблений глаголов друг с другом, можно судить об их относительной частотности в романе³⁵. Рассмотрим 25 самых частотных глаголов, вводящих прямую речь в этом произведении (см. Рисунок 1).

³⁵ Абсолютная частотность, рассчитываемая в процентах от общего количества словоупотреблений всех слов в романе, представлена в параграфе 4.1, она требуется для сопоставления употребления одного и того же глагола в романах Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

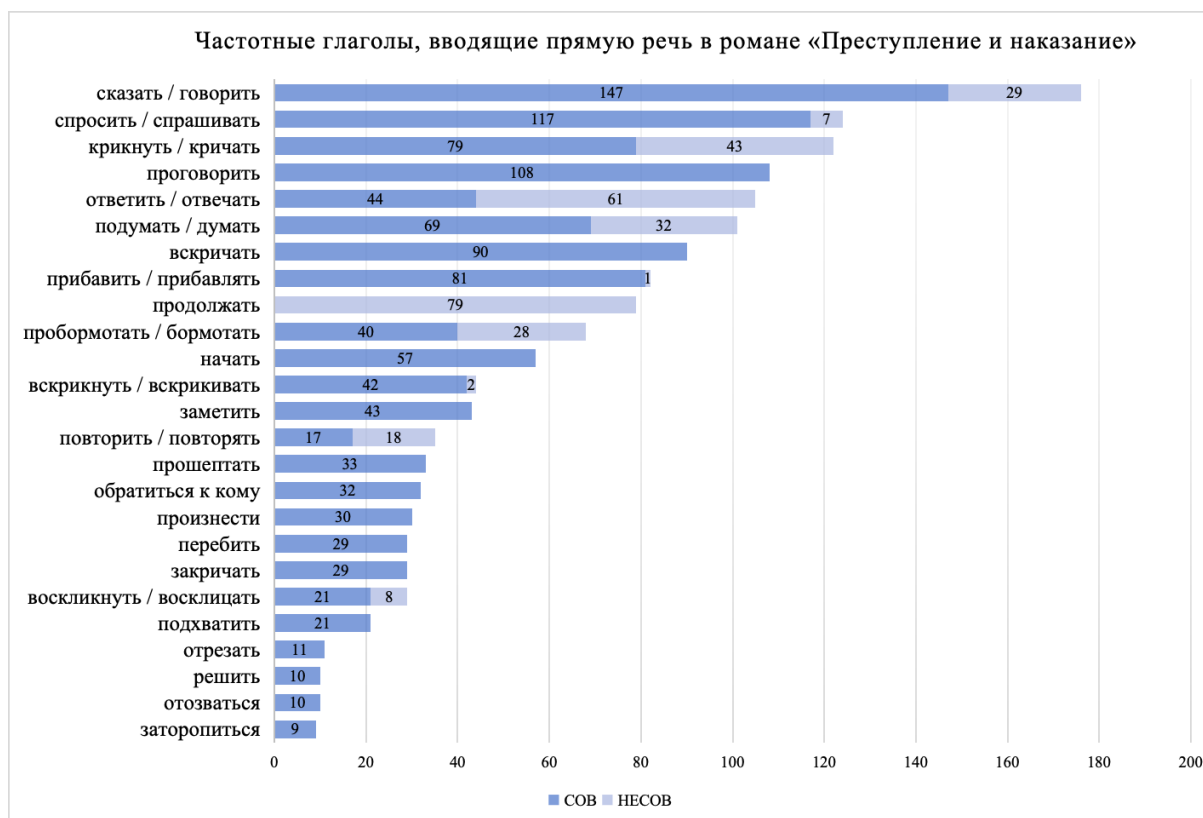

Рисунок 1. Частотные глаголы, вводящие прямую речь в романе
«Преступление и наказание»

Самые частотные глаголы в перечне *сказать* и *говорить* являются основным компонентами этой системы. Лексическое значение «произносить (произнести) что-либо» определяет глаголы, наиболее часто употребляемые в ремарках (в скобках после лексемы здесь и далее мы указываем количество употреблений данного слова в романе): **сказать** (147) // **говорить** (29) «— Не надо, — *сказал* Раскольников, отстраняя перо», «— Убил непременно закладчик! — утвердительно *говорил* Зосимов»; **проговорить** (108) «— Гм! А впрочем, охота вам, маменька, о таком вздоре рассказывать, — раздражительно и как бы нечаянно *проговорил* вдруг Раскольников»; **произнести** (30) «— Затвердил! Рекомендуются, — *произнес* вдруг Раскольников».

Конструкции с глаголами введения прямой речи характеризуются в значительной степени присутствием неконститутивных обстоятельственных

определителей со значением образа и способа действия, меры и степени. Отметим, что глаголы *проговорить* и *произнести* используются с большим количеством разрядов наречий, выражая тем самым более богатое содержание, чем *сказать* и *говорить*. С глаголом *проговорить* используются следующие наречия: *отчетливо, нехотя и сурово, злобно, робко, робче, задумчиво, раздражительно, ласково, внушительно, как-то странно, медленно и слабо, резко, горячо, быстро, тихо, угрюмо и вдумчиво, кротко и ласково, отчаянно* и т.д. С глаголом *произнести* сочетаются наречия: *строго, решительно и торжественно, сентенциозно, грустно, укоризненно и настойчиво, вдумчиво, вяло, отрывисто, как-то дико, внушительно, страшно* и т.д. При этом нередко нейтральный с точки зрения общеупотребительной практики глагол входит в сочетание с эмоциональной окраской, описывающее состояние говорящего. Обратим внимание на то, что наречия *странный, дико, страшно* вводят внешнюю квалификацию речевого действия персонажа – с точки зрения наблюдателя, однако в данных контекстах такая квалификация не входит в значение или коннотацию самого глагола, а создается в развернутой конструкции.

В вопросительных конструкциях наиболее распространенным и часто употребляемым является глагол **спросить** (117) // **спрашивать** (7): «— Да разве вы знаете, кто убил? — *спросила* она, леденея от ужаса и дико смотря на него». Дважды этот глагол появляются в следующих фразах: *не утерпеть не спросить; не мочь удержаться, чтобы не спросить*.

Охарактеризуем семантические группы, к которым принадлежат выявленные языковые средства. То, что в списке лидируют глаголы с общим значением говорения (*сказать / говорить, спросить / спрашивать*) является ожидаемой характеристикой русскоязычного текста, включающего реплики.

Среди 25 самых частотных глаголов, вводящих реплики в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», широко представлена группа обозначений характера звучания речи: *крикнуть, вскричать, вскрикнуть,*

воскликнуть, закричать, а также *прошептать*. (Подчеркнем, что глагол *крикнуть* является третьим по частотности среди всех глаголов, вводящих прямую речь в романе). Эти глаголы обладают выраженной внутренней квалификацией, то есть характеризуют не только речевое действие, но и эмоциональное состояние говорящих [Словарь языка Достоевского 2008, 2010, 2012].

Среди глаголов, которые выражают громкое, с силой, произнесение фразы, инвариантное значение «громко говорить, громко сообщать что-л.» [МАС 1999] представляет глагол **крикнуть** (79) // **кричать** (43), который, согласно классификации М.К. Милых, принадлежит к семантической группе: «глаголов, указывающих на эмоциональность высказывания» [Милых 1958: 36]. Действительно, этот глагол у Достоевского обозначает не просто громкое, но взволнованное, эмоционально окрашенное произнесение фразы: *Не позволю-с! — крикнул он вдруг, изо всей силы стукнув кулаком по столу*. Или: *Эй вы, Свидригайлов! Вам чего тут надо? — крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злобы губами*³⁶.

Значение восклицания передается также синонимами: это глагол **вскричать** (90) со значением «громко, возбуждённо произнести что-л.» [БТС 1998]: «— Нет, ни за что не поверю! — с какою-то даже злобой *вскричал* Раскольников»; **вскрикнуть** (42) // **вскрикивать** (2) «внезапно, отрывисто крикнуть» [БТС 1998], например «— Совсем ничего не сидит! — с досадой *вскрикнула* Дуня»; **воскликнуть** (21) // **восклицать** (8) «громко, с чувством, с волнением произнести что-л.» [МАС 1999]: «— Ну а коли я соврал, — *воскликнул* он вдруг невольно»; **закричать** (29) со значением «1. Начать кричать, издать крик. 2. Громко произнести, прокричать что-л.» [БТС 1998]: «— Бредит! — *закричал* хмельной Разумихин»³⁷.

³⁶ Подчеркнем также, что герои романа часто кричат, стоя очень близко друг к другу, то есть крик не вызван необходимостью быть услышанным издали: *Да чего тебя жалеть-то? — крикнул хозяин, очутившийся опять подле них. Вас-то мне и надо, — крикнул он, хватая его за руку*.

³⁷ Обилие однокоренных глаголов, используемых Ф.М. Достоевским для введения прямой

Обратим внимание на то, что в группу двадцати пяти самых частотных глаголов вошли все эти глаголы, имеющие ярко выраженную эмоциональную окраску. Глаголы со значениями ‘произнести громко, внезапно, с чувством’ играют при введении реплик в «Преступлении и наказании» значимую роль (Ср. [Баранов, Добровольский 2021, Gafurova 2022, Katsma 2014]). Подробный анализ сочетаемости таких глаголов в романе позволяет описать контексты с различными эмоциями кричащих героев, названными существительными («закричал он в восторге»), а также с внешней оценкой крика («закричала она разрывающим сердце воплем»).

В списке мы встречаем также лексемы *пробормотать* и *прошептать*, которые М.К. Милых относит к «глаголам, определяющим речь по звучанию или характеру произношения» [Милых 1958: 45], при этом анализ контекстов показывает, что их употребление в романе также всегда сопряжено с указанием на эмоциональность высказывания. Глаголы **пробормотать** (40) // **бормотать** (28) обозначают не только приглушенное произнесение одной или нескольких реплик, но характеризуют также четкость произношения, со значением «проговорить тихо, невнятно» [БТС 1998]. Эти глаголы также встречаются в тексте романа: «— Да что вы... что... кто убийца? — *пробормотал* Раскольников едва слышно», «— Э, черта еще этого не доставало, — *бормотал* он, скрывая зубами». Обе видовые формы этой пары глаголов в общей сложности использованы 32 раза, чтобы ввести речь главного героя — Раскольникова, причем 10 таких высказываний — это его монологи, а 22 — диалоги с другими героями. Можно сделать вывод, что автор рисует Раскольникова как человека, который говорит обычно невнятно, быстро и тихо, его речь часто кажется окружающим бормотанием. Общее значение приглушенного произношения «произносить, говорить очень тихо (шёпотом

речи, может быть также охарактеризовано с опорой на наблюдение Н.А. Николиной о функции морфемного (в частности корневого) повтора, который у этого автора «служит средством интенсификации обозначаемых признаков, выделяет тему контекста или композиционной части, а также текста в целом, «обнажает» его семантическую структуру, способствует развёртыванию определённого мотива» [Николина 2021: 45].

или сдавленным голосом)» [Васильев 1981: 7] выражает также глагол **прошептать** (33): Подлец! — *прошептала* Дуня в негодовании.

Целый ряд глаголов традиционно относится к группе слов «со значением отношения между репликами» [Кодухов 1957, Милых 1958] или речевого взаимодействия [Андреева 2015; Бабенко 2005]. Это лексемы **ответить** (44) // **отвечать** (61), и **отозваться** (10) «сообщать кому-либо что-либо, реагируя на вопрос» [Васильев 1981: 21]. В ремарках с глаголом *отозваться* в основном используется только структурная схема N1Vf — т.е. наименование героя произведения в именительном падеже плюс личная форма глагола *отозваться*: «— Очнулись, — *отозвался* артельщик»; однако в конструкциях с глаголами *ответить* или *отвечать* используется множество обстоятельств и дополнений, показывается больший спектр эмоций, сопровождающих ответ: «— Не верь! — *отвечал* Раскольников с холодной и небрежной усмешкой»; «— Никогда вы этого не говорили! — резко и с азартом *ответил* Раскольников».

Глаголы, вводящие прямую речь, обозначают также этапы протекания речевой деятельности. Выражают начало речи глагол **начать** (57) «— У меня, брат, со вчерашнего твоего голова... Да и весь я как-то развинтился, — *начал* он совсем другим тоном, смеясь, к Разумихину», и все глаголы речи, которые образуются с помощью приставки **за-**, которая в этом случае имеет значение "начать выполнять соответствующее действие". Это такие глаголы, как *заговорить*, *закричать*, *зашептать*, *замямлить* и др.

С общим значением продолжения речи автором используются глаголы **продолжать** (79) «— Ведь я особенно-то ничем почти не интересуюсь, ей-богу, — *продолжал* он как-то вдумчиво»; **повторить** (17) // **повторять** (18) с значением «говорить одно и то же несколько раз, сообщать что-то известное, напоминать сказанное ранее» [Бабенко 1999]: «— Теперь-то! О, что теперь делать!.. Вместе, вместе! — *повторяла* она как бы в забытьи и вновь обнимала его». Речь, введенная этим глаголом, часто содержит особый стилистический прием — повтор, усиливающий эмоциональность высказывания и

обогащающий характеристику персонажей. Значение продолжения речи передают также глаголы **прибавить** (81) // **прибавлять** (1) со значением «говорить или писать в дополнение к сказанному или написанному» [Васильев 1981: 9], например «О боже! как это всё отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! — *прибавил* он решительно»; **подхватить** (21) с переносным значением «продолжить, поддержать начатое другим» [МАС 1999]. Глагол *подхватить* сам по себе значение речи не содержит, но в структурах с прямой речью он передает смысл ‘сказать’: «— Которую все проливают, — *подхватил* он чуть не в исступлении»; «— Ничего-с, ничего-с... — почти радостно *подхватил* Порфирий».

Глаголы, которые описывают прерывание речи: **перебить** (29) «вмешаться в чью-л. речь, не давая говорящему закончить высказывание, довести своё рассуждение до конца» [БУС 2018], **отрезать** (11) в значении «резко, коротко и категорично ответить, заявить, давая понять, что сказанное не подлежит дальнейшему обсуждению» [БУС 2018]. Сравним два примера: «— А куда я этих-то дену? — резко и раздражительно *перебила* она, указывая на малюток» или «— Совсем не бледен... напротив, совсем здоров! — грубо и злобно *отрезал* Раскольников, вдруг переменяя тон». То есть *перебить* обычно используется, когда персонаж находится в нетерпеливом настроении, а *отрезать* — когда персонаж сердится или злится.

Глагол **заметить** (43) «сказать; вставить в разговор замечание» [БТС 1998], обозначающий акт говорения в его общем виде, преимущественно используется для введения коротких реплик, произнесенных вскользь: «— Ишь нахлестался! — *заметил* подле него один парень», «— Из благородных! — *заметил* кто-то солидным голосом».

Типовая семантика глаголов адресации — «обращаться (обратиться) со словами, устной речью к кому-л». Наиболее часто в ремарках с общим значением говорения мы наблюдаем следующее употребление: **обратиться к кому** (32) «— Надеюсь, путешествие прошло благополучно? — официально *обратился* он к Пульхерии Александровне».

Глагол **решить** (10) вводит произнесенную прямую речь и внутреннюю со значением «после размышления, обдумывания прийти к какому-л. выводу, заключению относительно чего-л.» [БТС 1998], способ идентификации заключается в том, появляется ли глагол в сцене диалога или в сцене монолога. Анализ контекстов показывает, что Достоевский использовал *решить* 5 раз для описания звучащей речи, например: «Илья Петрович — болван! — *решил* он окончательно».

Отдельно стоит выделить в выявленном нами наборе глагол **подумать** (69) // **думать** (32) с лексическим значением «размышлять о чем-л., направляя свои мысли на кого-, что-л.» [Бабенко 1999]; «осуществлять умственную деятельность» [БУС 2018], относящийся к глаголам мысли [Васильев 1981, Милых 1958]. Все многочисленные раздумья героев автор передает в форме прямой внутренней речи. Сами по себе глаголы *подумать* и *думать* не имеют эмоциональной окраски. Однако у Достоевского эти глаголы нередко используются для выражения множества сильных негативных эмоций героев, которые мы наблюдаем в невысказанных речах и внутренних монологах, вводимых глаголом *подумать* или *думать*: «А черт возьми это всё! — *подумал* он вдруг в припадке неистощимой злобы»; «Как только одним решением: "Тогда я убью его", — *подумал* он в холодном отчаянии». При этом персонажи нередко думают вслух, так что внутренняя и произнесенная речь в их исполнении смешиваются: "*Эх, девчонка!*" — *подумал он с проклятием, уже растворяя дверь, но вернулся еще раз посмотреть на девочку, спит ли она и как она спит?* Если же говорить о главном герое романа, Раскольникове, в рамке его прямой речи чаще всего обнаруживается глагол *подумать* / *думать*. Действительно, в первую очередь этот персонаж раскрывается перед нами во внутренней речи.

Привлекает наше особое внимание глагол **заторопиться** (9) (не является собственно речевым) со значением «начать торопиться», так что *заторопиться* имеет значение в прямой речи «начать стараться говорить что-л. как можно скорее»: «— Так я скажу Катерине Ивановне, что вы придете...,

— *заторопилась* Соня, откланиваясь, чтоб уйти». Наряду с частотами глаголов *подхватить* и *перебить*, на наш взгляд, его активное употребление показывает, что герои Достоевского спешат произнести свою речь, и это стремление обусловлено их эмоциональным состоянием.

Изучение средств, вводящих прямую речь в романе Ф.М. Достоевского, требует не только опоры на традиционные семантические классификации таких элементов, но и учета их прагматической нагрузки в рамках контекстов, а также особенностей грамматического оформления. Грамматические характеристики глаголов, вводящих речь, свидетельствуют о предпочтении совершенного вида несовершенному (см. Рис. 1), а также личных форм неличным (во всем тексте только дважды реплики вводятся деепричастиями). Преобладание совершенного вида объясняется тем, что произнесение реплик чаще представляет в романе Достоевского однократные, законченные, значимые события, чем фоновые процессы [Уржа 2022: 182].

Важно отметить, что речевые события в романе предстают в контексте сложной повествовательной перспективы. Некоторые из них мы «видим» глазами нарратора, другие же воспринимаем с точки зрения персонажей. Так, приведенные выше примеры содержат эгоцентрические показатели *по-видимому* и *вдруг*, указывающие на ограничение точки зрения наблюдателя: реплики Порфирия Петровича и Сони даны опосредованно, через восприятие Раскольникова.

Что касается существительных с более высокой частотой (*мысль*, *голос*, *вопрос*), вводящих прямую речь, то большинство из них также встречается в форме словосочетаний: *разливался голос*, *усмехнуться на мысль*, *припомнился вопрос* и др.

Среди существительных, обозначающих характер звучания реплики и отсылающих к эмоции персонажа: *крик*, *вопл*, *восклицанье*, *шепот*, *молитва*, *отговорка* и *голос*, причем последнее существительное – самое частотное, оно вводится в роман в сочетаниях с глаголами из этой же группы: *послышался голос*, *разливался голос*, *раздался голос*.

Прямую речь также вводят номинации, обозначающие невысказанную мысль: *мысль* (с более высокой частотой), *вопрос*, *решение*, *слова*, *суть дела* и обозначение эмоции героя – *надежда*. Небольшие вставные тексты включаются в роман с помощью существительных *стих*, *пословица*, *советы*, *выражение* и *повесть*.

Таким образом, наиболее частотные лексемы, вводящие прямую речь в романе Ф.М. Достоевского, обозначают значимые речевые события, сопровождаемые проявлением эмоций говорящих и воспринимаемые в рамках различных точек зрения в тексте. Однако помимо частотности необходимо учитывать и разнообразие использованных автором средств введения реплик. Рассмотрим подробнее репертуар привлеченных Ф.М. Достоевским глаголов или словосочетаний различных семантических групп.

2.1.1. Лексемы, обозначающие речь или мысль, как средства введения прямой речи в романе

Как пишет К.В. Мочульский, Ф.М. Достоевский был гениальным изобретателем способов художественного изображения человека – его души, его стремлений, мечтаний и поступков. И едва ли не самое большое место в этом умении занимает прием сценарного воссоздания эмоций персонажа [Мочульский 1995: 426]. Сценарное воссоздание эмоций, как показывает исследование, опирается на прагматические возможности глаголов целого ряда семантических групп. При этом палитра лексем, вводящих прямую речь у Ф.М. Достоевского, чрезвычайно разнообразна. По предварительным подсчетам, в романе использовано 183 различных глагола с этой функцией в 1776 употреблениях. (Полный список см. в Приложении 1).

Среди них наиболее распространены глаголы речи, которые нередко синонимичны. По словам И.Б. Голуб, важнейшая стилистическая функция синонимов – быть средством наиболее точного выражения мысли. Окружающие явления и предметы, их свойства, качества, действия, состояния познаются нами со всеми их особенностями, понятие называется словом,

наиболее подходящим для выражения нужного значения [Голуб 2010: 210]. Эти ряды синонимов позволяют чрезвычайно точно и подробно описывать явлений действительности.

В ходе лексико-семантического анализа глаголов речи, вводящих звучащую прямую речь, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» было определено, что эти глаголы по семантике можно разделить на 4 группы:

Глаголы, обозначающие общеречевое действие;

Глаголы, выражающие характер звучания;

Глаголы, обозначающие отношение между репликами;

Глаголы, которые обозначают вид речевой деятельности.

1. Посчитаем все лексемы первой группы – **глаголы, обозначающие общеречевое действие**, то есть нейтральные глаголы с общим значением говорения: **сказать** (147) // **говорить** (29), **проговорить** (108), **заметить** (43), **обратиться к кому** (32), **произнести** (30), **выговорить** (3) «произнести, выразить словами, сказать» [МАС 1999], **заявить** (3) с значением «сделать заявление о чём-л. син. сказать, сообщить, объявить» [БУС 2018]: «— По моему, вы говорили весьма разумно-с и даже хитро-с, только раздражительны были уж слишком, — сухо *заявил* Заметов», **звать** (2) «голосом, жестом и т. п. просить подойти, приблизиться или откликнуться» [БУС 2018]: «она бежала за ним и *звала* его: "Послушайте! Послушайте!"», **высказать** (1) книжн. «изложить, выразить словами, сказать» [Ушаков, 1935–1940], **выразиться** (1) с значением «передать свою мысль теми или иными словами, употребить те или иные слова» [МАС 1999], употребляется в речи Свидригайлова «"Видите, как я вам доверяю, Аркадий Иванович", — право, так и *выразилась*». Это группа глаголов имеет только нейтральные выражения речи.

2. Глаголы, выражающие характер звучания:

Глаголы с семой «громко говорить», вводящие в прямой речи персонажей эмоциональные выкрики и восклицания, описывают возбуждение, сильные эмоции: **крикнуть** (79) // **кричать** (43) «громко говорить, громко

сообщать что-л.» [МАС 1999], **вскричать** (90) «громко, возбуждённо произнести что-л.» [БТС 1998], **вскрикнуть** (42) // **вскрикивать** (2) «внезапно, отрывисто крикнуть» [БТС 1998], **воскликнуть** (21) // **восклицать** (8) «громко, с чувством, с волнением произнести что-л.» [МАС 1999], **закричать** (29) «начать кричать, издать крик; громко произнести, прокричать что-л.» [БТС 1998]: «— Господи! — *закричала* вдруг она, засверкав глазами», **выкрикивать** (2) «произносить (произнести) что-л. очень громко, отрывисто» [Бабенко 1999], **взвизгнуть** (2) «внезапно или сильно визгнуть» [МАС 1999], **прокричать** (1) «издать непродолжительный крик, громко произнести, выкрикнуть что-л.» [БТС 1998]. Подсчеты по персонажам дали один весьма неожиданный результат: выяснилось, что глаголы *крикнуть*, *вскричать* или *закричать* чаще всего вводят реплики не только Катерины Ивановны или Пульхерии Александровны, но и ... Дмитрия Разумихина.

Глагол **зареветь** (7) с семой «громко закричать» вводит гневные высказывания Разумихина 6 раз и Раскольникова 1 раз, отражая раздражительный характер этих персонажей. «— Восхитительная? Ты сказал восхитительная! — *заревел* Разумихин и вдруг бросился на Зосимова и схватил его за горло»; «— Да что они там, дрыхнут или передушил их кто? Тррреклятые! — *заревел* он как из бочки» (Раскольников); **прореветь** (1) разг. «прокричать громко, неистово» [МАС 1999]. Оба глагола эмоционально окрашены, передают низкий тон речи персонажей.

Глагол **вопить** (1) разг. с семой «громко, неистово кричать» [МАС 1999], **завопить** (5) «начать вопить». Оба глагола описывает смешанные эмоции боли, печали и отчаяния Катерины Ивановны перед смертью. «Ваше превосходительство! — вдруг *завопила* она раздирающим воплем и залившись слезами» (Катерина Ивановна). Следующий пример имеет тот же эффект, Катерина Ивановна истерически плакала, испытывая ужасную боль: «— Как! Мало того, что безбожно оклеветали, — эта тварь на меня же! Как! В день похорон мужа гонят с квартиры, после моего хлеба-соли, на улицу, с сиротами! Да куда я пойду! — *вопила*, рыдая и задыхаясь, бедная женщина» (Катерина

Ивановна). Глагол **возопить** (1) книжн. устар. с семой «громко, пронзительно закричать» [Ушаков, 1935–1940]. Разница между *завопить* и *возопить* в том, что *завопить* — громко закричать от боли или душевного страдания, а *возопить* — завопить, но призывая при этом окружение (бога, небо, людей) к ответу на создавшуюся ситуацию, например «— Жалеть! зачем меня жалеть! — вдруг *возопил* Мармеладов, вставая с протянутою вперед рукой, в решительном вдохновении, как будто только и ждал этих слов». В этом случае Мармеладов не страдает от боли физической, а выкрикивает свою внутреннюю боль и борьбу.

Глагол **взвизгнуть** (2) со значением «внезапно или сильно визгнуть» [МАС 1999], не только означает «громко кричать», но и подчеркивает отрывистый, резкий, возможно высокий тон, например: «— Как! Сумасшедшую? Это я-то сумасшедшая? Дур-рак! — *взвизгнула* Катерина Ивановна». Ее сердит, что Лужин называет ее сумасшедшей, она в ответ злится, кричит и ругается. «— Да вы рехнулись иль нет, молокосос? — *взвизгнул* Лужин». В обоих случаях глагол функционирует в ситуации конфликта, когда персонаж выкрикивает в ответ собеседнику грубые слова.

Глаголы **вырваться** (3) «1 и 2 л. не употр. Перен. Произноситься (произвестись) вслух невольно, необдуманно, неожиданно для самого говорящего, подобно чему-л., появляющемуся стремительно, с силой (обычно о каких-л. неодобрительных словах)» [Бабенко 1999] и **прорваться** (1) «перен. внезапно и бурно обнаружиться, проявиться (о каком-л. сдерживаемом чувстве, состоянии)» [МАС 1999] указывают на темп, энергичность и силу произнесения персонажем некой реплики. Эти глаголы в то же время имеют и негативную эмоциональную окраску. *Вырваться* 2 раза представляет собой подавленную боль Сони: «— О господи! — *вырвалось* у Сони», «— Ох, нет!.. Бог этого не попустит! — *вырвалось* наконец из стесненной груди у Сони»; Глагол **прорваться** употребляется в примере «— Это вы от вчерашней вашей неудачи так злы и привязываетесь, — *прорвался* наконец Лебезятников».

Глагол **причитать** (1) со значением «громко плакать, жалуюсь на что-

либо, оплакивая кого-либо» [БТС 1998], «— Батюшки! — *причитал* кучер, — как тут усмотреть! Коли б я гнал али б не кричал ему, а то ехал не поспешно, равномерно». После того, как лошадь насмерть задавила пьяного, кучер плакал, рассказывая окружающим о случившемся, пытаюсь уйти от наказания.

Глагол **петь** (1) определяет темп речи, обозначая произношение медленное, протяжное [Милых 1958: 50]:

«Malborough s'en va-t-en guerre, Ne sait quand reviendra... — начала было она *петь*...»

Глагол **разливаться** (1) используется в тексте романа со значением разг. «говорить много, с увлечением» [БТС 1998]: «— И зачем, зачем вам уезжать! — с упоением *разливался* он восторженной речью».

Глаголы речи с семой «тихо говорить» передают внутреннюю неудовлетворенность, страх и тревогу персонажей. Эти глаголы с общим значением «произносить, говорить очень тихо (шепотом или сдавленным голосом)» [Васильев 1981: 7], обычно одномоментно, в продолжение очень короткого времени: **прошептать** (33) употребляется со следующими наречиями и словосочетаниями: *нерешительно, горячо, отрывисто, быстро, энергически, сурово, тихо, чуть слышно, наивно и робко, строго и убежденно, презрительно и с отвращением, с отчаянием, с трудом, с мучительным усилием, в бешенстве, в ужасе, в отчаянии*; **шепнуть** (2) // **шептать** (3) «Вдруг он весь вздрогнул от ужаса: "Боже мой, — *шептал* он в отчаянии»; **зашептать** (2) «начать шептать» [БТС 1998]: «— Вот сычиха-то! — *зашептала* тотчас же опять Катерина Ивановна Раскольникову, почти развеселившись»; **шептаться** (1) с семой «говорить друг другу тихо, шепотом» встречается в речи Мармеладова: «Два часа просидели и всё *шептались*: "Дескать, как теперь Семен Захарыч на службе и жалование получает...»; **промолвить** (1) устар. теперь книжн. «сказать проговорить, преимущ. тихо, нерешительно» [Ушаков, 1935–1940], глагол используется, чтобы выразить тревогу и трудности в принятии решений Раскольникова: «— Не знаю... я еще не решил — возьму или не возьму эти деньги, — *промолвил* он, опять как бы в раздумье, и вдруг,

опомнившись, быстро и коротко усмехнулся».

Глаголы **пробормотать** (40) // **бормотать** (28) с семой «проговорить (говорить) тихо, обычно быстро и невнятно, как бы про себя» [БУС 2018], обозначающие невнятное и негромкое произношение: «— Лизавету? — *пробормотал* Раскольников едва слышным голосом», когда все говорили о том, что кого-то убили. Раскольников не осмелился сказать об этом четко и громко из-за своей нечистой совести, то есть глагол помогает автору описать внутреннее беспокойство Раскольникова в это время. Глагол **промямлить** (2) «разг. сниж. произнести невнятно, мямля» [Ефремова, 2000], без энергии, смешивая и не четко произнося звуки, например: «— Н-нет, — *промямлил* Зосимов»; **замямлить** (1) «разг. начать мямлить» [БТС 1998], «— Я предполагал и рассчитывал, — *замямлил* он».

Глагол **сделать** (1) встречается в ремарке «— Гм! — громко *сделал* Разумихин», выражая недовольство и пренебрежение Разумихина к Лужину с переносным значением «произносить под нос, бормотать; гнусавить».

Глагол **процедить** (1) разг. со значением «проговорить медленно, неохотно или с пренебрежением» [БТС 1998], используется в реплике «— Это правда, — *процедил* Зосимов»; **протянуть** (2) разг. с семой «сказать медленно, протяжно, намеренно удлиняя произношение некоторых гласных звуков отдельных слов» [Бабенко 1999]. Мать Раскольникова именно так, протяжно и задумчиво, рассказывает обо всех своих переживаниях за сына: «...Потому что ведь мы были одни, совершенно одни, — *протянула* она жалобным голосом и вдруг совсем осеклась...».

Глагол **лепетать** (1) разг. «говорить, произносить несвязно, сбивчиво, невнятно» [Васильев 1981: 7]: «— Да-с, хорошо-с... Бог вам за это-с... — *лепетала* Соня, пристально смотря на Петра Петровича». В это время Соня находилась в состоянии смущения и паники перед незнакомым ей человеком, поэтому она говорит, обрывая себя, не заканчивает предложения, не зная, как выразить свои мысли.

Глагол **брякнуть** (6) также подчеркивает неожиданность высказывания

«произнести что-л. необдуманно, неосторожно, неожиданно (обычно о чем-л. неприятном и нежелательном для слушателей), тем самым вызвать шум, смятение, переполох» [Бабенко 1999] у слушателей, например: «— Лизавету-то тоже убили! — *брякнула* вдруг Настасья, обращаясь к Раскольникову». Как правило, глагол используется в ситуациях, когда высказывание персонажа никак не связано с предыдущей темой разговора. Видимо, поэтому этот глагол употребляется по большей части (4 раза из 6) с наречием *вдруг*, как пренебрежительное обозначение, дает нам также понять, как оценивает говорящего и его речь тот, кому принадлежит рамка реплики.

Глагол **сорваться** (2) разг. с семой «быть сказанным внезапно или непроизвольно сказать (обычно в сочетании со словами: с губ, с языка)» [МАС 1999], показывает, что персонаж сказал что-то неконтролируемо: «— Э, вздор! Не верьте! А впрочем, ведь вы и без того не верите! — слишком уж *со зла сорвалось* у Раскольникова». Раскольников в гневе непроизвольно произнес свои слова, из контекста («Злоба в нем накопала, и он не мог подавить ее») понятно, что он находится в крайне разгневанном состоянии.

Глагол **сыпать** (1) перен. разг. «произносить, говорить что-л. быстро, часто, без умолку, одно за другим, направляя на кого-л. слова во множестве, словно выпуская что-л. сыпучее, мелкое» [Бабенко 1999], в примере «— Кофеем вас не прошу-с, не место; но минуток пять времени почему не посидеть с приятелем, для развлечения, — не умолкая *сыпал* Порфирий». В этой ситуации глагол *сыпать* вводит пустую и сбивчивую болтовню Порфирия, а его собеседник Раскольников испытывает к ней отвращение.

Глагол **проворчать** (2) разг. «ворчливо проговорить» [БТС 1998] обычно невнятные или недовольные слова, встречается в примере «— Уж как божий промысл замешается, так уж тут ничего не поделаешь, — угрюмо *проворчал* Раскольников». Раскольников в этом эпизоде полон мрачного настроения.

Глагол **ругнуть** (1) с семой «сказать в адрес кого-л. грубые, оскорбительные слова» [Бабенко 1999] выражает внутренний гнев

Раскольников в реплике «Дурак!» — *ругнул* про себя Раскольников»; **наброситься** (1) разг. со значением «резко, вдруг начать упрекать, бранить и т. п.» [БТС 1998]. Так, например, бедная женщина Катерина Ивановна выражает свой гнев, ругаясь на Раскольникова: «... А вам, вам не стыдно, — вдруг *набросилась* она на Раскольникова, — из кабака! Ты с ним пил? Ты тоже с ним пил! Вон!».

Глагол **возглаголять** (2) книжн. устар. «стать говорить, начать сказывать» [Даль, 1863–1866], обычно высокопарно, торжественно, в первом примере относится к призыву Бога, Господа к верующим: И когда уже кончит над всеми, тогда *возглаголет* и нам: "Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!" И *возглаголят* премудрые, *возглаголят* разумные: "Господи! почто сих приемлеши? "

3. Глаголы, обозначающие отношение между репликами:

Глаголы, выражающие вопрос: базовые глаголы **спросить** (117) // **спрашивать** (7), **переспросить** (3). Глагол **осведомиться** (3) со значением «разговаривая с кем-л., спросить, справиться о чем-л. неизвестном, с целью что-л. узнать, уточнить» [Бабенко 1999], например «— А к вам матушка приехала? — *осведомился* для чего-то Порфирий Петрович».

Глаголы, выражающие ответ: **ответить** (44) // **отвечать** (61), **отозваться** (10). К этому классу можно отнести также глаголы со значением согласия с мнением собеседника: **поддакнуть** (3) // **поддакивать** (2) разг. «выражать согласие с чьим-л. мнением, высказыванием; одобрять, поддерживать чьи-л. действия, поступки» [БТС 1998], встречается в примере «— Непременно закладчик! — *поддакнул* Разумихин», **согласиться** (1); и глаголы, характеризующие возражение собеседнику: **возразить** (3). Глаголы со значением уточнения: **подтвердить** (2) // **подтверждать** (1).

В эту группу также входят глаголы: **прибавить** (81) // **прибавлять** (1), **продолжать** (79), **начать** (57), **повторить** (17) // **повторять** (18), **перебить** (29) со значением «вмешаться в чью-л. речь, не давая говорящему закончить высказывание, довести своё рассуждение до конца» [БУС 2018], **подхватить**

(21), **отрезать** (11), **заклЮчить** (7), **заговорить** (7), **перервать** (7), **вмешаться** (3), **ввернуть** (3) разг. «вставить в высказывание, в речь», **вставить** (2), **остановиться** (2), **ввязаться** (2) разг. «принять деятельное участие в чем-л., син. вмешаться» [МАС 1999], **перервать** (1) устар. разг. «вмешавшись, остановить говорящего или делающего что-л.» [МАС 1999], например: «— Я совсем об этом не думаю, — *перервал* было Раскольников с отвращением».

4. Глаголы, которые обозначают вид речевой деятельности: глагол **писать** (3) выражает написанную речь в письме, "*Любви тут не может быть*", — *пишет* мамаша.

Кроме того, тесно связаны со звуковыми глаголами глаголы восприятия, такие как *слышать*, *видеть*, *обонять* и т. д. Эти глаголы используются для описания внешней информации, получаемой через органы чувств. В ряде случаев они могут выступать синонимами глаголов говорения, т.е. обозначать одну и ту же речевую ситуацию. **Раздаться** (1) с семой «прозвучать, стать слышным (преимущ. о чем-н., звучащем с силою)» [ТСРЯ Ушакова] обычно неожиданно, например: «*Раздается*: "ну!"». **Увидать** (1) разг. = увидеть [БТС 1998] «— Как! И ты тоже? — *увидала* она хозяйку».

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» глаголы мысли, вводящие невысказанную мысль по семантике идентифицированы как:

1. Обозначение мыслительного действия:

Самые частотные глаголы — **подумать** (69) // **думать** (32), **подуматься** (6) // **думаться** (1), **мелькнуть** (7) // **мелькать** (1) перен. «появляться, быстро проходить в сознании» [МАС 1999] о мыслях, образах и т. п. (*мелькнуло в голове*), **промелькнуть** (5) перен. «возникнуть, появиться на мгновение (о мысли, воспоминании и т. п.)» [МАС 1999]: Заочно, кажется, так ведь любил их, — *промелькнуло* в его голове, **пронестись** (1) (*пронеслось в голове*), **вздуматься** (2), **додумываться** (1), **выдумать** (1), **проснуться** (1) с переносным значением выражает пробуждение сознания Раскольникова: — Что? — как бы *проснулся* тот.

2. Обозначение знания или предшествующего ему когнитивного усилия:

Об особом употреблении глагола **решить** (5 из 10) мы упоминали в предыдущем параграфе, Достоевский использует его 5 раз для описания внутренней речи героев, *про себя* является очевидным опознавательным знаком монолога: *"Вот и исход! Вот и объяснение исхода!" — решил он про себя, с жадным любопытством рассматривая ее, решиться (2), порешить (1) «— Окромья ефтова, братец ты мой, всё находится, — наставительно порешил старший».*

Глагол **догадаться** (1) со значением «прийти к правильному мнению, заключению по каким-л. внешним признакам» [БТС 1998]: — А, понимаю, понимаю! — вдруг *догадался* Лебезятников; **соображать** (1) «думать о чем-л., сопровождая свои мысли рассуждениями вслух» [Бабенко 1999], в примере «Должно быть, верхний ящик, — *соображал* он» (при описании мыслительной деятельности Раскольникова).

Глаголы **опомниться** (1) с семой «поняв ошибочность своего поведения, своих намерений, отказаться от них» [МАС 1999] и **рассудиться** (1) встречаются в одной строчке при описании сложного психического состояния Раскольникова после убийства: «"Красное, ну а на красном кровь неприметнее", — *рассудилось* было ему, и вдруг он *опомнился*: "Господи! С ума, что ли, я схожу?" — подумал он в испуге».

3. Обозначение воспоминания. **Вспомнить** (1), **спохватиться** (2) разг. со значением «внезапно вспомнить о чём-л. забытом, обнаружить какое-л. упущение, допущенную оплошность, промах» [БТС 1998]: — Да, да, вы правы, я забылся, стыжусь! — *спохватился* Разумихин.

Из приведенных данных видно, что, наряду с нейтральными обозначениями речевых действий, Достоевский употребляет много разных глаголов с внутренней квалификацией – указанием на состояние говорящего: *проворчать, ругнуть, спохватиться, отрезать, лепетать, процедить, замямлить* и т.д. Используются и глаголы с внешней квалификацией, вводящие в текст оценку воспринимающего речь субъекта, например, *брякнуть, сыпать, наброситься*.

Подробный анализ контекстов с существительными или словосочетаниями с существительными, вводящими прямую речь, позволил выделить следующие семантические группы:

- обозначение общеречевого действия: *вопрос, ответ, выражение, советы, разливался голос, раздался отзыв, раздался голос, долетели слова, рассказывает повесть, слышался голос, поспешить с разъяснением, отговорка.*
- обозначение характера звучания: *слышался крик, раздался крик, слышался шепот, вырвался вопль, раздаются восклицанья;*
- обозначение типа речевой деятельности: *стих, дочла до стиха, поговорка, молитва.*
- обозначение мыслительного действия: *мысль, мысль промелькнула, мелькнула мысль, дело приходило ему в голову, пришла мысль, отталкивал мысль, пронеслась мысль;*
- обозначение знания или когнитивного усилия: *решение, суть дела была решена;*
- обозначение воспоминания: *припомнился вопрос, вспомнил слова.*

Воспринимаемые голоса персонажей могут оказывать сильное эмоциональное воздействие на читателей, особенно при чтении литературных произведений [Калмыкова 1998: 5, Katsma 2014]. Наш анализ показывает, что не только глаголы, но и существительные с внутренней квалификацией в рамке реплик вносят экспрессию в текст романа «Преступление и наказание», накаляют атмосферу в его эпизодах: *раздается восклицанье, вырвался вопль, раздались ругательства.* Глаголы выступают в составе сочетаний с обозначениями звуков (при словах *звук, голос, крик, речь, слово*), не указывая обычно ни на источник звуков, ни на их казуатора, например: *раздался крик, слышался шепот.*

Таким образом, Достоевский использует разнообразные лексемы обозначения речи, описывающие громкость, тембр и четкость голоса, чтобы отразить манеру речи героев, включая тон, интонацию и отношение к другим

людям. Интересно, что суммарно глаголы, вводящие прямую речь и при этом отсылающие к эмоциональному состоянию говорящего, составляют в рамках 30 самых частотных глаголов (см. Приложение 1) 499 из 1513 словоупотреблений (это значит, что каждый третий глагол в диалогической рамке оказывается эмоционально окрашенным).

2.1.2. Обозначение эмоциональных состояний

Неоднократно отмеченное учеными разнообразие глаголов, вводящих речь в русской литературе, ярко представлено в романах Ф.М. Достоевского, в том числе в «Преступлении и наказании». Помимо глаголов, существительных и словосочетаний, называющих речевые и мыслительные действия, рамку диалогов и монологов в романе составляют номинации эмоций и их проявлений.

Эмоциональные состояния в художественной литературе обычно обозначаются с помощью глаголов, описывающих внешние проявления эмоции (*смеяться*) и глаголов эмоции внутренней (*беспокоить(ся)*). Эмоции персонажей, выраженные глаголами введения речи, связаны с положительной или отрицательной оценкой ситуации героем.

В первую группу вошли глаголы, обозначающие радость, надежду, мольбу, успокоение. В контекстах с этими глаголами мы видим описание желаний героев или констатацию временного достижения ими успокоения, уверенности. Таких примеров в романе очень немного. Отдельно подчеркнем, что глагол *радоваться / обрадоваться* не используется в рамке прямой речи ни разу.

Глагол, выражающий желание: **мечтаться** (1), встречается в примере «И он, он - тоже ослепленный и неверующий, - он тоже сейчас услышит, он тоже уверует, да, да! сейчас же, теперь же», — *мечталось* ей, и она дрожала от радостного ожидания»; **помолиться** (1), **молить** (1): персонаж обращается с мольбой, просьбой к богу, святым, например: «Господи! — *молил* он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!»;

умолять (1) с значением «настоятельно просить» [Ушаков, 1935–1940]: «— Сюда, сюда, ко мне! — *умоляла* Соня». Эти глаголы имеют сильную эмоциональную окраску и помогают описывать желания и мечты персонажей.

Глагол, выражающий спокойствие: **успокоиться** (1) «но, впрочем, он скоро с этой стороны *успокоился*: "Еще бы и этого-то поставить с ним рядом!"». Глагол **скрепить** (1 из 2) (в сочетании со словом *себя* или *сердце*) разг. устар. то же, что скрепиться (во 2 знач.) «удержать себя от проявления каких-л. чувств» [БТС 1998], в примере: «— Нет, дело очень неясное, — *скрепил* Илья Петрович» описывает подавленные эмоции Ильи Петровича. После того, как кто-то сказал, что *дело ясное*, он спокойно обдумал и опроверг это, что является признаком эмоциональной стабильности.

В тексте использованы глагольные словосочетания, выражающие любопытство: **не удержаться, чтобы не спросить** (1) «Оборванец, воротившийся с чаем и с телятиной, *не мог удержаться, чтобы не спросить* еще раз: «не надо ли еще чего-нибудь?»; **не утерпеть не спросить** (1) «— Так вы вот какого мнения о Петре Петровиче? — *не утерпела не спросить* Пульхерия Александровна».

Отрицательные эмоции в конструкциях, вводящих прямую речь, связаны с описанием тревоги, беспокойства и волнения, а также возбуждения, гнева и недовольства; застенчивости и смущения; нервозности и страха; испуга; разочарования, печали и боли и т.д. Каждая из перечисленных эмоций вводится собственным глаголом.

Тревога, беспокойство и волнение персонажей выражаются с помощью глаголов: **заторопиться** (9), **хлопотать** (3) устар. «беспокоиться, заботиться о чем-л.» [БТС 1998]: — Главное, — *хлопотал* Раскольников, **торопиться** (2) «стремиться делать что-л. как можно скорее» [МАС 1999], **торопить** (1), **поспешить** (1) «— Слушай, — *поспешил* Раскольников». Составленные с участием глагола *поспешить* сложные сказуемые, вводящие прямую речь, также выражают значение беспокойства, тревоги и волнения: *поспешить вставить, поспешить перебить, поспешить заявить, поспешить*

заклЮчить, поспешить пробормотать. Глагол **встревожиться** (2) в значении «прийти в тревожное, беспокойное состояние» [МАС 1999], «— Кровь! какую кровь? — *встревожилась* Пульхерия Александровна»; **беспокоить** (1), **взволноваться** (1), **всполошиться** (1) разг. «внезапно встревожиться, прийти в беспокойство» [БТС 1998]: «— Кто отколотил? Кого? — вдруг *всполошился* и даже покраснел Лебезятников»; **засуетиться** (1) неперех. разг. «начать суетиться, много и торопливо двигаясь» [Ефремова, 2000]: «— Ах, пора!.. Пора, Дунечка, пора! — тревожно *засуетилась* Пульхерия Александровна». В приведенном примере Пульхерия Александровна засуетилась от беспокойства, волнения по поводу встречи с сыном, ее беспокойство в данный момент вызвано тем, что она боится свидания с Родионом, хотя и ждет его.

Возбуждение персонажей выражается с помощью глаголов: **горячиться** (1) в значении «действовать, говорить возбуждённо, с запальчивостью, раздражением, нетерпением» [БТС 1998]: «— Зачем, зачем же нам свое упускать, когда у нас одно из главнейших средств очутилось — собственные деньги? — *горячился* Разумихин». В этом примере Разумихин ощущает положительное возбуждение от радости стремления к лучшему будущему; **загорячиться** (1) с семьей «начать горячиться, прийти в возбуждение» [Ефремова, 2000]: «— Позволь, я тебе серьезный вопрос задать хочу, — *загорячился* студент»; **разгорячиться** (1) со значением «стать горячим, почувствовать физическое возбуждение, жар» [Ушаков, 1935–1940], например: «— Да как же мог ты выйти, коли не в бреду? — *разгорячился* вдруг Разумихин». В этих двух примерах глаголы выражают возбужденное состояние персонажей, вызванное оживленным общением или дискуссиями, описывают множество смешанных эмоций, в том числе и раздражение.

В контексте глаголы *горячиться* и *дрожать* с помощью дополнительных комитативных синтаксисом также выражают гневные эмоции: **горячиться в бешенстве** (1), **дрожать от бешенства** (1). «— Однако ж, Пульхерия Александровна, — *горячился в бешенстве* Лужин», «Главное, даже и не скрываются, и церемониться не хотят! А по какому случаю, коль меня

совсем не знаешь, говорил ты обо мне с Никодимом Фомичом? Стало быть, уж и скрывать не хотят, что следят за мной, как стая собак! Так откровенно в рожу и плюют! — *дрожал он от бешенства*». Другие глаголы, выражающие гнев и недовольно персонажей: **раздражаться** (2) «— Удивляюсь, что вы ставите так вопрос, Авдотья Романовна, — *раздражался* всё более и более Лужин», **обидеться** (1) в реплике «— Стало быть, я и тут виноват! — *обиделся* Лужин».

Глагол, выражающий чувство застенчивости и смущения: в [МАС 1999] **вспыхнуть** (2) имеет три значения, первое из которых «перен. быстро и сильно покраснеть (от волнения, смущения, радости и т. п.) или ярко выступить (о румянце)» используется в примере «— Как! — *вспыхнула* Дуня, — я ставлю ваш интерес рядом со всем, что до сих пор было мне драгоценно в жизни, что до сих пор составляло всю мою жизнь, и вдруг вы обижаетесь за то, что я даю вам мало цены!», третье «внезапно прийти в возбужденное, раздраженное состояние» употребляется в реплике «— Это всё вздор и клевета! — *вспыхнул* Лебезятников, который постоянно трусил напоминания об этой истории», в которой присутствуют смешанные эмоции раздражения и смущения Лебезятникова.

Глагол **законфузиться** (1) с семой «проявить смущение, конфузливость» [Ушаков, 1935–1940] появляется в примерах: «— То-то и дело, что я, в настоящую минуту, — как можно больше постарался *законфузиться* Раскольников»; «— Извините, пожалуйста, — начал он, усиленно *законфузившись*», и в обоих случаях выражает душевное состояние Раскольникова, который демонстрирует Порфирию Петровичу эмоцию, пытаясь скрыть свои истинные чувства. На это указывает и необычная сочетаемость глагола. Смущение — обычно неконтролируемая, спонтанная эмоция, но здесь глагол *законфузиться* соединен со словами *постарался* и *усиленно*.

Испуг — краткосрочная сильная эмоциональная реакция на внезапные мысли, слова или события, выражается с помощью глаголов: **вздрагнуть** (3)

«Вдруг он весь *вдрогнул* от ужаса: "Боже мой, — шептал он в отчаянии»; **встрепенуться** (2) «перен. задрожать, затрепетать» [Ефремова, 2000] «— А-зе здесь нельзя, здесь не места! — *встрепенулся* Ахиллес, расширяя всё больше и больше зрачки» (в этой сцене, увидев, как Свидригайлов приставил револьвер к своему правому виску, Ахиллес *вдрогнул* от шока и испуга); **испугаться** (1); **перепугаться** (1).

Глаголы, выражающие комплексные эмоции нервозности и испуга: **передернуть** (1) перен. «безл., о непроизвольном судорожном движении под влиянием чего-л. неприятного и неожиданного» [МАС 1999]: «— В каком волнении? Вовсе ни в каком не в волнении, — *передернуло* Разумихина»; **сбиться** (1) разг. перен. с собой «спутаться, сваляться» [МАС 1999] выражает, что Разумихин говорил бессвязно и нелогично: «— Послушай, послушай, послушай, ведь это серьезно, ведь это... Что ж это после этого, черт! — *сбился* окончательно Разумихин, холодея от ужаса». Интересно, что эти две реплики взаимосвязаны в контексте, описывают одну ситуацию, когда мысли Разумихина были раскрыты, он нервничал, был напуган и не уверен в себе.

Сочетание **дрогнул голос** (1) отражает сложные эмоции Сони, когда Раскольников посетил ее дом, голос Сони нервно дрогнул: «— Так вы не будете завтра у Катерины Ивановны? — *дрогнул голос* у Сони». Она взволнована и испугана: «и даже начала, наконец, дрожать в страхе, точно стояла перед судьей и решителем своей участи».

Разочарование, печаль и боль могут передаваться глаголами: **всхлипывать** (1) «дышать, периодически, время от времени, издавая звук судорожного вздоха при плаче» [Бабенко 1999], **выть** (1), **причитать** (1), **заплакать** (1). Типичный пример: «— Папочка! За что они... бедную лошадку... убили! — *всхлипывает* он, но дыхание ему захватывает, и слова криками вырываются из его стесненной груди». Во сне Раскольникова исхудававшую лошадь забили до смерти, мальчик (молодой Раскольников) оказался свидетелем этого и чувствовал свое бессилие, был в отчаянии.

С помощью глагола **свалить** (1) перен. разг. «переложить на кого-л. свои

обязанности, дела и т. п.» [МАС 1999] выражается психологическое уклонение от ответственности: «на другого пришел *свалить*: "страдай и ты, мне легче будет!"». Отметим, что этот глагол вводит речь в речи Раскольникова, представляя оценочную интерпретацию собственного поступка по отношению к Соне. Это глагол с выраженной внешней квалификацией.

Экспрессивное словосочетание **войти в амбицию** (1) вводит прямую речь Лебезятникова в речи Мармеладова, который выражает негативную оценку поступка Лебезятникова: «Сначала сам добивался от Сонечки, а тут и *в амбицию* вдруг *вошли*: "Как, дескать, я, такой просвещенный человек, в одной квартире с таковскою буду жить?"». Защищая свое достоинство и мнимую честь, Лебезятников проявляет резкое неудовольствие образом жизни Сони, Мармеладов же осуждает его за это.

В форме прямой внутренней речи передаются эмоциональные состояния человека: беспокойство и тревога — **трепетать** про себя (1); гнев — **скрежетать** про себя (1) «Не нарочно же мне жениться для мебели!» — *скрежетал про себя* Петр Петрович». Усеченное устойчивое сочетание **скрежетать зубами** описывает здесь крайнюю обиду.

Стоит отметить, что глаголы, обозначающие смех, у Ф.М. Достоевского почти всегда передают сложную комбинацию эмоций персонажей [Ружицкий 2021, Ружицкий, Ма 2021], важной составляющей в которой является в том числе и что-то негативное, выраженное в контексте с помощью дополнительных комитативных синтаксисов или наречий, **засмеяться** (7) «— Да вы не раздражайтесь, — *засмеялся через силу* Зосимов», «— А я думал, вы опять закричите: "Ах, не говорите, перестаньте!" — *засмеялся* Раскольников, но как-то **с натугой**», «— Да ведь она и тебе нравится? — *засмеялся* офицер» офицер говорил насмешливым и саркастическим тоном, **усмехнуться** (3) «— Не воровать и не убивать, не беспокойся, не за этим, — *усмехнулся* он **едко**, — мы люди разные...», **захохотать** (2) «— Детей я вообще люблю, я очень люблю детей, — *захохотал* Свидригайлов», **хохотать** (1) «— Да садись, чего! — *хохочут* в толпе», зрители в толпе без разбора смеялись над лошадкой,

подсмеиваться (1) «— Хе-хе-хе! — продолжал **злобно подсмеиваться** Лужин», **улыбнуться** (1) «— Ну да, — **улыбнулся** с побеждающей откровенностью Свидригайлов», **залиться** (1) с семьей «громко и сильно заплакать или засмеяться» [БТС 1998], как, например, в реплике: «— Если на случай покрадут ваши ложки, то я вам за них не отвечаю, предупреждаю заранее! Ха-ха-ха! — **залилась** она, обращаясь опять к Раскольникову, опять кивая ему на хозяйку и радуясь своей выходке». Улыбка также может сопровождаться отнюдь не дружелюбными и искренними речами, за улыбкой может скрываться досада, грусть, насмешка, пренебрежение и т.д.

Глаголы, обозначающие различные виды смеха передают сложное сочетание чувств героев. **Захихикать** (2) «— А сюрпризик-то не хотите разве посмотреть? — **захихикал** Порфирий, опять схватывая его немного повыше локтя и останавливая у дверей», **закудахтать** (2) «— Господи! Да что вы это! Да об чем вас спрашивать, — **закудахтал** вдруг Порфирий Петрович, тотчас же изменяя и тон, и вид и мигмом перестав смеяться», «— Да-с, припадочек у нас был-с! Этак вы опять, голубчик, прежнюю болезнь себе возвратите, — **закудахтал** с дружественным участием Порфирий Петрович, впрочем, всё еще с каким-то растерявшимся видом», **рассмеяться** (1) «Значит, очень серьезные причины имел, чтобы за одно словечко так рассердиться, — **рассмеялся** Порфирий. Порфирий – умный полицейский, который хорошо умеет использовать навыки судебного разбирательства, чтобы довести до предела умственную выносливость преступника. Его внешние проявления эмоций – это все навыки ведения допросов и переговоров. Во время диалога между ними происходит поединок между правдой и ложью. Эти глаголы, передают его сложную комбинацию эмоций. **Смеяться** (2) «— Ведь вот прорвался, барабанит! За руки держать надо, — **смеялся** Порфирий», Порфирий Петрович "видимо оживлялся и поминутно смеялся, смотря на Разумихина, чем еще более поджигал его", в примере глагол **смеялся** выражает насмешку Профиля над Разумихиным даже после того, как Разумихин рассердился, другой пример «— Встаньте, встаньте! — **смеялась** и тревожилась тоже Дуня», **смеяться** и

тревожиться вместе описывают сложное настроение Дуни, когда она одновременно счастлива и обеспокоена. **Улыбаться** (1) «— Я... очень рад... до свидания-с... — *улыбался* Раскольников», из контекста "Раскольников чувствовал, что на него как бы что-то упало и его придавило" и "он качался. Голова его кружилась" понятно, что Раскольников был сильно шокирован, узнав, что Свидлигайлов покончил жизнь самоубийством, улыбка – ложное явление при встрече с другими людьми, а не его настоящая внутренняя эмоция.

В ряде случаев характер негативной эмоции можно определить только по смыслу произнесенной героем фразы, однако глаголы *захихикать* и *закудахтать* отчетливо указывают читателю, что смех персонажа (следователя) очень неприятен для наблюдателя (Раскольникова), они вводят в текст внешнюю квалификацию речи³⁸. Мы узнаем не только о том, кто смеется, но и о том, как воспринимают его смех другие.

Таким образом, даже те средства, которые традиционно относятся лингвистами к сфере выражения положительных эмоций, в «Преступлении и наказании» функционируют специфическим образом. При этом, в частности, глаголы, обозначающие смех, в романе очень разнообразны, среди них: *подсмеиваться, хохотать, усмехнуться, засмеяться, улыбаться, захихикать, закудахтать, рассмеяться, смеяться* и др.

Уже по подсчетам стало видно, что глаголы, обозначающие негативные эмоции, в тексте романа преобладают, они более разнообразны, чем глаголы, описывающие положительные эмоции. Самую многочисленную группу глаголов введения речи с негативной эмоциональной оценкой, выявленных в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», составляют единицы, указывающие на беспокойство, волнение, тревогу, возбуждение, гнев, недовольство, застенчивость, смущение, нервозность, страх, испуг,

³⁸ Кудахтать 2. – неодобрительно Взмолнованно и суетливо говорить, разговаривать. [Большой толковый словарь русского языка]. Захихикать – Проявить недоброжелательное или шутливо-ироническое отношение к кому-л., смеясь над кем-л. тихо или исподтишка, со злорадством. [Большой толковый словарь русских глаголов].

разочарование, печаль, боль и такие подобные острые эмоциональные состояния человека, отражающие пограничное состояние психики, сумасшествие, душевные расстройства.

Итак, в романе речь героев сопровождается активным проявлением эмоций, при этом преобладают эмоциональные состояния или проявления, связанные с отрицательной оценкой событий, либо комбинированные эмоции, где присутствует возбуждение, удивление, глубокое переживание чувства и его экспрессивное проявление. В сочетаниях с глаголами используются комитативные синтаксемы, называющие дополнительные эмоции и их оттенки.

Глаголы эмоции чаще всего существуют в конструкциях, вводящих внешнюю прямую речь, и достаточно редки в конструкциях, вводящих внутреннюю прямую речь.

В рамках реплик изредка встречаются и существительные или сочетания с существительными, называющие эмоции или их проявления, перечислим их: *мысль рассмешила, вопрос его изумил, мелькнула надежда, раздалось ругательства.*

То, что среди языковых средств, вводящих прямую речь персонажей в романе «Преступление и наказание», так много разнообразных обозначений эмоций и их проявлений, наводит на мысль о том, что мы имеем дело с важной особенностью поэтики этого произведения, которую интуитивно ощущает читатель. Однако дополнительно стоит отметить то, что ряд таких эмоций входит в текст вместе с их оценкой, с особенностями восприятия из внешней реализации. Эмоции не только пронизывают речь героев, они раздражают, пугают или удивляют других героев – и это взаимодействие усложняет перспективу романа.

2.1.3. Обозначения кинем

В художественном коммуникативном пространстве Ф.М. Достоевского благодаря номинации кинесических элементов создается яркая,

запоминающаяся картина поведения персонажей в процессе коммуникативного акта.

Сообщая о движениях, мимике и жестах персонажей во время диалога, автор может не обозначать специально значение «стал говорить». В таком употреблении, например глагол *подойти* получит значение «подойти, говоря». При анализе нами были выделены в романе «Преступление и наказание» все обозначения кинем, вводящие прямую речь.

Глагол **повернуться** (к кому) (3) с прямым значением «вращаясь, изменить своё положение», **отвернуться** (к кому) (1) «повернуться, повернуть свое лицо в другую сторону», **обернуться** (к кому) (1) с семой «повернуть голову, туловище назад, в сторону», **оборотиться** (к кому) (1), с помощью этих глаголов в репликах писатель обозначает, кто с кем разговаривает. Например: «Надо мной смейся, но ко мне мать приехала, — *повернулся* он вдруг к Порфирию, — и если б она узнала, — *отвернулся* он опять поскорей к Разумихину, стараясь особенно, чтобы задрожал голос».

Глаголы, описывающие движения головы, также вводят прямую речь персонажей: **покачать головой** (1) «— И неужели в совершеннейшем бреду? Скажите пожалуйста! — с каким-то бабьим жестом *покачал* головою Порфирий». Здесь Достоевский описывает притворный жест лукавого и коварного следователя Порфирия Петровича, который изображает сочувствие и удивление, хотя на самом деле демонстрирует холодное и пренебрежительное отношение к Раскольникову; **поднять голову** (1), например: «Раскольников *поднял* голову: — Он хочет непременно подарить тебе десять тысяч рублей и при этом заявляет желание тебя однажды видеть в моем присутствии». Этот жест ориентирован на установление визуального контакта с собеседником: Раскольников сообщает сестре о странных намерениях Свидригайлова и хочет видеть ее реакцию.

С помощью глаголов, описывающих движения рук персонажей и передающих определенную эмоцию или намерение, автор также вводит прямую речь в диалогах: **всплеснуть** (руками) (3) «— Ах, бог мой! —

всплеснула она руками», отмахиваться (2) «— Позвольте, сударыня... Позвольте, позвольте, сударыня, — отмахивался Петр Петрович», протянуть (2) «— Да вот тебе еще двадцать копеек на водку. Ишь сколько денег! — протянул он Заметову свою дрожащую руку с кредитками», хлопнуть (1) «— Фу! перемешал! — хлопнул себя по лбу Порфирий», тыкать (1) с переносным значением «назойливо говорить, напоминать о чем-л., показывать что-л.», также встречается в романе: «И что мне все тычут со всех сторон: "преступление, преступление!"», показывать (1) «говорить, обращая пальцем внимание других субъектов на что-либо», например «— На диван! Кладите прямо на диван, вот сюда головой, — показывал Раскольников», указывать (1) в реплике «— А... а... — указывал он на нее с беспокойством».

В рамке реплик встречаются и глаголы, обозначающие мимику, сопровождающую речь: **усмехнуться (3), улыбаться (1) // улыбнуться (1), подсмеиваться (1).**

К глаголам, описывающим действие и движение всего тела, относятся: **подойти (2) «— Что же сказал тебе Свидригайлов? — подошла к нему Дуня»; вскинуться (2) «— Ах, боже мой! — вскинулась Соня, — пойдемте поскорее...»; подскочить (1) «— Я всё, всё понимаю! — подскочил он к нему»; выскочить (1) «— Знаешь, Родя, Марфа Петровна умерла! — вдруг выскочила Пульхерия Александровна»; нагнуться (1) «Вот кабы они сказали, куда их предоставить, а то... Барышня, а барышня! — нагнулся он снова»; встать (2) «— Позвольте спросить, — вдруг встала Соня»; броситься (1) // бросаться (1); стоять (1); сбежаться (1) «баба вскрикнула благим матом, сбежались: "Так вот ты каков!"»; кинуться (1) то же, что броситься, резко двинуться, устремиться куда-либо: «— Родион Романович, батюшка! Извините-с, — кинулся он к нему»; метаться (1) с семьей «быстро и беспорядочно устремляться то в одну, то в другую сторону» [МАС 1999], описывает движения Сони, просящей помощи у окружающих, в предложении «— Вот здесь я живу!.. Вот этот дом, второй отсюда... Ко мне, поскорее, поскорее!.. — металась она ко всем».**

Хорошо видно, что глаголы *подойти* и *нагнуться*, называющие спокойное движение для установления контакта, составляют в этом списке меньшинство, в основном же используются обозначения импульсивных движений, вызванных сильной эмоцией (даже глагол *встать*, называющий порыв Сони поскорее довести неприятный разговор с Лужиным до конца).

В некоторых случаях прямая речь вводится метафорическими обозначениями, которые называют в русском языке эмоциональное состояние:

Глагол **выпрыгнуть** (1) «Ну, говори же, говори же, — как будто так и хотело *выпрыгнуть* из сердца Раскольников...» выражает крайнее возбуждение Раскольникова.

Глагол (не) **сидеться** (1) «— Так-с, так-с, — не *сиделось* Порфирию», в сцене интеллектуального поединка с Раскольниковым, во время обсуждения его статьи, Порфирий выглядит очень возбужденным.

Глагол в составе устойчивого сочетания **наострить уши** (1) «— Почему же комическая-с? — тотчас *наострил уши* Порфирий Петрович, тоже повернувшийся было уйти». Только животные на самом деле умеют наострить (поставить торчком) уши. В применении к описанию человеческих эмоций этот глагол указывает на то, что люди концентрируются и пытаются услышать звуки или слова вокруг себя. Хоть Порфирий и повернулся, чтобы уйти, он все равно не хотел пропустить ни звука, такое описание его действий и реакций кажется здесь немного ироничным.

Из вышеизложенного видно, что Достоевский много использует неречевых глаголов для введения прямой речи в романе. Это создает особый эффект: читатель, «слушая» говорящих персонажей, постоянно наблюдает их движения, транслирующие эмоции, диалог становится динамичным и напряженным действием, происходит его драматизация.

2.1.4. Обозначение иллокуций

В качестве глаголов, обозначающих коммуникативную цель говорящего, в рамке прямой речи в романе употребляются:

Глагол **настаивать** (7) со значением «добиваться чего-л., достигать чего-л., убеждая кого-л. в чем-л., требуя чего-л.» [Бабенко 1999], например: «— Конечно, нет! — раздражительно *настаивал* Раскольников». Раскольников твердо стоял на своем мнении. «— Ты его точно видел? Ясно видел? — *настаивал* Раскольников». Отметим, что, когда глагол *настаивать* вводит прямую речь в форме вопроса, этот глагол имеет значение «приставать с расспросами; допытываться».

Глагол **упрашивать** (4) «обращаться к кому-л. с настоятельными призывами удовлетворить какие-л. нужды, исполнить какие-л. желания, склонить к согласию на что-л.» [Бабенко 1999], встречается в реплике «— Только... говори, говори! Я пойму, я про себя всё пойму! — *упрашивала* она его».

Глагол **вцепиться** (2) со значением «цепко схватиться за что-л.» [МАС 1999]: «— Врешь ты, деловитости нет, — *вцепился* Разумихин»; «— Покойник муж, действительно, имел эту слабость, и это всем известно, — так и *вцепилась* вдруг в него Катерина Ивановна», *вцепиться в него* – это именно схватиться за чужие слова, а не самого этого человека, здесь мы имеем дело с обозначением речевого акта.

Глагол **доказывать** (1) в значении «убеждать кого-л. в чем-л. какими-л. действиями, поступками, фактами, аргументами и т.п., заставляя поверить в истинность, правильность чего-л.» [Бабенко 1999]: день и ночь, должно быть, *доказывали* ему: "Ты убийца, ты убийца...".

Глагол **отбиваться** (1) с семой «защищаться от кого либо, нанося удары» [Ефремова, 2000]: — Да пусть, пьяный черт! — *отбивался* Зосимов и потом, когда уже тот его выпустил, посмотрел на него пристально и вдруг покотился со смеху. В этой сцене глагол *отбиваться* представляет как слова, так и жест Зосимова.

Глагол **отпарировать** (1) с семой «ответить неоспоримым возражением на высказанное суждение, мысль и т. д. или убедительным опровержением высказанного» [МАС 1999] встречается в романе: «— Ну вот! — с

отвращением *отпарировал* Свидригайлов».

Глагол **прицепиться** (1) перен. разг. «привязаться к кому-л., начать надоедать кому-л.» [МАС 1999] появляется в примере «— Чем объяснить? — *прицепился* Разумихин» (Разумихин приставал к Зосимову).

Глагол **поправить** (1) с семой «указать кому-н. на ошибку, внести изменения в чей-н. текст, слова» [Ушаков, 1935–1940], в примере исправлена ошибка в имени персонажа: — Софья Семеновна, — *поправил* Раскольников.

Глагол **скрепить** (1 из 2) с значением «сказать что-л. в заключение, заканчивая речь, высказывание», например: «— А говорить будем завтра; ложитесь, сейчас, непременно! — *скрепил* Разумихин, уходя с Зосимовым».

Глагол **вступиться** (1) имеет два значения «1. за кого-что. Оказать поддержку, помощь, защитить кого-н. Чьи-н. интересы; 2. во что. Вмешаться, принять участие (простореч.)» [Ушаков, 1935–1940], в примере: «— Какое право вы имеете так говорить с ней! — горячо *вступилась* Пульхерия Александровна». Мы считаем, что первая смысловая окраска – это то, что изначально намеревалась выразить героиня, то есть она поддерживает свою дочь, а не просто вставляет фразу.

Глагол **разгонять** (1) в значении «заставлять кого, что-л. разбежаться, разойтись в разные стороны» [Бабенко 1999]: «Пошел! пошел! — *разгонял* он теснившихся кругом людей».

Глагол **усаживать** (1) «заставлять, предлагать или помогать сесть» [БТС 1998], «— Да садитесь, Порфирий Петрович, садитесь, — *усаживал* гостя Раскольников, с таким, по-видимому, довольным и дружеским видом...».

Глагол **унимать** (1) с семой «заставлять кого-л. перестать кричать, шуметь, плакать и т. п.» [МАС 1999]: «А ныне: на цыпочках ходят, детей *унимают*: "Семен Захарыч на службе устал, отдыхает, тш!"», появляется в речи Мармеладова, используемый для извлечения речи, когда Соня и Катерина Ивановна успокаивают детей.

В итоге, глаголы, обозначающие иллокуции, не только называют речевые действия персонажей, но и демонстрируют их цели или отражают

воздействие на реципиента речи.

2.1.5. Отсутствие диалогической рамки

Опущение диалогической рамки в романе — особый повествовательный прием, использование которого влияет на восприятие читателем сюжета и образов персонажей. Обычно этот прием используется в диалоге между двумя героями, личности которых четко идентифицированы, а в некоторых случаях применяется в разговоре между несколькими людьми, где не требуется четкого указания на личность говорящего.

В «Преступлении и наказании» существует много приемов, связанных с опущением диалогической рамки, например, в диалогах часто опускается авторское повествование, что позволяет читателям непосредственно ощутить атмосферу диалога и особенности психологии героев. Следующий фрагмент является частью диалога в начале романа, после того как герой Раскольников зашел в дом к старушке-ростовщице, и они спорят о цене залога. В диалоге участвуют только двое говорящих, и самое главное в это время — содержание их слов.

- Да ведь и прежнему закладу срок. Еще третьего дня месяц как минул.
- Я вам проценты еще за месяц внесу; потерпите.
- А в том моя добрая воля, батюшка, терпеть или вещь вашу теперь же продать.
- Много ль за часы-то, Алена Ивановна?
- А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит. За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.
- Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу.
- Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.
- Полтора рубля! -- **вскрикнул молодой человек.**

Сцена унижительного, несправедливого торга и выражения пренебрежительного отношения ростовщицы к бедному студенту постепенно наполняется деталями, атмосфера накаляется, и только затем мы видим проявление эмоции Раскольникова — в обрамлении последней реплики.

Можно также рассмотреть этот прием с точки зрения композиции художественного произведения, учитывая то, как оформляет сцены в романе

Достоевский. Писатель нередко сначала дает общую характеристику всей сцены, как бы с высоты птичьего полета.

Этот вид с высоты птичьего полета используется для описания начала или конца сцены: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту». Затем автор переходит к описанию персонажей, занимая более подробные (мелкие) визуальные позиции: «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь <...>» Затем Достоевский снова обращается к описанию персонажей. Наконец, герой приходит в дом старушки: «С замиранием сердца и нервною дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходявшему одною стеной на канаву, а другою В - ю улицу».

В это время временные и пространственные положения повествователя и героя совпадают, их точки зрения совмещаются. Опускание диалогической рамки призвано приблизить сцену, которая является кульминацией всего диалога, позволяя читателям почувствовать себя погруженными в сцену, доводя эмоции до пика напряжения.

В следующем диалоге опускание диалогической рамки также используется для вовлечения читателя в события сюжета, для создания эффекта соприсутствия. Обратимся к отрывку, описывающему самоубийство Свидригайлова:

— Да ничего, брат, здравствуй! — ответил Свидригайлов.

— Здесь не места.

— Я, брат, еду в чужие края.

— В чужие края?

— В Америку.

— В Америку?

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.

— А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!

— Да почему же бы и не место?

— А потому-зе, сто не места.

— Ну, брат, это всё равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.

Он приставил револьвер к своему правому виску.

— А-зе здесь нельзя, здесь не места! — **встреппенулся Ахиллес, расширяя всё больше и больше зрачки.**

Свидригайлов спустил курок.

Несмотря на то, что весь роман наполнен проявлениями эмоций, в этом страшном эпизоде окружающий диалогический фон вдруг на время исчезает: мы лишь слышим фразы персонажей и догадываемся, что сейчас случится. Чувства Свидригайлова нам недоступны, а ужас Ахиллеса проявляется только в последний момент, усиливая кульминацию.

Роман «Преступление и наказание» известен уникальным описанием психологических движений души персонажей и глубоким раскрытием их переживаний. В пространственных внутренних монологах автор также опускает повествовательную рамку или использует ее очень дозированно, а затем вводит довольно объемные психологические описания, чтобы лучше показать внутренний мир персонажа и его эмоциональные изменения. Пример такого художественного приема — обширное психологическое описание душевного состояния Раскольникова после получения письма от матери. Наиболее типичным примером является следующий абзац, состоящий из 13 вопросов без повествовательной рамки автора:

«Не бывать? А что же ты сделаешь, чтоб этому не бывать? Запретишь? А право какое имеешь? Что ты им можешь обещать в свою очередь, чтобы право такое иметь? Всю судьбу свою, всю будущность им посвятить, *когда кончишь курс и место достанешь?* Слышали мы это, да ведь это буки, а теперь? Ведь тут надо теперь же что-нибудь сделать, понимаешь ты это? А ты что теперь делаешь? Обираешь их же. Ведь деньги-то им под сторублевый пенсион да под господ Свидригайловых под заклад достаются! От Свидригайловых-то, от Афанасия-то Ивановича Вахрушина чем ты их убережешь, миллионер будущий, Зевес, их судьбою располагающий? Через десять-то лет? Да в десять-то лет мать успеет ослепнуть от косынок, а пожалуй что и от слез; от поста исчахнет; а сестра? Ну, придумай-ка, что может быть с сестрой через десять лет али в эти десять лет? Догадался?»

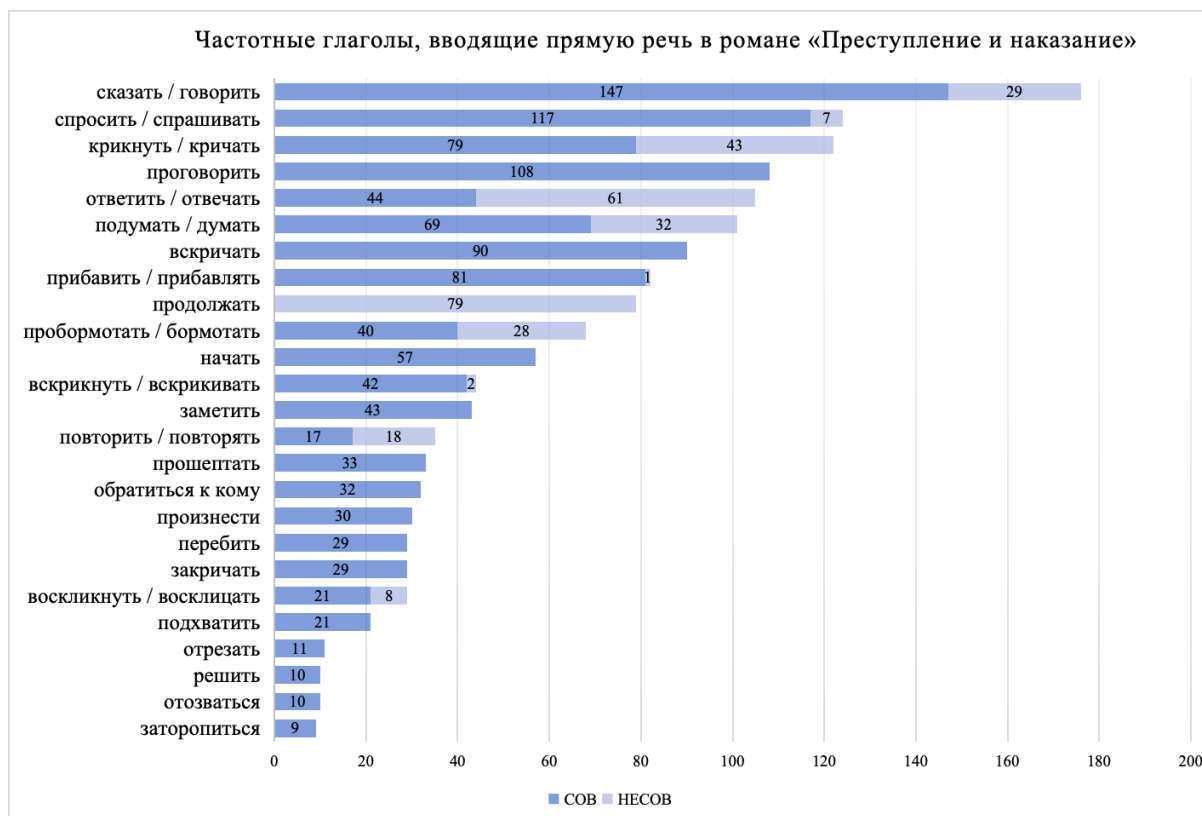
Можно констатировать, что опущение повествовательной рамки в романе «Преступлении и наказании» становится особым стилистическим приемом, который не только способствует развитию сюжета, формирует характеры, углубляет тему романа, но и воздействует на чувства читателей.

2.2. Грамматические характеристики глаголов, вводящих прямую речь.

В целом глаголы введения прямой речи в тексте романа употребляются в базовых грамматических конструкциях (в первую очередь, это структурная схема N1Vf) в личных формах, так как речевое действие, мимика и жесты, мысль, эмоция порождаются субъектом. Подлежащими при сказуемых, представленных глаголами введения прямой речи, обычно выступают одушевленные имена существительные или заменяющие их личные местоимения, они называют субъектов речи. Глаголы типа *вырваться, сорваться, мелькнуть // мелькать, пронестись, промелькнуть* используются в безличных конструкциях, а глаголы типа *раздаться, послышаться* формируют конструкцию с подлежащим, которое выражается существительным, называющим речевое действие (*послышалась команда, раздался крик*).

Мы проанализировали характеристики грамматических форм времени и вида глаголов, вводящих прямую речь в романе «Преступление и наказание». В рамке прямой речи глаголы говорения почти всегда появляются в форме прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, поскольку в рассказах о прошлом форма прошедшего времени имеет соответственно доминирующий статус.

Повторим приведенный нами выше Рисунок 1 со списком 25 самых частотных глаголов, вводящих прямую речь в тексте Ф.М. Достоевского, однако на этот раз обратим особое внимание на соотношение видовых характеристик глаголов:

Хорошо видно, что глаголы совершенного вида преобладают в рамке прямой речи, за исключением глаголов *отвечать* (61 употребление НСВ и 44 СВ) и *продолжать* (79 употреблений при отсутствии СВ *продолжить* в этой позиции)).

Всего в «Преступлении и наказании» **17** пар глаголов введения прямой речи встречаются в обеих видовых формах, среди которых преобладает совершенный вид. Всего **166** глаголов встречаются только в одном виде, из них 45 использованы в несовершенном виде и **121** — в совершенном.

В книге «Поэтика композиции» Б.А. Успенский писал о том, что несовершенный вид глаголов в форме прошедшего времени *говорил, отвечал* в значении однократного речевого события встречается именно в художественном нарративе: «Форма несовершенного вида возможна только при связном повествовании и в специальных условиях письменной (литературной) речи, — в ином контексте она кажется странной и неоправданной» [Успенский 1995 (1970): 101]. Действительно, с точки зрения разговорной речи правильнее использовать совершенный вид, например, *он*

сказал. В повседневной речи глагол несовершенного вида, скорее всего, воспринимается как выражение повторения действия или его длительности. Но в литературном тексте по сравнению с формой совершенного вида несовершенный вид создает, по мнению Б.А. Успенского, «эффект продолженного времени», и читатель как бы оказывается помещен в ситуацию данного действия, становясь его свидетелем.

— Да чтой-то вы какой бледный? Вот и руки дрожат! Икупался, что ль, батюшка?

— Лихорадка, — **отвечал** он отрывисто.

И все же в большинстве случаев Ф.М. Достоевский предпочитает совершенный вид глаголов в речевой рамке. Например, форма *проговорил* у него никогда не заменяется формой *говорил*, они противопоставлены друг другу по значению:

«Это я по подлости моей говорил... Мать у меня сама чуть милостыни не просит... а я лгал, чтоб меня на квартире держали и... кормили, — **проговорил** громко и отчетливо Раскольников».

Значение многократности, свойственное форме несовершенного вида, может использоваться при введении фразы персонажа, создавая сильный эффект:

«Я говорю ему: "Ваше превосходительство!.." — **выкрикивала** она, отдыхаясь после каждого слова, — эта Амалия Людвиговна... ах! Леня, Коля! ручки в боки, скорей, скорей, глisse-глisse, па-де-баск! Стучи ножками...»

Умиравшая Катерина Ивановна задыхается, а потому не просто произносит фразу, а выкрикивает ее по словам, и один глагол в этом контексте называет серию речевых действий, порождая яркий образ.

Прямую речь в романе вводят и формы настоящего времени глаголов. Как говорит Б.А. Успенский, по своему композиционному значению формы в этом случае знаменуют как бы **настоящее в прошлом, или настоящее историческое** [Успенский 1970]. Все действие происходит в прошлом, и взгляд на него является ретроспективным, и внутри этой сцены действия,

происходящего в прошлом, автор занимает синхронную позицию, словно помещая читателя в центр описываемых событий. По мнению ученого, здесь имеет место синтез ретроспективной и синхронной точек зрения.

У Ф.М. Достоевского глаголы речи в настоящем времени обычно используются для введения реплик внутри рассказа других персонажей, например:

«Я пришла тогда, — **продолжала** она плача, — а покойник и **говорит**: «прочти мне, говорит, Соня, у меня голова что-то болит, прочти мне... вот книжка».

Размышляя о значении времени в художественном произведении, И.И. Ковтунова приходит к мысли, что оно зависит от точки измерения или точки отсчета. <...>, иначе говоря, определить значение времени — это значит установить точку его измерения. Она также предлагает рассмотреть разницу между абсолютным временем и относительным временем в эпосе. Абсолютное значение большей частью имеет только прошедшее время авторского повествования, в плане общего повествования автор использует для обратного отсчета собственное время, которое не совпадает с личным временем ни одного персонажа, а настоящее же и будущее время имеют относительное значение, что касается повествования, то здесь существует разнообразие во времени и пространстве, и рассказчик может изменить свою позицию [Ковтунова 2010: 112–113].

В приведенных ниже примерах прошедшее время чередуется с настоящим. Время, когда говорящий (Мармеладов или Разумихин) рассказывает Раскольникову историю, можно рассматривать как точку отсчета, по отношению к которой история уже в прошлом. Повторяющаяся форма настоящего времени *говорит*, в свою очередь, позволяет погрузиться в историю, услышать речь Сони или матери Раскольникова:

«Лежал я тогда... ну, да уж что! лежал пьяненькой-с, и слышу, говорит моя Соня (безответная она, и голосок у ней такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое), **говорит**: «Что ж, Катерина Ивановна,

неужели же мне на такое дело пойти?»).

«Вошли, тебя нет; вот здесь она и сидела. <...> Встала и **говорит**: «Если он со двора выходит, а стало быть, здоров и мать забыл, значит, неприлично и стыдно матери у порога стоять и ласки, как подачки, выпрашивать».

Достоевский описывает сцену, произошедшую во сне Раскольникова, используя для введения прямой речи формы глаголов настоящего времени. С точки зрения поэтики использование настоящего времени несовершенного вида обеспечивает очень мощный эффект, как будто ужасное действие происходит прямо на глазах у читателя.

Садись, все садись! — **кричит** один, еще молодой, с толстою такою шеей и с мясистым, красным, как морковь, лицом, — всех довезу, садись!" Но тотчас же **раздается** смех и восклицанья:

— Этака кляча да повезет!

<...>

— Садись, всех довезу! — опять **кричит** Миколка, прыгая первый в телегу, берет вожжи и становится на передке во весь рост. — Гнедой даве с Матвеем ушел, — **кричит** он с телеги, — а кобыленка этта, братцы, только сердце мое надрывает: так бы, кажись, ее и убил, даром хлеб ест. Говорю садись! Вскачь пуцу! Вскачь пойдет! — И он берет в руки кнут, с наслаждением готовясь сечь савраску. ? ?

— Да садись, чего! — **хохочут** в толпе. — Слышь, вскачь пойдет!

Формы будущего времени появляются в речевой рамке редко, передавая убежденность героев в том, что та или иная фраза прозвучит:

«И **скажет**: «Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!» И возглаголят премудрые, **возглаголят** разумные: «Господи! почто сих приемлещи?»).

Глаголы в форме деепричастия вводят реплики в романе только дважды:

«С криком вырвался кто-то вниз из какой-то квартиры и не то что побежал, а точно упал вниз, по лестнице, **крича** во всю глотку:

— Митька! Митька! Митька! Митька! Митька! Шут те дери-и-и!»

«Лебезятников подбежали из первых; чиновник тоже поспешил, а за ним и городской, **проворчав**: "Эх-ма!" и махнув рукой, предчувствуя, что дело обернется хлопотливо».

Преобладание личных форм над неличными объясняется тем, что произнесение реплик чаще представляет в романе Достоевского однократные, законченные, значимые события, чем фоновые процессы (Ср. [Уржа 2018б: 499]).

Можно с уверенностью сказать, что формы глаголов, вводящих прямую речь в романе Достоевского, активно участвуют в создании его хронотопа [Бахтин 1975: 234], в формировании и переключении точек зрения на события.

2.3. Стилистические характеристики лексем, вводящих речь персонажей.

Спектр стилистических оттенков глаголов и сочетаний, вводящих речь в романе «Преступление и наказание», также богат. Стиль речи героя художественного произведения в основном обусловлен двумя группами факторов: это факторы окружающей среды и личностные факторы. Как отмечает в своих работах И.Б. Голуб, социальная и культурная среда и ее историческая эволюция определяют язык человека, а общественные тенденции оказывают значительное влияние на индивидуальное языковое поведение. Мы выбираем разные выражения, общаясь с теми или иными собеседниками, мы по-разному говорим с коллегами и с родственниками и друзьями. Различные эмоции говорящего и его цели также будут отражаться в его речи. Индивидуальные стили мышления, речевые привычки и обратная связь с участниками диалога или монолога также влияют на стилистическую окраску фраз.

В структуре прямой речи повествовательная рамка, подобранная автором, тесно связана с образом говорящего и ситуацией речи. Сравним приведенные И.Б. Голуб примеры из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»:

Первоначальный вариант:

«Ну, ну, рассказывай, что такое!» — **отвечала** в один голос толпа.

Опубликованный текст:

— Ну, ну, рассказывай, что такое! — **кричала** в один голос толпа.

Оба глагола можно отнести к нейтральному стилю, но глагол *отвечать* не производит эффекта голоса толпы, тут словно один неясный персонаж хочет знать, что происходит, поэтому в окончательном варианте толпа *кричит*. В этом случае глагол *кричать* подходит больше, чем *отвечать*.

И.Б. Голуб отмечает, что события, люди, мотивы их поступков, свойства характеров представлены в динамике, в действии — это закон художественного отображения жизни [Голуб 2010: 210]. Глаголы играют решающую роль в построении высказывания автора еще и потому, что в разных функциональных стилях речи глаголы и глагольные формы употребляются по-разному. В литературных произведениях персонажи оживают лишь когда автор находит верные глаголы, соответствующие их характеру и настроению.

Большинство слов общеупотребительной лексики в рамке прямой речи в романе Ф.М. Достоевского принадлежит к нейтральному стилю. Стилистически нейтральные слова помогают достичь более объективного и непредвзятого описания происходящих событий. Примерами стилистически нейтральных слов являются глаголы *говорить*, *думать*, *продолжать* и т.д., существительные *мысль*, *голос* и т.п.

Но в момент сильного душевного напряжения персонажа мы встречаем в обрамлении прямой речи глагол в книжном стиле, такой как *вскричать*. Автор использует в конструкциях, вводящих прямую речь, деепричастия, хотя они также относятся к книжному стилю и для разговорного не характерны.

Устаревшие глаголы *возглаголать*, *возопить*, *скрепить*, *промолвить* также встречаются в рамке прямой речи. Такие слова являются наследием прошлых времен и часто встречаются только в литературе, старых или исторических текстах. Использование устаревших глаголов придает тексту архаичный оттенок и помогает автору создать специальную атмосферу (например, религиозную) или достичь особого выразительного эффекта.

«— Жалеть! зачем меня жалеть! — вдруг *возопил* Мармеладов, вставая

с протянутой вперед рукой, в решительном вдохновении, как будто только и ждал этих слов».

В других диалогах автор, напротив, использует значительное количество глаголов в разговорном стиле, например: *прореветь, завопить, разливаться* и т.д. Часто такая речевая рамка содержит разговорно-просторечные глаголы, например, *закудахтать, захихикать, захохотать* и т.д. Появляются и разговорно-сниженные слова, такие как *брякнуть, промямлить*: «— Н-нет, — **промямлил** Зосимов».

Нередко такие слова имеют еще и негативную или ироническую коннотацию — благодаря этому они вводят внешнюю точку зрения на говорящего и его речь. Эта внешняя точка зрения часто принадлежит другому персонажу, например, Раскольникову, для которого неприятен смех Порфирия, которого раздражает реакция Зосимова, Насти или Разумихина. Читатель в этом случае слышит речь других, приобщаясь ко взгляду Раскольникова, проникает в его ощущения. Рассмотрим такой пример:

«И зачем, зачем вам уезжать! — с упоением **разливался** он восторженною речью, — и что вы будете делать в городишке?»

Эту фразу произносит влюбленный Разумихин, убеждая Дуню и ее мать не покидать столицу. Сцена представлена глазами наблюдающего за ними Раскольникова и открывается она ироничной фразой: «Ораторствовал Разумихин», в которой также видно насмешливое отношение Родиона к немного неловким проявлениям симпатии друга к его сестре.

В русском языке существуют параллельные формы глаголов, различающиеся стилистической окраской, например: *увидеть – увидеть*. В романе использована форма *увидать*, свойственная разговорному стилю.

Глаголы совершенного вида, обозначающие однократность или мгновенность действия и содержащие в своём составе суффиксы -ну, характерны главным образом для разговорной речи и просторечия: *хлопнуть, вздрогнуть, промелькнуть, вспыхнуть, всплеснуть* и т. п. Сравните: — Фу! перемешал! — **хлопнул** себя по лбу Порфирий.

В романе мы видим значительное количество глаголов в составе образной речи, переносное значение таких глаголов возникает на основе прямого значения путем метафорического или метонимического переноса: *отрезать, подхватить, ввернуть, проснуться, передернуть* и т.д.

Таким образом, введение в рамку прямой речи глаголов с разными стилистическими оттенками позволяет Достоевскому представлять диалоги и монологи в контексте переключающихся точек зрения, показывать настроение говорящих и слушающих героев, сообщая сценам романа то напряженное, то шутливое, то трагическое звучание.

2.4. Обрамление речи, образы героев и поэтика Ф.М. Достоевского.

Помимо изучения контекстов с прямой речью в целом, мы провели исследование средств, вводящих звучащие и внутренние реплики ключевых персонажей романа. Были составлены диаграммы, демонстрирующие частотность употребления глаголов в рамке прямой речи героев.

Всего 626 структур содержат глаголы, вводящие прямую речь Раскольникова, из них 15 глаголов (или пар глаголов СВ / НСВ) употреблены более 10 раз. Мы используем следующую диаграмму, чтобы показать их соотношение (см. Рисунок 2).

Рисунок 2

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что среди глаголов в рамке прямой речи Раскольникова лидирует пара *подумать // думать*, составляющая **12%** от общего их числа. Как мы видим, глаголы *сказать / говорить* (9%), *спросить / спрашивать* (8%), *ответить / отвечать* (7%) и *проговорить* (8%) чуть менее распространены в этой позиции. Таким образом

вводятся размышления и внутренние монологи героя, выделяется большое количество его психологических действий, отражается его рефлексия над собственным поведением, моральными понятиями и ценностями, показывается его внутренняя сложность и противоречивость.

При этом важно подчеркнуть, что Раскольников нередко рассуждает сам с собой вслух и, что еще важнее, преодолевает границу между внешней и внутренней речью незаметно для себя: «Он было подумал это про себя, но как-то само проговорилось вслух». Это объясняется и его возбужденным состоянием, и важностью вопросов, которые он обдумывает, но, кроме того, является авторским приемом: Раскольников, погруженный в размышления, может выдать себя, ведь за ним пристально следят, с разными чувствами, и враги, и друзья. Это усиливает интригу романа, создает напряжение в сюжете.

Главный герой вовлечен в большое количество диалогов, поэтому глаголы *спросить / спрашивать* и *ответить / отвечать* вводят его речь очень часто. При этом, раскрывая свою мысль или защищая свою позицию, он обычно не ограничивается краткой фразой, поэтому для введения последующих порций его фраз или даже монологов требуются глаголы *прибавить* (7%) и *продолжать* (5%). Выше мы уже отмечали, что и с самим собой и с другими Раскольников нередко говорит неразборчиво, как бы на грани размышления и речи, поэтому слова *пробормотать / бормотать* (5%) так часто вводят его реплики. Иногда он говорит тихо от слабости, болезни, но иногда и от испуга:

— Лизавету-то тоже убили! — брякнула вдруг Настасья, обращаясь к Раскольникову <...>.

— Лизавету? — **пробормотал** Раскольников едва слышным голосом.

Если суммировать количество употреблений глаголов *вскричать* (5%), *крикнуть / кричать* (2%) и *вскрикнуть* (2%), вводящих прямую речь Родиона Раскольникова, то их общая частотность будет такой же, как у слов *сказать / говорить*, поэтому можно утверждать, что герой проявляет свои эмоции повышением тона очень часто, и это отражается в рамке его реплик. Раздражение, отчаяние, насмешка, злость – эти чувства Раскольников часто испытывает и не скрывает от собеседников, его психологическое состояние

нестабильно.

Рисунок 3

Обратимся теперь к составу глаголов, вводящих прямую речь Дмитрия Разумихина (см. Рисунок 3). Глаголы **крикнуть // кричать (15%)**, вместе с двумя другими глаголами **вскричать (8%)** и **закричать (5%)**, называющими крик, восклицание составляют всего **28%**. Еще 4% составляет глагол **зареветь**. А **подумать // думать** составляет только **1.9%**,

Разумихин – надежный друг Раскольников, его моральные принципы, поступки и отношение к людям кажутся более разумными, обдуманнми, не случайно автор дал ему такую говорящую фамилию. Но если внимательно проанализировать текст и особенно рамку реплик Разумихина, то видно, что он проявляет себя как человек импульсивный, эмоциональный, хотя и искренний, откровенный: «Это был необыкновенно веселый и общительный парень, добрый до простоты. <...> Иногда он буянил и слыл за силача». Разумихин беспокоится о друге и о его семье, он влюблен в Авдотью Романовну и ревнует ее, он появляется в романе выпившим, поэтому эмоции его проявляются ярко и фиксируются в обрамлении реплик:

«Да у тебя белая горячка, что ль! — заревел взбесившийся наконец Разумихин. — Чего ты комедии-то разыгрываешь! Даже меня сбил с толку...»

«Это пусть, а все-таки вытащим! — крикнул Разумихин, стукнув кулаком по столу».

«Восхитительная? Ты сказал восхитительная! — заревел Разумихин и вдруг бросился на Зосимова и схватил его за горло. — Если ты когда-нибудь осмелишься... Понимаешь?»

Речевое взаимодействие с другими персонажами у Разумихина тоже очень энергичное, его фразы вводятся словами *перебил*, *прервал*, *отрезал*, *вцепился*, *поддакнул*. Складывается ощущение, что он деятельная, активная фигура в романе, мысли высказывает прямо, ему нечего скрывать.

«Послушайте, что ж вам всё стоять у дверей-то? — перебил вдруг Разумихин, — коли имеете что объяснить, так садитесь <...> Проходите, вот вам стул, сюда! Пролезайте же!»

Рисунок 4

Среди глаголов, вводящих прямую речь Сони (см. рисунок 4), наибольшее количество составляет *прошептать*, его доля **14%**. Интересно, что и гораздо более редкий глагол *лепетать* тоже вводит в романе именно речь Сони. Соня часто испытывает смущение в разговоре с другими людьми, не только из-за своего положения, но и из-за мягкости и доброты. Ее реплики никогда не сопровождает агрессия, зато в рамке встречаются глаголы *упрашивать, умолять, подхватить*. Эта героиня много страдает, одно из частотных слов, вводящих ее речь, – это *вскрикнуть* (11%), встречаются также глаголы *вскинуться, взволноваться*, жесты *всплеснуть руками* и *метаться*, сочетание *дрогнул голос*.

Если проанализировать состав рамок реплик второстепенных персонажей романа, то в них обнаружится немало слов с внешней квалификацией речи. Это такие обозначения, как *брякнуть, завопить, ввязаться, взвизгнуть, закудахтать*³⁹ и др. На наш взгляд, именно красочная палитра глаголов, вводящих внешнюю и внутреннюю квалификацию прямой речи персонажей, позволяет автору незаметно, ненавязчиво транслировать определенные характеристики образов. Например, среди слов, вводящих реплики Катерины Ивановны, есть глаголы *завопить, взвизгнуть, залиться, вцепиться, наброситься*. Речь Пульхерии Александровны вводится словами *засуетиться, заторопиться, перепугаться и встревожиться*, рамки реплик Лужина включают слова *замямлил, пробормотал, обиделся, горячился в бешенстве*, а тирада Мармеладова обрамлена глаголом *возопил*. Значительное разнообразие демонстрируют глаголы, вводящие речь Порфирия Петровича: *поддакнуть, сыпать, хлопотать, закудахтать* – и в то же время *наострить уши* и *кинуться*.

В репертуаре Достоевского огромное разнообразие глаголов, вводящих

³⁹ Словарные толкования этих глаголов либо содержат оценочную сему (*брякнуть, ввязаться*), либо сопровождаются пометой «неодобр.» (*закудахтать*), либо включают указание на резкость звучания (*завопить, взвизгнуть*), которая квалифицируется внешним наблюдателем и в контексте приобретает негативную коннотацию.

речь, хотя некоторые употреблены один-два раза (см. Приложение 1). Таким образом, обрамление реплик в его тексте получается очень колоритным и не монотонным.

В контексте нашего исследования особое значение получает известнейшая мысль М.М. Бахтина о том, что множественность «самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов» является основной особенностью романов Ф.М. Достоевского [Бахтин 1963: 3]. Такая полифония возникает в сознании читателя не только благодаря содержанию реплик и мыслей героев, трансляции их идей и мнений, но и благодаря оформлению монологов и диалогов, при котором чувства и психологические движения персонажей словно «выплескиваются» в обрамление речи, привлекают наше внимание к проявлениям их равноценных самостоятельных сознаний.

М.М. Бахтин считал, что объектом наблюдения писателя является субъект романа, идеология героя, то, что представляет собой мир в сознании героя и то, чем герой является в своем собственном сознании. Он говорил, что дух диалога пронизывает роман. Либо герои ведут диалог друг с другом, либо герои ведут диалог сами с собой. Их исследование этики, морали, религии и общества развивается свободно, в размышлении и опыте, а не предопределено сверху. Только писатели, обладающие богатым опытом, глубоким наблюдением и пониманием общественной жизни, могут писать реалистичные, яркие, тонкие и выразительные тексты, конкретно представлять перед читателями персонажей и события, вызывая у читателя ощущение возможности видеть персонажа как живого человека или самому побывать в данной обстановке. Достоевский обладал гениальным даром слышать диалог своей эпохи... [Бахтин 1963: 52].

Однако еще раз подчеркнем, что передача прямой речи героев в романе – это отнюдь не беспристрастная трансляция фраз, множество реплик вводится с помощью слов, дающих говорящим внешнюю квалификацию, включающих оценочные смыслы или коннотации, яркую стилистическую окраску. Это, с

одной стороны, обусловлено тем, что речь входит в роман в контексте сложной субъектной перспективы, мы можем слышать Порфирия Петровича или Катерину Ивановну «ушами» Раскольникова, следить за говорящим Раскольниковым с позиции Разумихина, Дуни или Сони, воспринимать реплики Лужина или Пульхерии Александровны вместе с Разумихиным, а ведь все эти герои испытывают к друг другу определенные чувства. С другой стороны, на наш взгляд, это составляет часть авторского приема: внешне беспристрастный повествователь все-таки транслирует таким косвенным образом читателю определенное отношение к персонажам, и Лужин вызывает у нас отторжение, а мать Раскольникова или Соня – сочувствие.

Кроме того, в исследовании Н.Д. Арутюновой «Стиль Достоевского в рамке русской картины мира» произведения Достоевского рассматриваются в различные показатели неопределенности (*как бы, как будто, какой-то* и др.), в том числе и те, которые используются в диалогических рамках при введении реплик персонажей [Арутюнова 1998: 847]. Видно, что использование подобных показателей в ремарках в сочетании с различными средствами введения прямой речи существенно меняет субъектную перспективу диалогических фрагментов:

— Теперь-то! О, что теперь делать!.. Вместе, вместе! — *повторяла она как бы в забытьи* и вновь обнимала его.

— Что? — *как бы проснулся* тот.

Ну, говори же, говори же, — *как будто так и хотело выпрыгнуть* из сердца Раскольникова...

В полифоническом романе «Преступление и наказание» основной сюжет вращается вокруг преступления Раскольникова, его явки под стражу, суда и искупления. К основным сюжетным диалогам относятся: диалог с самим собой перед совершением преступления, диалог со старухой во время преступления; беседы с матерью, сестрой, друзьями и другими людьми после преступления; разговор с Соней об искуплении и т.д. В этих диалогах важную роль сыграли авторские приемы введения прямой речи, высветившие

противоречия между героями, сделав персонажей более полными и объемными, усложнив сюжет.

Выводы по второй главе

1. Итак, в ходе исследования были выделены и описаны семантические группы глаголов и сочетаний, вводящих прямую речь в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», дана их стилистическая характеристика, определены прагматические эффекты, которые создает их использование. В романе речь героев, как правило, сопровождается активным проявлением эмоций. Было установлено, что глагол *кричать* / *крикнуть* является третьим по частотности среди всех глаголов, вводящих речь, уступая только парам *говорить* / *сказать* и *спросить* / *спрашивать*. В состав двадцати пяти самых частотных глаголов, вводящих речь в романе, входят лексемы *вскричать*, *вскрикнуть* / *вскрикивать*, *воскликнуть* / *восклицать*, *закричать*.

2. Внимание не только к глаголам, но и к существительным и идиоматическим сочетаниям, вводящим прямую речь, позволяет установить, что в романе «Преступление и наказание» они изофункциональны. Так, группа средств, представляющих внутреннюю квалификацию речи, сформирована в тексте не только частотными глаголами типа *крикнуть*, *вскричать*, *воскликнуть*, но и словами *крик*, *вопл*, *восклицанье*, а также словом *голос* в сочетаниях с теми же глаголами. В результате эмотивная плотность диалогической рамки оказывается повышенной, а сама рамка не становится монотонной.

3. Аналогично глаголы, называющие невысказанную мысль и вводящие многочисленные внутренние реплики героев романа, чередуются в рамке с существительными или идиомами с такой же семантикой.

4. Глаголы, обозначающие негативные эмоции (*горячиться*, *раздражаться*, *перепугаться*), в тексте романа преобладают. Герои нередко спешат высказать свою мысль (среди частотных средств введения речи – слова *заторопиться* и *перебить*). Также активно вводят речь номинации кинем

(*подскочить, усмехнуться, всплеснуть руками* и др.). Глаголы, описывающие жесты, мимику и движения героев (*обернуться, подскочить, усмехнуться, указать* и др.), не являясь глаголами речи, тем не менее нередко выступают в роли глаголов, вводящих речь персонажей в диалогах романа.

5. Широко используются глаголы, демонстрирующие коммуникативные намерения говорящих, такие как *доказывать, упрашивать, настаивать*. В сочетаниях с глаголами регулярно встречаются комитативные синтаксемы, называющие дополнительные эмоции и их оттенки (*в бешенстве, с натугой, злобно*). В итоге создается яркая, запоминающаяся картина поведения персонажей в процессе коммуникативного акта.

6. Изучение грамматических характеристик глаголов, вводящих речь, позволило сделать вывод о том, что они употребляются в элементарных грамматических моделях в основном в личных формах. В структурах введения прямой речи глаголы говорения в романе появляются в форме прошедшего времени совершенного и несовершенного вида. Выявлено **17** пар глаголов введения прямой речи в обеих формах, среди которых преобладает совершенный вид. Всего **166** глаголов встречаются только в одном аспекте, **45** использованы в несовершенном виде и **121** — в совершенном. Когда герои приводят реплики других персонажей, рамки типа *говорит, отвечает* оформляются в настоящем историческом.

7. Изучение стилистических характеристик глаголов, вводящих речь в романе «Преступление и наказание», позволило сделать вывод об обширной палитре средств, используемой автором. Мы встречаем и такие архаичные номинации, как *возглаголать* и *возопить*, и книжный глагол *вскричать*, и разговорные *завопить, захихикать*, и просторечные слова *брякнуть, промямлить*.

8. Особым стилистическим приемом в романе «Преступление и наказание» становится также опущение повествовательной рамки. Диалоги и полилоги без обрамления позволяют читателю «погрузиться» в событие, почувствовать себя его непосредственным наблюдателем. Во внутренних

монологам с опущенной повествовательной рамкой раскрывается личность героев, взгляды разных людей на грех, мораль, справедливость, совесть, искупление и веру.

9. В плане прагматики глаголы введения прямой речи являются не только важным компонентом речевой характеристики персонажей, но и своеобразными трансляторами авторского видения героев, формирующими поэтику полифонии и ключевые мотивы произведения. Многообразие средств с внешней квалификацией прямой речи, обрамляющих реплики разных героев «Преступления и наказания», демонстрирует особый прием: несмотря на отсутствие пристрастных описаний «от автора», персонажи исподволь приобретают выразительные характеристики (порой с оценочными коннотациями), данные с внешней точки зрения, в рамках сложной субъектной перспективы текста, и читатель оказывается к ним восприимчив.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при переводе романа на другие языки: внимание к речевой манере героев Ф.М. Достоевского, к способам формирования перспективы текста поможет переводчику передать поэтику этого романа. Кроме того, полученные данные могут стать основой для сопоставления произведений Ф.М. Достоевского с текстами других авторов. В следующей главе мы обратимся к особенностям средств введения прямой речи в одном из известнейших романов Л.Н. Толстого – «Анна Каренина».

Глава 3. Особенности средств введения речи персонажей в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Варьирование способов введения прямой речи персонажей широко распространено в русской повествовательной традиции. Поэтику текста характеризует как репертуар глаголов, вводящих прямую речь в литературном произведении, так и частотность их употребления. Исследование семантических, стилистических и частотных характеристик глаголов, существительных или сочетаний, вводящих прямую речь в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», позволяет выявить их роль в создании образов героев произведения и расширяет наши представления об идиостиле автора⁴⁰.

3.1. Семантика и частотность лексем, вводящих прямую речь.

Мы выявили все контексты с глаголами, вводящими звучащую речь и невысказанные мысли персонажей в романе «Анна Каренина», и подсчитали количество употреблений каждого глагола, учитывая также соотношение видовых характеристик. Охарактеризуем в целом семантические группы, к которым принадлежат выявленные языковые средства.

Ведущая роль при введении речи персонажей принадлежит глаголам или сочетаниям со значением говорения. Они используются для обозначения различных процессов и видов речевой деятельности персонажа. Самой частотной в сформированном в ходе нашего исследования списке остается пара **сказать** (1987) // **говорить** (246), что является ожидаемой характеристикой русскоязычного текста, включающего реплики героев повествования. Типовая семантика глаголов, характеризующих речевую деятельность: произносить (произнести) что-л. как-л., каким-л. образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или

⁴⁰ Результаты исследования, представленные в данной главе, опубликованы автором диссертации в статьях [Ван 2024б], [Уржа, Ван 2025].

выражая при этом какие-л. внутренние эмоциональные состояния. Базовые глаголы: говорить (сказать), произносить (произнести) [Бабенко 1999: 349]. Наблюдается большой разрыв между частотностью этой пары глаголов и остальных лексем, вводящих как звучащую речь, так и невысказанную мысль. Часто употребляемыми являются также глаголы с самым общим значением говорения: **проговорить** (103), **выговорить** (9) // **выговаривать** (2), **рассказывать** (7), **заметить** (7) в значении «сообщать что-л. (историю, происшествие и т.п.) кому-л. устно во всех подробностях, деталях» [Бабенко 1999], например: «— Очень у них хорошо, — *рассказывал* Васенька про Вронского и Анну».

Второе и четвертое место по частотности занимают глаголы со общим значением ответа и вопроса: **ответить** (25) // **отвечать** (238), **спросить** (193) // **спрашивать** (17).

Частотными в романе «Анна Каренина» являются глаголы речевого взаимодействия, показывающие отношения между репликами, выражающие протекание речи, ее начало, прерывание и продолжение: **продолжать** (95), **начать** (44) // **начинать** (1), **заговорить** (40), **перебить** (38). К ним можно отнести и группу глаголов, которые имеют общее значение продолжения или развертывания предыдущего высказывания: **прибавить** (112) // **прибавлять** (3), **повторить** (53) // **повторять** (11), **подхватить** (11). В эту группу также входит глагол, выражающий несогласие с собеседником: **возразить** (6) // **возражать** (1).

Слова, называющих цель акта прямой речи, представлены глаголом с общим значением обращения: **обратиться** (90) // **обращаться** (4).

К часто употребляемым в романе можно отнести также глаголы, характеризующие эмоциональность реплик героев, с общим значением «характеристика речи по громкости», — **вскрикнуть** (47), **крикнуть** (34) // **кричать** (13), **закричать** (23), **прокричать** (20); **прошептать** (22). Однако даже самый распространенный из них является десятым по частотности, а не третьим, как в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

В список вошел и глагол, характеризующий правильность содержания речи **подтвердить** (14) со значением «сказать о том, что нечто заявленное кем-л. соответствует действительности, имеет под собой основание» [БУС 2018], например: «— Да, да, удивительно! — *подтвердили* Голенищев и Анна».

Из 25 перечисленных глаголов (см. Рисунок 5) вышеуказанные 22 глагола вводят собственно звучащую речь, а невысказанные мысли персонажей вводят следующие 3:

Глаголы, которые описывают мыслительный процесс, не так многочисленны, как глаголы говорения: **подумать** (128) // **думать** (116) (занимает третью позицию в списке), **вспомнить** (6) // **вспоминать** (4).

Глаголы, обозначающие письменное общение: **написать** (2) // **писать** (7) также использованы в роли вводящих прямую речь героев романа.

Рассмотрим сформированный список частотных глаголов, вводящих прямую речь, которые Л.Н. Толстой использует в романе «Анна Каренина» (см. Рисунок 5)

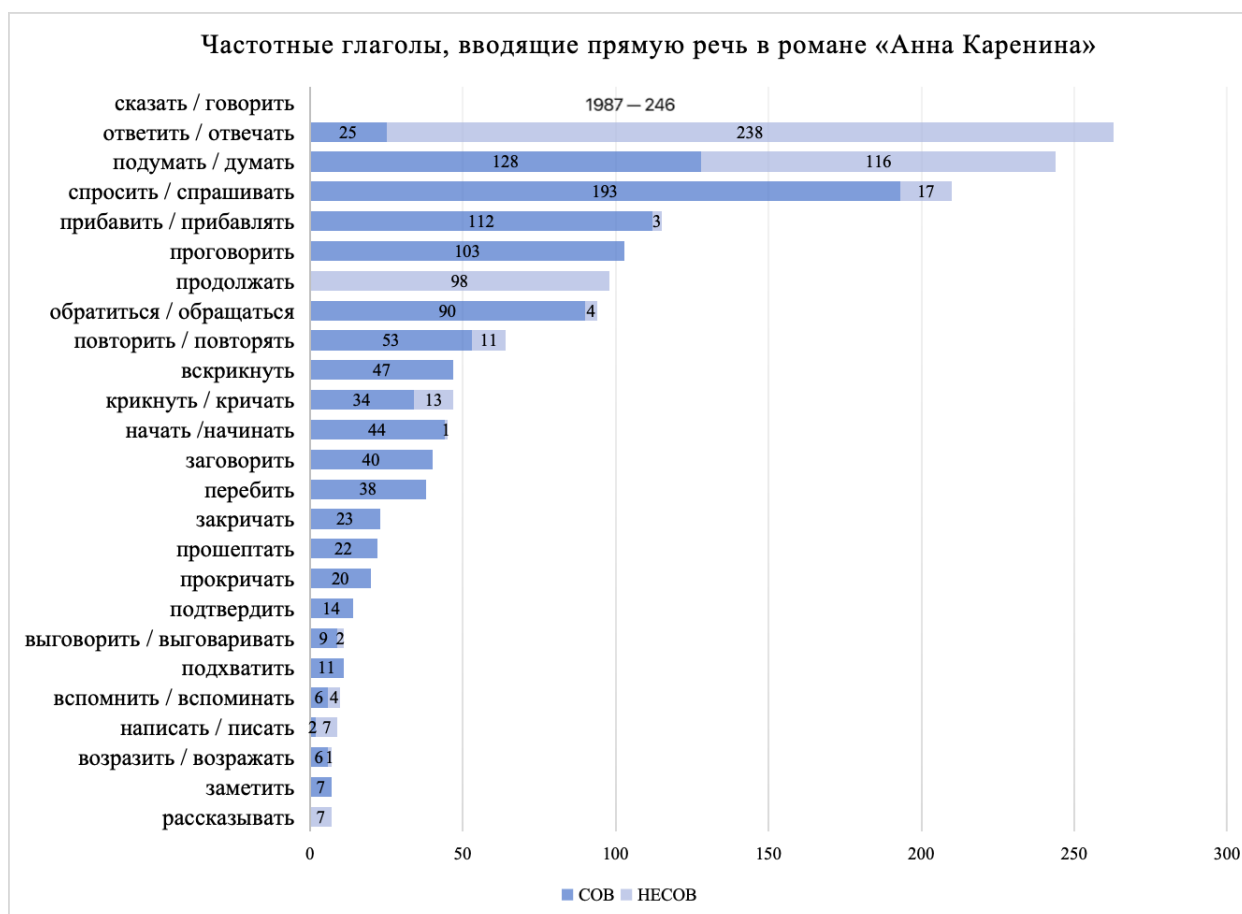

Рисунок 5. Частотные глаголы, вводящие прямую речь в романе «Анна Каренина»

Некоторые имена существительные являются родственными глаголам говорения и мысли и, по мнению В.И. Кодухова, они по своему лексическому значению входят в ту же лексико-семантическую группу: *разговор – разговаривать, сообщение – сообщить* и др.

Среди существительных, вводящих прямую речь в романе (в составе словосочетаний или самостоятельно), наблюдаются представители тех же семантических групп. Это существительные, обозначающие характер звучащей речи: *слова* (и единственная форма *слово*), *голос, вопрос*, кроме того, с небольшой частотой следующие лексемы: *звуки, фраза, письмо, речь, советы, депеша, каламбур*: «И она написала **депешу**: "Мне необходимо переговорить, сейчас приезжайте"»; «Но ему во все это время было неловко и досадно, он сам не знал отчего: оттого ли, что ничего не выходило из **каламбура**: "было дело до жиды, и я дожидался", или от чего-нибудь другого». Мы наблюдаем также использование слов, отсылающих к эмоциям персонажа, его этикетным действиям, а также коллективной речевой деятельности: *крики, тост, хор*.

Ряд существительных обозначает невысказанные мысли героя романа – *мысль, слова, фраза, буквы*. Стоит отметить, что большинство существительных употреблено в составе словосочетаний, например: *разлился хор, услышал голос, вспомнились слова, вспомнила фразу*, и лишь немногие используются самостоятельно:

"Что ж, это не то, это не он! Где его голубые глаза, милая и робкая улыбка?" — была первая **мысль** ее, когда она увидела свою пухлую, румяную девочку с черными вьющимися волосами

"Наша жизнь должна идти как прежде", — **вспомнила** она другую **фразу** письма.

В целом Л.Н. Толстой использует в романе «Анна Каренина» и нейтральные обозначения высказанных вслух (*проговорить, слово*) или

внутренних реплик героев (*подумать, написать, мысль*), и обозначение окрашенных эмоционально реплик (*крикнуть, крик*) и демонстрацию живого течения диалогового взаимодействия (*подхватить, добавить*), и указания на иллокуции (*перебить*).

3.1.1. Лексемы, обозначающие речь или мысль, как средства введения прямой речи персонажей в романе

При лексико-семантическом анализе глаголов речи, вводящих звучащую прямую речь, в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» нами выделены четыре группы:

Глаголы, обозначающие общеречевое действие;

Глаголы, выражающие характер звучания речи;

Глаголы, обозначающие отношение между репликами;

Глаголы, которые обозначают вид речевой деятельности.

Рассмотрим эти группы более подробно:

1. Глаголы, обозначающие общеречевое действие (говорение, чтение).

В ходе исследования романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в качестве глаголов, вводящих прямую речь персонажей, были выделены многочисленные нейтральные глаголы с общим устойчивым значением говорения или чтения. Отметим, что значительная часть таких глаголов нередко сопровождается наречиями, деепричастиями или комитативными синтаксемами, прямо называющими эмоцию героя или характеризующими эмоциональный фон через манеру его речи и т.п. «— Ну что? — сказал он уныло» и др.

К этой группе мы отнесли следующие глаголы: **сказать** (1987) // **говорить** (246), **проговорить** (103), **обратиться** (90) // **обращаться** (4), **выговорить** (9) // **выговаривать** (2), **рассказывать** (7) в том числе сложное сказуемое *начать рассказывать* использовано трижды, **заметить** (7), **приговаривать** (6), **доложить** (4) с семой «сообщить, известить о приходе

гостя, посетителя и т. п.» [МАС 1999], **прочсть** (4), **читать** (3), **излагать** (2), **продекламировать** (2), **предложить** (2): «— Нет, жарко; лучше пройти по саду и в лодке прокатиться, показать Дарье Александровне берега, — *предложил* Вронский»; **высказать** (1), **представлять** (1), **произнести** (1), **разговаривать** (1), **прозвучать** (1), **провозглашать** (1), **поговорить** (1), **звать** (1), **объяснять** (1), **отмечать** (1) «выступая с речью или в печати, специально указать на что-л.» [БУС 2018], **подсказать** (1).

2. Глаголы, выражающие характер звучания речи.

Глаголы с семой «громко говорить»: **вскрикнуть** (47); **крикнуть** (34) // **кричать** (13); **закричать** (23); **прокричать** (20); **воскликнуть** (3); **окликнуть** (1) в значении «назвать по имени, крикнуть что-л. кому-л. с целью привлечь внимание, остановить и т. п.» [МАС 1999], например: «— Кха! Мха! А, черт! Что возишься, что ты не спишь? — *окликнул* его голос брата»; **перекрикивать** (1) (к перекричать) со значением «заглушить своим криком голоса других людей или какие-л. звуки, сделать свой голос слышным среди других звуков» [МАС 1999]: «— Знает, знает. Вот верьте богу, матушка Катерина Александровна, узнал меня! — *перекрикивала* Агафья Михайловна ребенка»; **покрикивать** (1) в значении «строго и резко приказывать, начальственно бранить время от времени» [Ушаков, 1935–1940]: «"Тубо, тубо, Крак!" — *покрикивал* он ласково на собаку, которая вскидывала ему лапы на живот и грудь, цепляясь ими за ягдташ»; **взвизгнуть** (1), **рявкнуть** (1) просторечное, со значением «громко, грубо крикнуть, выкрикнуть что-л., обращаясь к кому-л.» [МАС 1999]: Ну, слушай, как *рявкнет* дьякон: "Да боится своего мужа"; **завенеть** (1) – глагол, характеризующий особый тембр голоса, возникающий в эмоционально значимых для говорящего ситуациях с семой «раздаться (о звоне), начать звенеть» [Ушаков, 1935–1940]: «— Ну как же? где ты встретил Алексея Александровича? — вдруг ненатурально *завенел* ее голос»; **замычать** (1) в разговорном стиле «начать произносить нечленораздельные звуки, подобные мычанию (о человеке)» [Ефремова, 2000], например «"Ах, ах, ах! Ааа!.." — *замычал* он, вспоминая все, что было»;

промычать (2) также разговорное: «проговорить нечленораздельно, невнятно» [БТС 1998], как в следующих примерах: «— Ааа! — *промычал* Вронский, схватившись за голову», «— Она здорова, — хмурясь, *промычал* Алексей Александрович».

Глагол **запеть** (1) с семой «начать петь» определяет характер протекания речи во времени, когда темп речи говорящего во время пения замедляется, речь становится напевной: Он вышел в дверь перегородки, поднял руки и *запел* по-французски: "Был король в Ту-у-ле"; **распевать** (1) разговорное, со значением «петь продолжительно, с удовольствием» [МАС 1999], «— Надо в порядке его убрать. Агу, агу! — *распевала* она над ним, не обращая внимания на мать», **петь** (1).

Глаголы речи с семой «тихо говорить, произносить шепотом»: **прошептать** (22): — Любите ненавидящих вас... — стыдливо *прошептала* Дарья Александровна; **шепнуть** (2) // **шептать** (1).

Глагол **грассировать** (1), выражающий особую манеру произношения звука "р": «произносить звук "р" с гортанным призвуком» [БТС 1998], как в следующем примере: — Он копошится и приговаривает по-французски, скоро-скоро и, знаешь, *грассирует*: "Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir...".

Разговорный глагол **зашикать** (1) со значением «начать шикать, произнося шш, тс, призывая к молчанию, тишине» [Ефремова, 2000], описывает не просто звук, за этим звуком стоит больше, чем просто выражение недовольства или агрессии. Глагол является особым маркером ситуации и способом выражения эмоций. «Шш! — *зашикала* она на вошедшего опять лакея».

Яркую характеристику персонажа дает глагол **пробасить** (1), имеющий значение «проговорить или пропеть басом» [МАС 1999]: — Водки лучше всего, — *пробасил* Яшвин.

Оба глагола **пробормотать** (1) и **промолвить** (1) означают негромкое, словно для себя, произношение. При этом *пробормотать* преимущественно используется со значением «говорить тихо, невнятно», а промолвить

обозначает «говорить нерешительно, тихо, про себя». Сравним: «— Да, они отвлекают к себе все соки и дают ложный блеск, — *пробормотал* он, остановившись писать, и, чувствуя, что она глядит на него и улыбается, оглянулся» и «— Жалко! — *промолвил* Сергей Иванович, нахмурившись».

Глагол **прохрипеть** (1) со значением «хрипло сказать, произнести» [БТС 1998]: «— Что, Кати нет? — *прохрипел* он, оглядываясь, когда Левин неохотно подтвердил слова доктора».

Протянуть (1): «— Так! — вдруг успокоительно *протянул* он, как будто все разрешилось для него». Персонаж говорит медленно, растягивая гласные, протяжно, словно делая для себя некий вывод или подводя итог.

3. Глаголы, обозначающие отношение между репликами.

Глаголы с общим значением вопроса: **спросить** (193) // **спрашивать** (17), **переспросить** (4), **опросить** (1).

Глаголы с общим значением ответа: **ответить** (25) // **отвечать** (238), **отозваться** (2).

В эту группу мы посчитали нужным включить также глаголы, оформляющие в диалоге ответные реплики и выражающие согласие или несогласие с мыслями говорящего: **подтвердить** (14); **возразить** (6) // **возражать** (1) «разговаривая с кем-л., выражать несогласие с кем-, чем-л., высказывать довод против чего-л.» [Бабенко, 1999] в диалоговом взаимодействии демонстрирует противоположную позицию или отношение героя к определенной точке зрения, поведению или ситуации. Этот глагол умственной деятельности используется для описания эмоционального или когнитивного состояния героя, указывая на позицию несогласия: «— Но мы стоим за принцип, за идеал! — звучным басом *возражал* Песцов». Отметим, что при выражении возражений вводящий прямую речь глагол нередко сопровождается наречиями степени или комитативными синтаксемами (*мягко, серьезно, горячо, с горячностью*), отражающими истинные эмоции героев. Однако мы не отметили использование наречий меры и степени при использовании глаголов, выражающих согласие, например: — Вот это верно,

— засмеявшись даже от удовольствия, *подтвердил* помещик с седыми усами.

Глаголы, выражающие отношения между репликами в структуре диалога и в сложных конструкциях с прямой речью: **прибавить** (112) // **прибавлять** (3), **продолжать** (95), **повторить** (53) // **повторять** (11), **начать** (44) // **начинать** (1), **заговорить** (40), **перебить** (38), **подхватить** (11), **заклЮчить** (6), **вставить** (5), **вмешаться** (3), **докончить** (3), **остановить** (3), **добавить** (2), **прервать** (2), **твердить** (2), **присовокупить** (1) «Разница десять рублей, — *присовокупил* он, собирая губы в улыбку», **досказать** (1), **кончить** (1) // **кончать** (1), **подхватить** (1), **поправить** (1), **поправиться** (1).

4. Глаголы, которые обозначают вид речевой деятельности.

На вид речевой деятельности прежде всего указывают глаголы **написать** (2) // **писать** (7), **надписать** (1), **приписать** (1): Ни минуты не думая, Анна села с письмом Бетси к столу и, не читая, *приписала* внизу: "Мне необходимо вас видеть. Приезжайте к саду Вреде. Я буду там в 6 часов".

Отметим в этой группе также глагол **декламировать** (1):

«Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюбленных узнаю по их глазам, — *продекламировал* Степан Аркадьич».

Стоит отметить, что в некоторых случаях глаголы, обозначающие речь, могут также называть интенсивную внутреннюю речь и относиться к фразе, которую герой повторяет самому себе: "*Ах, ужасно! ай, ай, ай! ужасно!* — *твердил себе Степан Аркадьич и ничего не мог придумать.*

В группу обозначения видов речевой деятельности мы посчитали нужным ввести также глаголы, обозначающие восприятие героем неких внешних событий **послышаться** (2) // **слышаться** (2): «— Что?.. Что?.. Где?.. Бросился!.. задавило!.. — *слышалось* между проходившими»; **слышать** (3), **раздаться** (1). Сама ситуация слухового восприятия вторична по отношению к ситуации звучания. Воспринимать слухом можно только звучащие объекты» [Логачева, 1988, с. 34].

В романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» глаголы мысли, вводящие невысказанную мысль по семантике идентифицированы как:

1. Обозначение мыслительного действия: **подумать** (128) // **думать** (116), **задуматься** (1), **промелькнуть** в голове (1).

2. Обозначение знания или предшествующего ему когнитивного усилия: **решить** (6), **понять** (2), **соображать** (1), **загадать** (1), **значить** (2), **значиться** (1), **подразумеваться** (1), сравним:

Это значило: "тогда я не могла иначе ответить".

Там значилось: "Если обман, то презрение спокойное, и уехать. Если правда, то соблюсти приличия".

Левин понял, что под этими словами подразумевалось: "Ты видишь и знаешь, что я плох, и, может быть, мы больше не увидимся".

3. Обозначение воспоминания: **вспомнить** (6) // **вспоминать** (4), например: *Он шел через террасу и смотрел на выступавшие две звезды на потемневшем уже небе и вдруг **вспомнил**: "Да, глядя на небо, я думал о том, что свод, который я вижу, не есть неправда, и при этом что-то я не додумал, что-то я скрыл от себя, — **подумал** он.*

В романе «Анна Каренина» прямая речь у Толстого вводится сочетаниями глаголов с существительными, среди которых можно выделить следующие семантические группы:

- обозначение общеречевого действия: *слышать слова, услышать слова, раздались звуки, приготовить фразу, переменить речь, обратиться с вопросом, раздавался (раздался) голос, услышать голос, произнести слово, слышались голоса, слышались звуки, продолжать разговор;*
- обозначение характера звучания, выражение внутренних эмоций персонажей: *разлился хор, услышать крик, провозгласить тост, слышались крики;*
- обозначение отношения между репликами: *задавать (задать) вопрос, повторять слова, начать вопрос, твердить слова, повторить вопрос, слышались советы;*
- обозначение типа речевой деятельности: *прочитать письмо,*

написала письмо, написать депешу, (ничего не выходило из) каламбура.

- обозначение мыслительного действия: *всплывала мысль*;
- обозначение знания или предшествующего ему когнитивного усилия: *решить вопрос, буквы значили, смысл слов переводился*;
- обозначение воспоминания: *вспомнить слова, вспомнились слова, вспомнить слово, вспомнить фразу*.

С целью изучения специфического репертуара лексики, вводящей прямую речь в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», был проведен комплексный анализ языковых средств по стилистическим и семантическим параметрам. Глаголы речи с эмотивной семантикой напрямую сопряжены с формированием ключевых образов произведения (*взвизгнуть, прокричать, шептать, зашикать*) и демонстрируют разнообразную стилистическую окраску. Глаголы, отнесенные нами к группе глаголов с общим нейтральным значением без эмоционального компонента (*сказать, подтвердить, подумать, отвечать*) также оказывают существенное влияние на общую поэтику произведения. Комитативные синтаксемы и наречия, обозначающие чувства героев, в сочетании с данными глаголами помогают составить впечатление о психологическом состоянии персонажей.

3.1.2. Обозначение эмоциональных состояний

Глубокое проникновение в эмоциональный мир человека, знание человеческой природы и умение описать тонкие душевные движения своих героев – отличительные черты творчества Л.Н. Толстого [Гудзий 1960, Успенский 1970]. Однако анализируя текст романа «Анна Каренина», мы убедились, что, в отличие от Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстой редко использует при введении прямой речи глаголы, обозначающие психические состояния или чувства человека.

В тексте мы выделили следующие глаголы, которые передают эмоциональные состояния героев:

Глагол **оскорбиться** (1) имеет значение «почувствовать себя оскорбленным» [МАС 1999]: «— Как что? — *оскорбившись* за то, что он как бы с неохотой и досадой принимает ее предложение». Кити чувствует разочарование и неудовлетворенность, оказавшись под воздействием негативных эмоций из-за непонимания мужа.

Глагол **кипеть** (1) со значением «проявляться, развиваться с силой, бурно, стремительно (чаще об отрицательно окрашенных чувствах, переживаниях)» [БУС 2018]. Этот глагол вводит в романе невысказанные мысли персонажа, внутреннюю речь Левина: "Как позволить себе смотреть так на мою жену!" — *кипело* в нем. Буря невысказанных чувств – от ревности до стыда за себя – кипит в душе героя.

Глагол **задрожать** (1) (о голосе) «начать дрожать, прийти в дрожь» [Ушаков, 1935–1940]: «— Так! Но я требую соблюдения внешних условий приличия до тех пор, — голос его *задрожал*, — пока я приму меры, обеспечивающие мою честь, и сообщу их вам». При описании голоса глагол **задрожать** помогает передать волнение, возбуждение и даже потрясение Алексея Александровича, после того как он узнал об измене жены.

Перечисленные глаголы вводят прямую речь однократно.

Количественный анализ показывает, что Л.Н. Толстой широко использует обозначения чувств, эмоций героев в тексте «Анны Карениной», но они не вводят прямую речь героев. Так, например, глагол *испугаться* в совокупности своих грамматических форм используется в романе **46** раз, однако сам по себе он никогда не вводит реплики героев. Он появляется в рамке реплики в сочетании с глаголом *сказал* или *спросил* в виде однородного сказуемого или комитативной синтаксемы с причастием:

«Очень, очень верю. Как я чувствую, мы бы дружны были с ним, — **сказала она и испугалась** за то, что сказала, оглянулась на мужа, и слезы выступили ей на глаза».

«Ну, что? Как? — **с испуганным лицом спросила** Кити».

То же самое касается других чувств: стыда, радости, успокоения,

надежды и т.д. Их номинации сопровождают глаголы речи, но сами непосредственно не вводят ни реплики в диалогах, ни монологи, ни произнесенные высказывания.

Обозначения проявлений чувств героев также не присоединяют их реплики непосредственно. Глагол *смеяться* встречается в романе «Анна Каренина» **96** раз, но ни разу не вводит прямую речь. Типичные контексты, описывающие сопровождаемые смехом реплики героев таковы:

«Смотри же, ты ведь, я тебя знаю, забудешь или вдруг уедешь в деревню! — **смеясь, прокричал** Степан Аркадьич».

Улыбки, вздохи, слезы героев, сопровождающие их речь, оформляются в виде существительных в составе комитативных синтаксисом в конструкции прямой речи с глаголом говорения:

«Что ж, побранили новые порядки? — **с улыбкой сказал** Свияжский».

«О своей душе, известное дело, пуще всего думать надо, — **сказала она со вздохом**».

Другой способ указания на проявление эмоции в романе – это описание в отдельном предложении:

«Она **презрительно усмехнулась**.

— Ни капельки, — **сказала она**».

Подобные способы указания на эмоции и их проявления мы не рассматривали в романе Ф.М. Достоевского (хотя там они тоже встречаются), поскольку, строго говоря, все они не представляют введение прямой речи с помощью номинации эмоционального состояния персонажа.

Таким образом, результаты анализа показывают, что писательская манера введения прямой речи у Л.Н. Толстого в «Анне Карениной» разительно отличается в этом аспекте от манеры Ф.М. Достоевского в «Преступлении и наказании». Хотя у обоих авторов герои испытывают целый спектр разнообразных эмоций, но у Л.Н. Толстого они как бы несколько отделены от реплик героев.

3.1.3. Обозначения кинем

Особую группу средств, вводящих реплики персонажей в романе «Анна Каренина», составляют кинемы – слова и выражения, называющие эмоциональные жесты и мимические движения человека.

Глагол **вздохнуть** (1) с семой «сделать вдох (обычно глубокий) и выдох» [БУС 2018]: «— О, ох! — тяжело *вздохнул* он». Князь, вздыхая, выражает этим свои переживания, ощущение тяжести происходящего.

Чувства скуки, пустоты, усталости помогает обозначить глагол **зевать** (1) со значением «непроизвольно глубоко вдыхать воздух широко раскрытым ртом, сразу же затем его выдыхая (при желании спать, при усталости и т. п.)» [МАС 1999]: «— Театры, например, и эти увеселительные... а-а-а! — *зевал* он».

Внутреннее напряжение героя помогает подчеркнуть глагол **щелкнуть** (1), называющий внешний «короткий, резкий звук при включении, приведении в действие чего-л. (механизма, прибора и т. п.)»: «Чик! чик! — *щелкнули* взводимые Степаном Аркадьичем курки.

В словаре МАС указано переносное значение глагола **дышать** (1) «веять, обдавать»: "О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней и помощи, господу помолимся", — как бы *дышала* вся церковь голосом протодьякона. Описание общего состояния мира, любви, веры в добро и красоту подчеркивается выбором этого глагола.

Глагол **указать** (1) кого-что. со значением «дать увидеть, показать, сообщить, назвать для сведения, для руководства» [Ушаков, 1935–1940], употребляется в ремарке «— Еще этот, подле ветки, — *указала* она маленькой Маше маленькую сыроежку, перерезанную поперек своей упругой розовой шляпки сухою травинкой, из-под которой она выдиралась».

В целом в романе «Анна Каренина» зафиксировано всего **6** номинаций кинем, вводящих прямую речь.

3.1.4. Обозначение иллокуций

Следующие глаголы, помимо введения прямой речи персонажа,

используются также для выражения коммуникативной цели говорящего:

Глагол **оправдываться** (1) со значением «объяснять свои поступки, поведение, приводить какие-л. доводы в свою защиту» [МАС 1999], герой говорит с целью доказать свою невиновность и правоту: «— Да я и не думаю осуждать, — *оправдывалась* приятельница Анны».

Глагол **извиняться** (1) встречается в ремарке «— Я, ей-богу, не виновата. Только что хотели уйти, тут он развозился. Надо было его переменить. Мы только что... — стала *извиняться* Кити». Кити говорит с целью оправдаться, приводя аргумент "*он развозился*" в качестве смягчающего обстоятельства и подчеркивая, что проблема образовалась недавно, повторением «*только что*».

Глагол **умолять** (1) «Пожалуйста, позволь! — *умоляла* она мужа, как будто счастье жизни ее зависело от этого». Кити пытается убедить мужа отвезти ее на встречу с умирающим братом мужа.

Глагол **напасть** (2), **напуститься** (1) «— Вот твои шутки! — *напустилась* княгиня на мужа», «— Ну, как тебе не совестно! Я не понимаю, как можно быть такой неосторожной! — с досадой *напал* он на жену». В двух приведенных выше примерах героини романа обращаются к своим собеседникам с целью укорить их.

Глагол **пошутить** (1): «— Вы не скачете? — *пошутил* ему военный». В коротком диалоге на скачках один из персонажей романа пытается таким образом задеть или даже высмеять Каренина.

Глагол **поправиться** (1): «Я знаю, мужья рассказывают женам своим прежнюю жизнь, но Стива... — она *поправились*, — Степан Аркадьич ничего не сказал мне». Цель говорящей в этом примере – исправить ошибочное высказывание, сделать его более точным и понятным для собеседника.

Глагол **помочь** (1): «Но адвокат тотчас же *помог* ему: — Люди не могут более жить вместе...». В данном случае глагол служит для обозначения иллокутивного намерения говорящего – помочь собеседнику выйти из затруднительной ситуации, точнее высказать мысль и объяснить свое недоумение.

Помимо выражения коммуникативной цели говорящего, глаголы введения прямой речи могут выражать и перлокутивные смыслы — использоваться для обозначения намеренного воздействия на адресата высказывания и стремления говорящего достичь некой цели.

Намерение привлечь внимание адресата мы видим в реплике с глаголом **окликнуть** (1): «— Кха! Мха! А, черт! Что возишься, что ты не спишь? — *окликнул* его голос брата».

Глагол **утешать** (1) в значении «разг. доставить кому-л., удовольствие, радость; порадовать, обрадовать» [МАС 1999], вводя прямую речь, указывает также на то, что говорящий воздействует на собеседника, стараясь своими словами, действиями успокоить, облегчить его состояние, страдание и т. п. Например: «— Это придет, — *утешал* его Голенищев, в понятии которого Вронский имел и талант и, главное, образование, дающее возвышенный взгляд на искусство». С похожим значением глагол **успокаивать** (1) «внушать кому-либо спокойствие, приводить кого-либо в состояние уравновешенности, рассеивать чьё-либо беспокойство» [Ефремова, 2000]: «— Это ничего не доказывает, это совсем не гадкие наклонности, это просто шалость, — *успокаивал* ее Левин».

Перлокутивную нагрузку несут также вводящие прямую речь глаголы **развлечь** (1) со значением «позабавить, повеселить, доставить кому-нибудь какое-нибудь удовольствие, потеху» [БУС 2018]: «— Папа идет! — *развлек* его Василий Лукич»; **зашикать** (1) разг. «начать шикать, призывая к молчанию» [БТС 1998]: «Шш! — *зашикала* она на вошедшего опять лакея»; **поправить** (1) «указать кому-л. на ошибку (в речи, словах, действиях и т. п.)» [МАС 1999]: «— Вы сказали, мой друг, что это будет зависеть от Алексея Александровича, — *поправила* ее Бетси».

Глубокие психологические описания душевных движений героев романа, подробное изложение идей и мыслей, которые руководят их поступками — одна из отличительных черт созданных Л.Н. Толстым произведений. По всей видимости, эта особенность авторского стиля может объяснить малое

количество вводящих прямую речь глаголов, которые кратко и однозначно обозначают коммуникативные намерения говорящих.

3.1.5. Отсутствие диалогической рамки

В ходе исследования романа «Анна Каренина» мы выделили диалоги, не имеющие рамки. Писатель в таких диалогах заранее вводит читателя в контекст, уточняет личность говорящих для того, чтобы читатель мог без труда судить, кому принадлежат те или иные реплики диалога, исходя из содержания речи и манеры говорящего. Ниже приводится диалог между Вронским и Бетси, когда Вронский рассказывает Бетси историю комического приключения его друзей по полку. Отсутствие диалогической рамки в таких примерах помогает сделать повествование более плавным, создать живую и динамичную атмосферу и полностью погрузить читателя в сюжет.

- Это немножко нескромно, но так мило, что ужасно хочется рассказать, — **сказал Вронский, глядя на нее смеющимися глазами.** — Я не буду называть фамилий,
- Но я буду угадывать, тем лучше.
- Слушайте же: едут два веселые молодые человека...
- Разумеется, офицеры вашего полка?
- Я не говорю офицеры, просто два позавтракавшие молодые человека...
- Переводите: выпившие.
- Может быть. <...>
- Вы с таким чувством это рассказываете, что мне кажется, вы сами один из этих двух.
- А сейчас вы мне что говорили? <...>
- Зачем вы мне такие гадости рассказываете? Ну?
- Звонят. <...>
- Почему же вы знаете, что у него бакенбарды, как вы говорите, колбасиками?
- А вот слушайте. Нынче я ездил мирить их.

В романе «Анна Каренина» сравнительно мало подобных обширных диалогов без диалогической рамки. Следующий полилог представляет собой групповой портрет, в котором Толстой стремится очертить круг интересов светского общества, уделяя внимание темам, на которые предпочитают разговаривать собравшиеся. В данном случае отсутствие диалогической рамки подчеркивает замысел автора, которому не важно, кому именно из персонажей

принадлежат те или иные реплики.

<...> **она обратилась к хозяйке:**

— Я была у графини Лидии и хотела раньше приехать, но засиделась. <...>

— Ах, это миссионер этот?

— Да, он рассказывал про индейскую жизнь очень интересно.

Разговор, перебитый приездом, опять замотался, как огонь задуваемой лампы.

— Сэр Джон! Да, сэр Джон. <...>

— А правда, что Власьева меньшая выходит за Топова?

— Да, говорят, что это совсем решено.

— Я удивляюсь родителям. Говорят, это брак по страсти.

3.2. Грамматические характеристики глаголов, вводящих прямую речь.

В романе «Анна Каренина» 16 пар глаголов введения прямой речи в обеих формах, среди которых преобладает совершенный вид. Всего 102 глагола встречаются только в одном аспекте, 28 использованы в несовершенном виде и 74 — в совершенном.

Большинство глаголов встречаются в форме прошедшего времени единственного числа. Стоит отметить, что форма множественного числа также встречается неоднократно, а это означает, что прямая речь принадлежит одновременно двум или более лицам. В этом случае, исходя из контекста, мы можем идентифицировать говорящих в некоторых примерах:

— Ну, что вам, мама! — **напали** на нее обе дочери. (Кити и Долли)

— Лучшие. — Да, гораздо. — Удивительно. — Ничего нет удивительного.

— Все-таки лучшие, — **говорили** они шепотом, улыбаясь друг другу. (Левин и Кити)

И все говорили: "не обсудись", как-то. (неизвестные, относится к фермерам)

Достаточно редко глагол, вводящий прямую речь, появляется в третьем лице настоящего времени. Типичным примером является употребление прямой речи, когда Вронский вспоминает слова Анны. Автор достигает таким образом художественного эффекта — полного и объемного воспроизведения сцены воспоминания:

Но повторение слов удержало воображение ненадолго. Опять одна за

другой стали представляться с чрезвычайною быстротой лучшие минуты и вместе с ними недавнее унижение. "Отними руки", — **говорит** голос Анны. Он отнимает руки и чувствует пристыженное и глупое выражение своего лица.

Для достижения художественного эффекта и особой выразительности автор использует форму глагола настоящего времени – вводит речь в речи:

— Совершенно справедливо! — отозвался Васенька Весловский. — Совершенно. Разумеется, Облонский делает это из *bonhomie*, а другие **говорят**: "Облонский ездит..."

В немногих случаях прямую речь вводит причастие или деепричастие:

На Царицынской станции поезд был встречен стройным хором молодых людей, **певших**: "Славься".

— Как что? — **оскорбившись** за то, что он как бы с неохотой и досадой принимает ее предложение.

Анализ грамматических характеристик глаголов, вводящих прямую речь, свидетельствует о предпочтении совершенного вида и преобладании личных форм. Отметим, что особое ощущение совместности, единения душ и мыслей персонажей автор достигает при использовании для введения прямой речи глаголов в форме 3 лица множественного числа.

Главные значения видо-временных форм могут служить основой для развития стилистических и художественных функций данных форм в художественных и публицистических текстах» [Петрухина 2009: 175]. И.И. Ковтунова пишет о том, что игра со временем может быть выразительным приемом в процессе создания произведения. В большинстве случаев художественное время короче реального в жизни героя, но также связано с субъективным временем героя. Описание того, что происходит с героем за секунду, может занимать большой объем повествования. Художественное время и грамматическое время устанавливают отношение и порядок событий. Без сомнения, в произведении художественное время и грамматическое время многомерны, при этом грамматическое время может

выражать отдельные действия.

Степан Аркадьич вздохнул, отер лицо и тихими шагами пошел из комнаты. "Матвей говорит: **образуется**; но как? Я не **вижу** даже возможности. Ах, ах, какой ужас! И как тривиально она кричала, — говорил он сам себе, вспоминая ее крик и слова: подлец и любовница. — И, может быть, девушки **слыхали**! Ужасно тривиально, ужасно". Степан Аркадьич постоял несколько секунд один, отер глаза, вздохнул и, выпрямив грудь, вышел из комнаты.

Была пятница, и в столовой часовщик-немец заводил часы. Степан Аркадьич вспомнил свою шутку об этом аккуратном плешивом часовщике, что немец "сам **был заведен** на всю жизнь, чтобы заводить часы", — и улыбнулся. Степан Аркадьич любил хорошую шутку. "А может быть, и **образуется**! Хорошо словечко: образуется, — подумал он. — Это надо рассказать".

(Л.Толстой, Анна Каренина)

Перед нами — один из примеров выражения монолога и внутренней речи персонажа. В речи говорящего времена с относительным значением выражают настоящее, будущее и прошедшее восприятия других фактов объективного мира. В таком случае относительное значение времен, выраженное разными видовременными формами глаголов, имеет отношение не к абсолютному времени авторского повествования (это всегда прошедшее время), а к воспроизводимой точке зрения персонажа, который вспоминает прошедшие события. Этот художественный прием часто используется при выражении внутренней речи персонажа, особенно при передаче несобственно-прямой речи. И.В. Ковтунова отмечает, что относительность времен в русском языке не выражается формально. Каждая временная форма может употребляться и в абсолютном, и в относительном значении. Речь идет не о грамматических значениях — относительность времен в русском языке не является грамматической категорией. Однако относительное употребление временных форм имеет свои особые закономерности [Ковтунова 2010: 125].

3.3. Стилистические характеристики лексем, вводящих речь персонажей.

Стилистическая палитра глаголов и сочетаний, вводящих речь в романе «Анна Каренина», представляется достаточно сдержанной. Мы встречаем однократно употребленные книжные глаголы *провозгласить* или *присовокупить*:

«Разница десять рублей, — **присовокупил** он, собирая губы в улыбку».

В основном за рамки общеупотребительной лексики автор выходит, используя в качестве вводящих прямую речь глаголы разговорного стиля: *замычать, промычать, рывкнуть, распевать, напасть, зашикать, пробасить, извиняться, напуститься и др.* Обратим внимание на то, что такие глаголы вводят реплики либо в контекстах, представляющих проявление эмоций персонажей, либо во фрагментах, оформляющих речь в речи.

«Ааа! — **промычал** Вронский, схватившись за голову. — Ааа! что я сделал!»

«Ну, слушай, как **рывкнет** дьякон: "Да боится своего мужа"».

Такие глаголы как *зашикать, напасть* и *напуститься* позволяют автору достичь особого выразительного эффекта при описании эмоционально окрашенных речевых действий. Кроме того, стилистические характеристики вводящих прямую речь глаголов (*пробасить, распевать*) помогают автору создать живой образ персонажа.

Известно, что Л.Н. Толстой был противником излишних «красивостей» в текстах. Возможно, именно стремлением к объективности и точности выражения своих мыслей продиктован выбор нейтральных стилистических средств для оформления прямой речи персонажей.

Стоит особо отметить, что глаголы с внешней квалификацией речи в рамке речи в романе крайне немногочисленны. Оценка речевых действий персонажей практически не проявляется в непосредственном обрамлении их реплик. Приведем один из редких подобных примеров:

— Вот твои шутки! — **напустилась** княгиня на мужа. — Ты всегда... — начала она свою укоризненную речь.

Князь слушал довольно долго упреки княгини и молчал, но лицо его все более и более хмурилось.

Характеристики героев и их речевых действий, данные с точки зрения повествователя или других персонажей и включающие оценочные семы или коннотации, практически не вторгаются у Л.Н. Толстого в саму рамку прямой речи.

3.4. Характер диалогической рамки, образы героев и поэтика

Л.Н. Толстого.

Язык произведений Л.Н. Толстого – сложное литературное явление, он представляет собой важный этап в развитии русского литературного языка. В.В. Виноградов отмечал: «язык Толстого на протяжении более полувека переживает сложную эволюцию» [Виноградов 1939: 117]. Д.П. Мирский, рассуждая о Толстом, называл 1880 год концом классической эпохи русского реализма и использовал его как разделительную точку для анализа произведений Толстого. Изменения мировоззрения Л.Н. Толстого были во многом следствием его религиозного обращения и нашли свое отражение также в стиле и художественных приемах писателя. Язык романов Толстого необычайно богат и разнообразен, в нем активно существуют все выразительные средства художественной и научной литературы той эпохи, элементы разговорной речи дворянской интеллигенции и речь народная. В разные периоды творчества Толстого его стиль претерпевал резкие изменения, отразившиеся главным образом в создании новой литературной формы – сложного единства классического литературного языка и разговорной речи, просторечия, крестьянского языка и народного литературного стиля.

«Анна Каренина», написанная в 1874–1876 гг., рассматривалась Мирским как продолжение психологической темы «Войны и мира». Толстого в этот период волновали вопросы морали, моральных законов и требований.

Через главного героя Толстой показывает свое внутреннее сильное стремление к нравственности, а также свои мысли о смысле жизни и сущности смерти. Глубокий интерес писателя к психологическому анализу, его неприятие искусственности и фальши отразилось в выборе языковых средств. Д.П. Мирский считает, что роман насыщен анатомическим анализом подсознательных и полусознательных состояний человеческого разума, очень острого, тонкого и разнообразного. Этот анализ опирается на более тонкие детали, «аккомпанемент» и особенно язык, где читатель может услышать голоса разных персонажей, и подробные описания разнообразных душевных движений, которые дают специфическое, неповторимое ощущение достоверности, характерное для ранних художественных приемов Толстого. Единственным его соперником в искусстве индивидуализации тональности был Достоевский [Мирский 2006].

Произведения Толстого демонстрируют глубокое проникновение в человеческую природу через изображение малейших движений души, отражение противоречий и сложности человеческой натуры. Для романов Толстого характерны детальные описания изменений эмоций, а также их смены в ходе диалога:

Кити! я мучаюсь. «Я не могу один мучаться», — сказал он с отчаянием в голосе, останавливаясь пред ней и умоляюще глядя ей в глаза. Он уже видел по ее любящему правдивому лицу, что ничего не может выйти из того, что он намерен был сказать, но ему все-таки нужно было, чтоб она сама разуверила его. — Я приехал сказать, что еще время не ушло. Это все можно уничтожить и поправить.

Л.Н. Толстого всегда глубоко интересовали проблемы психологии, он стремился естественным и точным языком создать сложный эмоциональный портрет каждого из своих героев. Он передавал эмоции, мысли и внутренний мир героев своих произведений посредством особой подробной манеры письма, позволяющей читателю глубже понять психологическое состояние героев. Отличительной чертой стиля Толстого стали детальные описания изменения чувств и движения мысли героя для введения читателя в мир его переживаний, как, например, в следующем примере:

«Одно это я могу сказать против своего чувства... Это важно», — говорил себе Сергей Иванович, чувствуя вместе с тем, что это соображение для него лично не могло иметь никакой важности, а разве только портило в глазах других людей его поэтическую роль.

Особого внимания заслуживает язык писателя. Стремление к максимальному реализму и простоте находит свое отражение и в выборе языковых средств введения прямой речи персонажей романов, и в построении диалогической рамки. Сочетание «прозрачной» лексики и очень сложного синтаксиса делает русский язык Л.Н. Толстого подчеркнуто индивидуальным. В его романах сложный синтаксис уместен и идеально соответствует выраженному содержанию.

Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский — мастера создания персонализированных характеров, но личности их героев по сути своей разные.

Согласно метафоре Мирского, Толстой в своей моральной философии — это Евклид или моральный гигант. То, с чем столкнулся Достоевский, никогда не было устойчивым существом, а было плавным процессом. Большая сложность, текучесть и многогранность его мысли контрастируют с геометрически строгим, линейным образом мышления Толстого.

В романе «Анна Каренина» мы можем анализировать образы разных героев в том числе и с помощью количественных данных. Кроме того, статистика может помочь в оценке различий между мужскими и женскими образами.

Надо отметить, что Толстой употребил глагол *сказать* // *говорить* - самый многочисленный и наиболее часто используемый, всего **более 2200 раз**, что составляет более половины от общего числа глаголов введения прямой речи персонажей.

В первую очередь посмотрим на диаграмму глаголов, вводящих прямую речь Анны Карениной (см. Рисунок 6). На первом месте, как уже говорилось — глагол *сказать* // *говорить* (**57%**). Второе место занимает глагол *подумать* // *думать*, который встречается всего 51 раз, что составляет **9%**. Это показывает,

что психологическая внутренняя речь Анны играет очень важную роль для характеристики ее образа, ведь из-за своего двойственного положения в свете её душу переполняли эмоции, которые она не всегда могла высказать вслух.

Интересно, что, несмотря на то что героиня испытывает самые разные сильные чувства в романе, глагол *вскрикнуть*, указывающий на эмоциональность высказывания, составляет лишь **2%** в рамке ее прямой речи, а остальные глаголы с внутренней квалификацией встречаются еще гораздо реже. Это еще раз подчеркивает, что автор не позволяет настроению персонажа отражаться непосредственно в глагольной рамке реплики, разделяя его высказывание и описание его переживания.

Рисунок 6

Интересно, что при анализе глаголов, вводящих прямую речь Кити (см. Рисунок 7), пара глаголов *спросить* / *спрашивать*, обозначающих вопрос, занимает второе место (8%). Юная девушка только вступает в жизнь и ищет ответы на множество вопросов. Среди эмоционально окрашенных глаголов речи, помимо *вскрикнуть* (2%) встречается *прошептать* (2%), однако остальные частотные слова, вводящие реплики Кити, не отражают ее чувств.

Рисунок 7

В диаграмме анализа глаголов, вводящих прямую речь Долли, глагол *подумать* // *думать* также занимает вторую позицию (9%), как у Анны.

В данных о Левине глагол *подумать* // *думать* составляет 14% (второе место). Герой со сложным внутренним миром, замкнутый, переживающий кризисы в личной жизни, размышляет о многом. При этом частотность глаголов с семой «крик», как *вскрикнуть* (16 употреблений, что составляет 3%), *крикнуть* (7), *закричать* (3), *прокричать* (3), *воскликнуть* (1), при описании Левина явно выше, чем у других образов романа. Возможно, это отражение эмоциональности или даже вспыльчивости персонажа (см. Рисунок

8). Именно его речь вводится редким у Толстого глаголом *кипеть* в метафорическом употреблении, а также глаголом *перебить* (6).

Рисунок 8

Глагол *спросить* // *спрашивать* занимает второе место в общем числе глаголов, вводящих прямую речь Степана: их всего 7%. Для Вронского (см. Рисунок 9) частотность глаголов *ответить* // *отвечать* составляет **9%** (второе место после глаголов *сказать* / *говорить*), а эмоционально окрашенные глаголы вводят речь настолько редко, в единичных употреблениях, что не попадают в диаграмму.

Рисунок 9

Для Алексея Александровича, любящего пространные высказывания, глагол *продолжать* составляет 6% (второе место после сказать / говорить). (См. Рисунок 10).

Рисунок 10

Этот герой ведет себя по преимуществу очень уравновешенно, эмоционально окрашенные глаголы вводят его прямую речь только в кульминационных сценах, и это производит сильный художественный эффект. Это всего 6 употреблений в романе по 1 разу (глаголы *вскрикнуть*, *промычать*, *взвизгнуть*, *задрожать*, *закричать* и *кричать*).

Сравнивая частотность употребления глаголов *сказать* / *говорить* и *подумать* / *думать* у разных героев романа «Анна Каренина», можно увидеть некоторые различия в характеристиках их образов, однако на первый план выходит общий подход к введению реплик персонажей у Л.Н. Толстого: эмоционально и стилистически нейтральные глаголы доминируют, представляя подавляющее количество контекстов с прямой речью в романе.

	сказать // говорить–1	подумать // думать–3
Анна	57% – 1	9% – 2
Кити	54% – 1	7% – 3
Долли	52% – 1	9% – 2
Левин	50% – 1	14% – 2
Степан	60% – 1	5% – 3
Вронский	60% – 1	7% – 3
Каренин	63% – 1	5% – 4

Выводы по третьей главе

1. В ходе комплексного анализа языковые средства введения прямой речи в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» были охарактеризованы в семантическом, грамматическом, стилистическом и прагматическом плане. Материалы исследования были обработаны с помощью количественных методов, а результаты интерпретированы в виде диаграмм.

2. Пара глаголов *сказать* // *говорить*, использована в рамке реплик в романе более 2200 раз, что составляет более половины от общего числа глаголов введения прямой речи персонажей. Обрамление фраз всех ключевых героев (и Анны, и Кити, и Вронского, и Каренина, при всех различиях их

образов) наполовину или более состоит из этих глаголов. Другие частотные глаголы также представляют номинации речевых действий без эмоциональной окраски: *ответить, подумать, спросить, прибавить, обратиться, повторить* и их корреляты в НСВ, а также *проговорить* и *продолжать*. Глагол с внутренней квалификацией речи *вскрикнуть* – лишь десятый по частотности в романе. В 25 частотных глаголах входят еще только 6 таких глаголов (*крикнуть, закричать, прокричать, прошептать, перебить и подхватить*). При этом репертуар глаголов речи в целом разнообразен и включает такие слова, как *грассировать, декламировать, пробасить, прохрипеть, зазвенеть, рывкнуть, зашикать, запнуться* и т.д.).

3. Количественный анализ свидетельствует о весьма ограниченном использовании непосредственно в рамке прямой речи глаголов, обозначающих психические состояния, чувства (*оскорбиться, кипеть*) и их жестовое или мимическое проявление в поведении персонажей (*вздохнуть, зевать*). Как правило, наблюдается их однократное использование. При этом номинации чувств и кинем очень часто присутствуют в расширенном контексте реплики, будучи оформлены в виде однородных сказуемых, соединенных с глаголом речи, деепричастий, наречий или комитативных синтаксисом с существительными, обозначающими радость, испуг, улыбки, вздохи или разочарование. Таким образом, эмотивная плотность романа Л.Н. Толстого оказывается очень насыщенной, однако реплики его героев несколько отделены от описания их чувств. Формированию, развитию и проявлению чувства уделяется особое внимание – и для этого выделяется специальный контекст, взаимодействующий с рамкой прямой речи, но не совпадающий с ней.

4. Глаголы в рамке диалога, которые обозначают коммуникативные намерения говорящих (*пошутить, поправиться, оправдываться, извиняться, утешать, умолять*), не столь ограничены в своем составе, но все же немногочисленны.

5. Набор существительных, которые самостоятельно или в составе

сочетаний вводят прямую речь героев в романе, включает не только распространенные обозначения общеречевых действий (*слова, фраза, речь*), их акустических проявлений (*звук, голос*), иллокуций (*вопрос, совет*), но и такие специфические слова, как *тост, каламбур, депеша*, указывающие на цель коммуникативного акта или тип речевой деятельности.

6. Стилистическая палитра глаголов, вводящих прямую речь в романе, разнообразна, но в целом сдержанна. Мы встречаем однократно употребленные книжные глаголы *провозгласить* или *присовокупить*, а также глаголы разговорного стиля: *замычать, рывкнуть, которые* вводят реплики либо в контекстах, представляющих проявление эмоций персонажей, либо во фрагментах, оформляющих речь в речи. Подавляющее большинство глаголов в рамке реплик – стилистически нейтральные.

7. Глаголы с внешней квалификацией речи в рамке речи в романе крайне немногочисленны. Оценка речевых действий персонажей повествователем или другими героями не проявляется в непосредственном обрамлении их реплик. С другой стороны, именно в этом тексте мы встречаем удивительные художественные находки в контекстах с прямой речью. Это и нестандартные метафоры (когда церковь «как бы дышит» голосом протодьякона), и обмен репликами-анаграммами (с расшифровкой их значения) и ходе любовного объяснения между героями.

8. Изучение грамматических характеристик глаголов в рамке речи показывает, что в романе «Анна Каренина» 16 пар глаголов введения прямой речи использованы в обеих формах, среди которых преобладает совершенный вид. Всего 102 глагола встречаются только в одном аспекте, 28 использованы в форме несовершенного вида и 74 — в форме совершенного. Время глаголов – прошедшее, формы настоящего времени иногда вводят речь в речи (когда персонаж цитирует реплики другого), деепричастия и причастия в рамке реплик малочисленны. Диалогическая рамка может отсутствовать во фрагментах, представляющих краткий обмен репликами между героями, которые хорошо известны из контекста.

9. Сравнивая частотность употребления глаголов в рамке речи разных героев романа «Анна Каренина», можно увидеть различия в характеристиках их образов, однако на первый план выходит общий подход к введению реплик персонажей у Л.Н. Толстого: эмоционально и стилистически нейтральные глаголы доминируют, представляя подавляющее количество контекстов с прямой речью в романе.

Изучение средств введения прямой речи в романе «Анна Каренина» позволяет выявить особенности организации повествования и перспективы в этом романе, такой подход может оказаться полезным для исследователей, которые сопоставляют произведения русских писателей друг с другом или переводят их на иностранные языки. В следующей главе мы обратимся к сравнительной характеристике романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого в выбранном ракурсе, а также изучим особенности перевода слов, формирующих рамку прямой речи, в переводах этих текстов на китайский язык.

Глава 4. Сравнительная характеристика средств введения прямой речи в романах «Преступление и наказание» и «Анна Каренина», а также в их переводах на китайский язык.

4.1. Количественные данные.

Чтобы сравнить частотность употребления глаголов у двух авторов, мы подсчитали процент употреблений глаголов от общего количества слов в двух романах. По статистике общее количество словоупотреблений в романе «Преступление и наказание» составляет 172829⁴¹, а в романе «Анна Каренина» 253275⁴².

В таблицу № 6 вошли 25 самых частотных глаголов у каждого из авторов, что в сумме составило 33 глагола (из них 4 глагола использованы только в романе Ф.М. Достоевского). Показатели частотности записаны обычным шрифтом. (Обозначение показателя частотности с помощью курсива свидетельствует о том, что у данного автора глагол не входит в 25 самых частотных, но также встречается, это сделано для демонстрации соотношения по частотности).

Результаты представлены в промилле ‰ (десятых долях процента). Такие количественные данные позволяют сопоставить частоту употреблений одинаковых глаголов в рамке прямой речи не в абсолютных величинах (которые не могут быть адекватно интерпретированы в текстах разного объема), а в величинах относительных.

⁴¹ Источник: <https://coollib.in/b/310545/1a>

⁴² Источник: <https://fantlab.ru/work270306/lp>

Таблица 6

Глаголы	Соотношение количества форм глаголов с общим количеством словоупотреблений в романе «Преступление и наказание»	Соотношение количества форм глаголов с общим количеством словоупотреблений в романе «Анна Каренина»
сказать // говорить	1,01835‰	8,81650‰
спросить // спрашивать	0,71747‰	0,82914‰
крикнуть // кричать	0,70590‰	0,18557‰
проговорить	0,62490‰	0,40667‰
ответить // отвечать	0,60754‰	1,03840‰
подумать // думать	0,58439‰	0,96338‰
вскричать	0,52075‰	0
прибавить // прибавлять	0,47446‰	0,45405‰
продолжать	0,45710‰	0,38693‰
пробормотать // бормотать	0,39345‰	0,00395‰
начать // начинать	0,32981‰	0,17767‰
вскрикнуть // вскрикивать	0,25459‰	0,18557‰
заметить	0,24880‰	0,02764‰
повторить // повторять	0,20251‰	0,25269‰
прошептать	0,19094‰	0,08686‰
обратиться // обращаться к кому	0,18515‰	0,37114‰
произнести	0,17358‰	0
воскликнуть // восклицать	0,16780‰	0,01184‰
закричать	0,16780‰	0,09081‰

перебить	0,16780‰	0,15003‰
подхватить	0,12151‰	0,04343‰
отрезать	0,06365‰	0
решить	0,05786‰	0,02369‰
отозваться	0,05786‰	0,00790‰
заторопиться	0,05207‰	0
написать // писать	0,05207‰	0,03553‰
возразить // возражать	0,04050‰	0,02764‰
заговорить	0,04050‰	0,15793‰
рассказывать	0,04050‰	0,02764‰
выговорить // выговаривать	0,01736‰	0,04343‰
подтвердить // подтверждать	0,01736‰	0,05528‰
прокричать	0,00579‰	0,07897‰
вспомнить // вспоминать	0,00579‰	0,03948‰

4.2. Интерпретация данных.

В первую очередь, в приведенной выше таблице заметно различие в частотности употребления пары глаголов *сказать / говорить* в рамке прямой речи. В «Войне и мире» эти глаголы более чем в 8 раз чаще вводят реплики персонажей, чем в «Преступлении и наказании», и это ощутимое расхождение характеристик писательской манеры, проявленной авторами в данных романах. Также у Л.Н. Толстого в диалогической рамке чаще используется пара *ответить // отвечать*, но слова *спросить // спрашивать, проговорить, прибавить // прибавлять, продолжить, повторить // повторять* в этой позиции одинаково распространены. Ф.М. Достоевский активно использует слово *заметить*, и только в его романе фразы героев вводит глагол *произнести*.

Важное различие наблюдается в употреблении пары глаголов *крикнуть // кричать* (у Ф.М. Достоевского они вводят прямую речь в 4 раза чаще), и

вообще в использовании глаголов с внутренней эмоциональной квалификацией (*вскрикнуть // вскрикивать, пробормотать // бормотать, прошептать, закричать, подхватить*) – все они чаще вводят фразы героев в «Преступлении и наказании», а глагол *вскричать* вообще не обрамляет реплик у Л.Н. Толстого. Зато в «Анне Карениной» более распространены в обрамлении фраз слова *обратиться // обращаться, подтвердить // подтверждать, заговорить, выговорить // выговаривать* и *вспомнить // вспоминать*, а из слов с внутренней квалификацией – глагол *прокричать*.

Наши подсчеты проведены только по конкретным романам двух авторов и не могут быть экстраполированы на все их творчество, однако наблюдения по частотности отдельных глаголов, которые в исследовании М.В. Дюзенли были проанализированы по целому ряду романов (*заметить / замечать* у Достоевского и *ответить / отвечать* у Толстого [Дюзенли 2023: 202–203]) полностью совпадают, что позволяет предполагать, что охарактеризованные нами особенности введения реплик типичны для данных авторов. Дальнейшие исследования могут проверить и уточнить эту гипотезу.

Полный репертуар глаголов, вводящих прямую речь в романе «Преступление и наказание», составляет 183 глагола на 1776 реплик (произнесенных и мысленных), тогда как в «Анне Карениной» использованы всего 118 глагола, обрамляющих 3934 таких реплики (См. Приложение 1). Налицо большее разнообразие и более активное варьирование рамки прямой речи у Ф.М. Достоевского. Л.Н. Толстой же, как показал анализ, функционально разделяет введение прямой речи и трансляцию эмоций героев, их жестов и особенностей речи. У Ф.М. Достоевского рамка реплик чаще оказывается полифункциональной.

4.3. Переводческие стратегии интерпретации лексем, вводящих речь в переводах романов на китайский язык⁴³.

Русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям и являются языками разных типов. Русский, как язык синтетического строя, значительно отличается по своим формально-структурным характеристикам от аналитического китайского языка. Это предопределяет типологически значимые различия в лексике и становится одной из главных причин отсутствия полной эквивалентности в системах двух языков [Поливанов 1991, Иванов, Поливанов 2003, Рыбаков 2008 и др.]. Многие грамматические структуры русского языка также не имеют соответствий в китайском языке, что неизбежно вызывает множество проблем при переводе. Важной причиной трудностей, возникающих при интерпретации текста, становится и различие языковых картин мира у разных народов [Яковлева 1994, Радбиль 2012, Панков 2013 и др.].

Наше внимание привлекла стратегия перевода разнообразной лексики, вводящей прямую речь, с русского на китайский язык. То, как китайские переводчики пытаются создать адекватный перевод, следуя оригинальному тексту, стало предметом исследования, результаты которого отражены в этом параграфе. Сейчас вопрос интерпретации глаголов, вводящих речь – один из актуальных в переводоведении, потому что стилистические нормы языков в этом плане расходятся [Гак 1966: 129, Рецкер 2007: 133, Even-Zohar 1990, Гарбовский 2011, Уржа 2021: 243]. В исследовании А.В. Уржи на материале переводов с английского на русский язык было указано, что английский автор может много раз подряд использовать глагол *said* (*сказал*), а русские авторы и переводчики часто используют разные глаголы, чтобы избежать повтора [Уржа 2018а: 119]. То же явление появляется и в русском переводе В.А. Панасюком (1958 г.) романа Цао Сюэцинь «Сон в красном тереме», с целью

⁴³ Результаты исследования, представленные в данном параграфе, опубликованы автором диссертации в статье [Ван 2024а].

стилистической адаптации для перевода слова 道 (dao: говорить) используются разные семантические группы глаголов введения речи в русском языке.

При переводе же на английский язык русские глаголы *засмеялся* или *вздохнул*, вводящие прямую речь, нередко изымаются, поскольку текст выглядит неестественно [Even-Zohar 1990: 214].

Предметом нашего изучения стал вопрос о том, как работают с рамкой русской прямой речи китайские переводчики. Нам было необходимо выяснить, есть ли различия в подходе к интерпретации рамки русской прямой речи у разных переводчиков или при переводе текстов разных авторов.

Для анализа мы выбрали самые известные переводные версии романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого в Китае, одна из самых популярных версий «Преступления и наказания» (1999 г.) принадлежит переводчику Жу Луну (汝龙), считающемуся специалистом по переводу произведений А.П. Чехова, стиль переводчика отличается классической простотой. Другая (1982 г.) представляет совместный перевод Чжу Хайгуаня (朱海观) и Ван Вэня (王汶). Известные переводчики романа «Анна Каренина» — Цао Ин (草婴) (1982 г.) (он также первым перевел произведения М.А. Шолохова в Китае и привлек к его творчеству большое общественное внимание среди китайских читателей) и Юй Давэй (于大卫), версия которого (2019 г.) считается наиболее точным выражением художественного замысла и смысла оригинального текста Л.Н. Толстого.

Отметим, что лексика, выражающая общее значение говорения в китайском языке — это глагол 说 (shuo). В китайско-русском словаре под редакцией Г.Б. Дудченко глагол 说 имеет четыре значения:

- 1) говорить; рассказывать;
- 2) объяснять; растолковывать;
- 3) делать выговор; выговаривать;
- 4) упрекать; попрекать [Дудченко 2018: 373].

Кроме того, 说道 (shuo dao) является параллельным составным словом, которое часто используется в романах, чтобы напрямую передать речь персонажей. В словаре Дудченко это составное слово переводится как *сказать*. Использование при переводе речи героя лексемы 说着 (shuo zhe) указывает, что состояние речевой деятельности героя продолжается.

1.	«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского 1866	罪与罚 汝龙 (Жу Лун) 1999	罪与罚 朱海观 王汶 (Чжу Хайгуань и Ван Вэнь) 1982
1.1	-- Что ж вы стоите? Сядьте, -- проговорил он вдруг переменившимся, тихим и ласковым голосом.	“您怎么站着? 您坐呀。”他说, 可是声调骤然改变, 显得平静而亲切了。(сказал он, но его тон внезапно изменился, став спокойным и дружелюбным)	“您为什么站着? 坐下吧。”忽然他改变声调, 轻轻地、温柔地说。(вдруг он изменил тон и заговорил тихо и нежно.)
1.2	-- Не знаю, -- грустно произнесла Соня.	“我不知道。”索尼娅忧郁地说。(грустно сказала Соня)	“我不知道。”索尼娅凄然说。(грустно сказала Соня)
1.3	-- Я бы в вашей комнате по ночам боялся, -- угрюмо заметил он.	“换了是我, 住您这个房间里, 到了夜间会害怕。”他阴郁地说。(мрачно сказал он)	“要是我住在您的屋里, 夜里一定要害怕的。”他阴郁地说。(мрачно сказал он)
2.	«Анна Каренина» Л.Н. Толстого 1877	安娜·卡列尼娜 草婴 (Цао Ин) 1982	安娜·卡列尼娜 于大卫 (Юй Давэй) 2019
2.1	-- Брось меня, брось!-- выговаривала она между рыданиями.	“抛弃我, 抛弃我吧!”她边哭边说, (говорила она, плача)	“扔了我, 扔了我吧!”她一边抽泣一边说, (говорила она, рыдая)

В приведенных выше примерах в китайских версиях различные глаголы с общим значением «сказать» (*проговорить, произнести, заметить, выговаривать* и др.) были переведены с помощью одного китайского иероглифа 说. В китайском языке существует множество других глаголов, способных заменить этот глагол 说, например 说话 (shuohua: сказать – разговорная речь), 道 (dao: сказать – книжная речь), 讲 (jiang: рассказать), 话 (hua: разговаривать), 语 (yu: говорить, обсуждать, рассказывать), 曰 (yue:

сказать – устар. 孔子曰: Конфуций сказал), 叙 (xu: рассказывать), 讲述 (jiangshu: рассказывать – книжная речь) и др.

По всей видимости, тот факт, что глагол 说 встречается так часто, объясняется тем, что китайские переводчики привыкли использовать самую простую и нейтральную лексику, легкую для восприятия и привычную для читателей.

Однако нами отмечено, что в некоторых случаях переводчики меняют метод перевода глаголов со значением говорения в зависимости от контекста. Сравнивая приведенные ниже примеры, видно, что Цао Ин активнее использует более свободный метод перевода.

2.	«Анна Каренина» Л.Н. Толстого 1877	安娜·卡列尼娜 草婴 (Цао Ин) 1982	安娜·卡列尼娜 于大卫 (Юй Давэй) 2019
2.2	Иногда, когда мокрота душила его, он с досадой выговаривал : "А! черт!"	一会儿他被痰塞住了, 就怒气冲冲地 (яростно, гневно) 骂道 (ругал): “哼! 活见鬼!”	有时候, 一口痰把他憋住了, 他就气恼地 (сердито) 说 (говорил), “唉! 见鬼!”
2.3	-- Ах, это прелесть! Подай еще бутылку, -- сказал он лакею и начал рассказывать.	“嘿, 简直妙透了! 再来一瓶!” 他 吩咐 侍者(он распорядился лакею), 接着就讲起那个故事来。	“唉, 真是妙极了! 再拿一瓶来。” 他对侍者 说 (он сказал лакею), 接着便讲了起来。

В 2.2 Цао Ин перевел глагол *выговаривать* глаголом 骂道 (madao: ругать) с обозначением проявления эмоции, в 2.3 переводил глагол *сказать* в 吩咐 (fenfu: распорядиться), который больше подходит по контексту, а также имеет эмоциональную окраску, подчеркивающую высокий социальный статус говорящего.

Значение совершенного вида в китайском языке передается с помощью элемента ‘了 le’, значение несовершенного вида – с помощью элементов ‘在 zai, 着 zhe, 过 guo’⁴⁴. В китайском языке вспомогательное слово «了₁» или

⁴⁴ «了», «着» и «过» в китайском языке называются динамическими частицами, поскольку

частица «了₂» используется для обозначения того, что что-то было завершено или что-то произошло в прошлом [Гун 1991: 255], например:

他做完了₂ = Он закончил.

他说了₁一句很难听的话 = Он сказал что-то очень неприятное.

Видно из примеров 1.1–1.3, что временное значение глаголов и словосочетаний, вводящих речь, часто скрыто при переводе или игнорируется в процессе перевода, так как соответствующие показатели не использованы. В «Преступлении и наказании» теряется стилистическая функция употребления настоящего исторического времени (*кричит, кричат*) в главе 5 части первой (в сцене избиения лошади во сне Раскольникова), так как переводчики не передают разницу между настоящим и прошедшим временем оригинала.

Широкое использование «说» и «道» отражается и в том, что в литературных произведениях переводчики добавляют эти слова при переводе таких глаголов, как *продолжать, ответить, прошептать, добавить* и т.д. В примере 1.4 回答 (*huida: отвечать*), в соединении с 说, стало двойной глагольной фразой 回答说, в этом случае речевая деятельность два раза подчеркивается. 道 позволяет избежать чрезмерного повторения 说 и сделать предложения более плавными: 回答道.

1.	«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского 1866	罪与罚 汝龙 (Жу Лун) 1999	罪与罚 朱海观 王汶 (Чжу Хайгуань и Ван Вэнь) 1982
1.4	-- Хозяева очень хорошие, очень ласковые, -- отвечала Соня,	“房东家都是好人, 待人很亲切,” 索尼雅回答说, (двойная глагольная фраза)	“房东家的人都挺好的, 很和气,” 索尼娅回答说, (двойная глагольная фраза)
1.5	-- Я его точно сегодня видела, -- прошептала она нерешительно.	“我今天好像看见他了。”她迟疑地小声说 (нерешительно и тихо сказала)。	“我今天好像看见他了。”她踌躇不决(идиома)地小声说 (нерешительно и тихо сказала)。

1.6	-- Ее? Да ка-а-ак же! -- протянула Соня жалобно и с страданием сложив вдруг руки.	“爱她? 那还用说!” 索尼雅凄凉地 (отчаянно)拖长声音说 (говорила протяжно),	“她? 当—然爱!” 索尼娅 凄婉地(отчаянно)拖长声音 说 (говорила протяжно),
1.7	-- Да я, я! Я пришла тогда, -- продолжала она плача,	“对, 我就是狠心, 我 就是狠心! 那一天我回 去,” 她哭着说下去, (‘V+下去’ указывает на то, что статус действия уже существует и будет продолжаться дальше)	“我, 就是我! 那一天我去 看他们,” 她哭泣着继续说 道, (двойная глагольная фраза)

‘Наречие+ 地 +v’ – это распространенный метод перевода. ‘地: dī’ используется как знак наречия, соединяющий наречия и глаголы, иногда его можно опустить. Поскольку некоторые русские глаголы имеют характерное значение звуковых или эмоциональных особенностей речи, эти характеристики переводятся в китайских версиях в наречия, модифицирующие глагол 说, ср. 1.5, 1.6, 1.10–1.14. При этом, как видно из примеров, приведенных ниже, переводчики иногда по-разному понимают оригинал:

1.	«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского 1866	罪与罚 汝龙 (Жу Лун) 1999	罪与罚 朱海观 王汶 (Чжу Хайгуань и Ван Вэнь) 1982
1.10	-- Я предполагал и рассчитывал, -- замямлил он,	“我本来揣测,” 他含糊不清地 (двусмысленно) 说,	“我以为, 我估计,” 他吞吞吐吐地 (неразборчиво, туманно) 说,
1.11	-- Н-нет, -- проямлил Зосимов,	“不会的,” 左西莫夫无精打采地 (с прохладой) 说,	“不——不会的,” 佐西莫夫懒洋洋地 (лениво, томно) 说
1.12	-- Вы, впрочем, не конфузьтесь, -- брякнул тот,	“不过, 您别发窘,” 拉祖米欣愣头愣脑地 (безрассудно) 说,	“不过, 您也不必感到难堪,” 拉祖米欣贸然 (необдуманно) 说道,
1.13	-- Однако ж, Пульхерия Александровна, -- горячился в бешенстве Лужин,	“可是, 普尔赫莉雅·亚历山大罗芙娜,” 卢仁怒火中烧 (пламя гнева жжет внутри), 发脾气 (раздражался) 说,	“但是, 普莉赫丽娅·亚历山大罗夫娜,” 卢仁发狂似地 (безумно) 咆哮起来 (ревел),

1.14	"Хорошо ли? Естественно ли? Не преувеличил ли? -- трепетал про себя Раскольников.	“这样做好吗? 自然吗? 没有做得过分吗?” 拉斯柯尔尼科夫 提心吊胆地 (с замиранием сердца) 暗想 (думал про себя)。	“这样做好吗? 自然吗? 是不是做得过火了?” 拉斯柯尔尼科夫 心惊肉跳地 (трепетал в предчувствии беды; со страхом) 暗自想道 (думал про себя),
1.15	-- Послушай, послушай, послушай, ведь это серьезно, ведь это... Что ж это после этого, черт! -- сбился окончательно Разумихин, холодея от ужаса.	你听我说, 你听我说, 你听我说, 这可就太严重了, 这可就……你说了这个还了得, 魔鬼!” 拉祖米欣 茫然失措 (был в полной растерянности), 吓得周身发凉。	“听着, 听着, 你听我说, 这可是件严肃的事, 这可不是……你要是说出去, 这成何体统, 见鬼!” 拉祖米欣完全 语无伦次了 (говорил нелогично, сбивчиво, несвязно), 吓得浑身发冷,

Именно наречия становятся распространенным средством передачи внутренней и внешней квалификации действия при переводе романа «Преступление и наказание». В оригинальном тексте романа такие наречия также используются, поэтому превращение глагола из речевой рамки, называющего эмоцию или ее проявление, в сочетание нейтрального глагола с наречием, называющем такую эмоцию, позволяет передать смысл текста в соответствии с повествовательной нормой китайского языка.

Заслуживают внимания специфические приемы перевода на китайский язык рамки прямой речи с помощью идиоматических выражений в двух версиях «Преступления и наказания». Переводчики используют различные идиомы для перевода глаголов введения речи, такие как:

怒火中烧 (nuhuozhongshao: дословный перевод – «пламя гнева жжет внутри») описывает человека, душа которого пылает гневом;

吞吞吐吐 (tuntuntutu: мяться в разговоре, дословный перевод – поглощать и извергать);

提心吊胆 (tixindiaodan букв. «сердце поднялось, а желчный пузырь повис») образно обозначает ‘перепугаться, удариться в панику’;

心惊肉跳 (xinjingrou tiaojiao: букв. «на душе тревога, плоть трепещет») передает значение ‘не находить себе места, трепетать в предчувствии беды’;

茫然失措 (mangran shicuo: быть в полной растерянности, ничего не понимать);

语无伦次 (yuwulunci: из пятого в десятое говорить, говорить нелогично) и др., модифицирующие глаголы.

含糊不清 (hanhu buqing: сквозь зубы);

无精打采 (wujing daci: не в духе, с прохладой);

愣头愣脑 (lengtou lengnao: ослепелый, нескладный) описывает безрассудные слова и поступки;

С помощью идиом можно переводить не только личные формы глаголов, но и причастия, деепричастия и наречия. Идиома — очень распространенный метод перевода слова или выражения иностранного языка на китайский, они являются одной из главных особенностей традиционной китайской культуры с фиксированными структурными формами. Существует более 50 тысяч идиом в китайском языке, 96% из них состоят из четырех иероглифов, что позволяет сделать текст аккуратным и ритмичным. Идиомы лаконичны по выражению, глубоки по смыслу и богаты коннотациями, имеют яркую стилистическую окраску, нередко основаны на метафорах. Видно, что идиома является средством для раскрытия характера персонажей, для возбуждения воображения читателя, которое должно создаться посредством визуальных ассоциаций. В рамке прямой речи идиомы используются для выражения эмоциональных состояний и речевых актов. Использование этих колоритных слов может побуждать читателя наглядно представить себе сцены из романа.

По сравнению с переводами романа «Преступление и наказание» в двух переводах «Анны Карениной» идиом меньше, в большинстве случаев авторы используют дословный перевод, это связано с тем, что в оригинальном русском тексте Л.Н. Толстого используется большое количество глаголов без эмоциональных компонентов значения. Несмотря на это, Цао Ин использовал

больше идиом (滔滔不绝 taotaobujue, 异口同声 yikoutongsheng, 恍然大悟 huangrandawu и др.), чем Юй Давэй, тем самым достигая более колоритного перевода.

2.	«Анна Каренина» Л.Н. Толстого 1877	安娜·卡列尼娜 草婴 (Цао Ин) 1982	安娜·卡列尼娜 于大卫 (Юй Давэй) 2019
2.4	-- начал он длинное, горячее объяснение.	他热烈地 (горячо) 滔滔 不绝 (беспрерывно, непрерывным потоком) 谈起来 (разговаривал)。	他开始了冗长、热心的 解释。(буквальный перевод)
2.5	И, вопросом о содержании картины наведенный на одну из самых любимых тем своих, Голенищем начал излагать:	话题一转到高列尼歇夫最 喜爱的绘画上, 他就滔滔 不绝地(беспрерывно, непрерывным потоком) 议论起来 (излагал):	就这样, 由画作内容问 题引到自己最喜爱的一个 话题上, 戈列尼谢夫 阐述开了: (буквальный перевод)
2.6	-- Ах, какая прелесть, что за прелесть! Чудо! Какая прелесть! -- заговорили они в один голос.	“啊, 真美呀, 太美啦! 真是奇迹! 太美啦!” 他 们异口同声地 (идиома: бук. из разных уст одна и та же весть) 说。	噢, 简直太美了, 多么 美啊! 妙不可言! 简直 太美了!” 他们同声说 道。(буквальный перевод)
2.7	"Да ведь он не получил ее", -- вспомнила она.	“原来他并没有接到字 条。”她恍然大悟 (внезапно поняла)。	“就是说他没收到。”她 回想。(буквальный перевод)

Если в исходном русском тексте глагол используется неоднократно, во избежание повторения и достижения стилистического эффекта при переводе его можно перевести другим глаголом, ср. 1.16 и 1.17.

1.	«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского 1866	罪与罚 汝龙 (Жу Лун) 1999	罪与罚 朱海观 王汶 (Чжу Хайгуань и Ван Вэнь) 1982
1.16	-- Ну, да хочешь я тебе сейчас <i>выведу</i> , -- заревел он,	“好, 要是你高兴, ” 他 吼道 (заревел),	“好, 如果你愿意的 话, 我可以立刻向你证 明, ” 他咆哮说 (рыкнул),
1.17	-- Да у тебя белая горячка, что ль! --	“莫非你犯了酒狂病!” 拉祖米欣终于气得发狂,	“你发酒狂症了还是怎 么着?” 拉祖米欣终于

	заревел взбесившийся наконец Разумихин.	大声 (громко) 嚷道 (крикнул)。	气得 (от злости) 吼叫 起来 (заревел),
--	--	------------------------------	------------------------------------

В китайском языке глаголы 叫 (jiao: кричать), 喊 (han: кричать, выкрикивать), 嚷 (rang: кричать, шуметь), 吼 (hou: рычать), 吼叫 (houjiao: кричать, звать), 尖叫 (jianjiao: взвизгнуть), 嚎叫 (haojiao: вопить), 吆喝 (yaohe: кричать, орать), 咆哮 (paoxiao: рычать), 怒吼 (nuhou: реветь) и т.д. обозначают крик с эмоциональным компонентом. Переводчики использовали разные варианты при переводе всех русских глаголов со значением крика, соответствующие степени громкости и характеру проявления эмоции.

‘起来: qilai’ и ‘下去: xiaqu’ во многих примерах фигурирует как вспомогательное слово, присоединенное к последней части сказуемого, ‘V+起来’ обозначает начало, продолжение и завершение действия или состояния, а ‘V+下去’ указывает на то, что статус действия уже существует и будет продолжаться дальше, например 说下去 в 1.7. Все их временные значения указывают на тенденцию или продолжение состояния.

1.	«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского 1866	罪与罚 汝龙 (Жу Лун) 1999	罪与罚 朱海观 王汶 (Чжу Хайгуань и Ван Вэнь) 1982
1.18	-- Да зачем же стулья-то ломать, господа, казне ведь убыток! -- весело закричал Порфирий Петрович.	“诸位先生, 为什么捣毁椅子? 这可是让公家遭到损失啊!” 波尔菲利·彼得罗维奇快活地 叫道 (весело закричал)。	“先生们, 干吗要毁坏椅子呀? 要知道, 这给国库造成了损失!” 波尔费利喜笑颜开地 (идиома: букв. от радости лицо расплылось в улыбке) 喊道 (закричал)。
2.	«Анна Каренина» Л.Н. Толстого 1877	安娜·卡列尼娜 草婴 (Цао Ин) 1982	安娜·卡列尼娜 于大卫 (Юй Давэй) 2019
2.8	-- Нет! -- вскрикнула она, увидав его, и при первом звуке ее голоса слезы вступили ей в глаза,	“不!”她一看见他就 叫起来 , 同时眼泪夺眶而出。	“不行!”她看见他便 喊了起来 , 刚一出声泪水就涌上她的眼眶,

2.9	-- Это хуже жестокости, это подлость, если уже вы хотите знать! -- со взрывом злобы вскрикнула Анна и,	“这比残酷还要坏, 老实对您说, 这是卑鄙!”安娜怒不可遏 (Анна была в неудержимой ярости), 大声嚷道 (громко крикнула)。	这比残酷更坏, 这是卑鄙, 要是您想知道的话!”随着愤怒的爆发, 安娜 喊 了一声, (В порыве гнева Анна крикнула)
2.10	-- Кха! Мха! А, черт! Что возишься, что ты не спишь? -- окликнул его голос брата.	咳! 咳! 哎, 活见鬼! 你怎么跑来跑去不睡觉哇?”哥哥对他 吆喝 道。 (кричал брат на него)	“咳! 咳! 啊, 见鬼! 你这是倒腾什么, 为什么不睡觉?”哥哥的声音在 叫 他。 (звал его голос брата)

低声说 (dishengshuo), 小声说 (xiaoshengshuo) – это прямой перевод глаголов с семой «говорить шепотом» (*пробормотать, прошептать и т.д.*), при переводе также используются следующие китайские глаголы: 低语 (diyu), 低喃 (dinan), 嘟囔 (dunang), 嘟哝 (dunong), 咕哝 (gunong), 嘀咕 (digu), 哼唧 (hengji).

Сравнивая множество примеров, мы можем почувствовать, что у переводчиков есть свой уникальный стиль. В 1.20–1.22 Чжу Хайгуань и Ван Вэнь изменили традиционный метод перевода и перевели русские глаголы речевого действия с проявлением эмоции на китайские эмоциональные глаголы, заменив ими традиционную модель ‘наречие+地+v’ или модель двойных глаголов, и отразив свою интерпретацию ситуации. Ср.:

1.	«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского 1866	罪与罚 汝龙 (Жу Лун) 1999	罪与罚 朱海观 王汶 (Чжу Хайгуань и Ван Вэнь) 1982
1.19	-- Покойник муж, действительно, имел эту слабость, и это всем известно, -- так и вцепилась вдруг в него Катерина Ивановна,	“我故去的丈夫确实有这种弱点, 这大家都知道,” 卡捷琳娜·伊凡诺芙娜忽然 向他开火了 (вдруг выстрелила в него),	“我的亡夫确实有这个弱点, 这是大家知道的,” 卡捷琳娜·伊凡诺芙娜忽然 抓住了他的话柄 (уловила его слова),
1.20	-- Да и так же, -- усмехнулся Раскольников,	“这又怎么样呢,” 拉斯柯尔尼科夫 笑笑 (усмехнулся) 说 (сказал),	“就这样办嘛,” 拉斯柯尔尼科夫 冷 (холодно) 笑 了一下 (усмехнулся),

1.21	-- Стало быть, я и тут виноват! -- обиделся Лужин.	“那么，这就要怪我不对 咯?! ” 卢仁 恼气地说 (сказал сердито)。	那么这又是我错啦，” 卢仁生气了(сердился)。
1.22	-- Да как же мог ты выйти, коли не в бреду? -- разгорячился вдруг Разумихин.	“要不是神志昏迷，那你怎么会走出去?” 拉祖米欣忽然 发脾气 (раздражился) 说 (сказал)。	“要不是你神志不清，你怎么能跑出去呢?” 拉祖米欣忽然 激动起来 (разгорячился)，
2.	«Анна Каренина» Л.Н. Толстого 1877	安娜·卡列尼娜 草婴 (Цао Ин) 1982	安娜·卡列尼娜 于大卫 (Юй Давэй) 2019
2.11	-- Я тебе сказал не выпускать! -- крикнул он сторожу.	“我对你说过不要放任何人出去!” 他 斥责 (отругал) 看门人。	“我告诉过你，不要放人出去!” 他朝守门人 喊道 (крикнул)。

В приведенных выше примерах переводчики не ограничивались оригинальным русским текстом и применили вольный метод перевода, чтобы придать образам героев более насыщенные эмоциональные краски. Например, в 1.19 Жу Лун перевел *вцепилась в него* как 向他开火了 (выстрелил в него), *разгорячился* как 发脾气说 (раздражился и сказал), в 1.20 Чжу Хайгуань и Ван Вэнь добавили наречие 冷 (холодно), а также в 2.11 Цао Ин перевел *крикнул* как 斥责 (отругал) и в 2.5 добавил семантику (滔滔不绝: непрерывно, непрерывным потоком), следовательно, переводчики добавили лексемы, передающие эмоции героев.

Таким образом, в китайских переводах романа Ф.М. Достоевского часть глаголов, обозначающих проявление эмоции в речи, переведена с помощью модели ‘наречие + соединяющий элемент + глагол *сказал*’ или двойной глагольной формы типа ‘*ответил* + *сказал*’, но есть и другие переводческие решения, передающие внутреннюю (эмоциональную) или внешнюю (оценочную) квалификацию речи с помощью китайских идиом с яркой эмоциональной и стилистической окраской.

В двух переводах романа «Преступление и наказание» китайские фразеологизмы в рамке прямой речи использованы чаще, чем в переводах

«Анны Карениной». Это обусловлено тем, что Достоевский использует в этой позиции больше глаголов, называющих эмоции и их проявления. В переводах романа «Анна Каренина» преобладает более прямой перевод, особенно в версии Юй Давэи. Конструкции Л.Н. Толстого, где глагол *сказал* в рамке речи определяется и распространяется наречием, существительным или сопровождается развернутым пояснением в виде предложения, не требуют от переводчиков отступлений от традиционных способов перевода.

Переводчики следуют общим правилам китайской грамматики, но используют и свои особые приемы. Специфика переводов заключается в том, что Чжу Хайгуань и Ван Вэнь перевели больше русских глаголов, называющих эмоции или их проявления, с помощью китайских эмоциональных глаголов, а не традиционной модели «наречие + соединяющий элемент + v» или двойного глагола.

Кроме того, мы также можем видеть признаки вольного творческого перевода, особенно в версии Цао Ина, который добавляет сильную эмоциональную окраску в описание речевых действий или состояний героев и делает персонажей более яркими.

Сопоставление переводов романов «Преступление и наказание» и «Анна Каренина» на китайский язык позволяет рассмотреть манеру введения прямой речи у обоих писателей «в зеркале» перевода, увидеть, что ее различие создает больше (при переводе романа Ф.М. Достоевского) или меньше (при переводе романа Л.Н. Толстого) трудностей при переводе речевой рамки и порой побуждает переводчиков к разным решениям.

Выводы по четвертой главе

1. Количественный и частотный анализ использования глаголов введения прямой речи в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Л.Н. Толстого «Анна Каренина» позволил сделать вывод о заметных различиях в частотности употребления пары глаголов *сказать* /

говорить. У Л.Н. Толстого эти глаголы более чем в 8 раз чаще вводят реплики персонажей, что демонстрирует ощутимое расхождение характеристик писательской манеры двух авторов в выбранных произведениях.

2. У Ф.М. Достоевского пара эмоционально окрашенных глаголов *крикнуть* // *кричать* вводит прямую речь в 4 раза чаще, чем в романе Л.Н. Толстого. Использование глаголов с внутренней эмоциональной квалификацией (*вскрикнуть* // *вскрикивать*, *пробормотать* // *бормотать*, *прошептать*, *закричать*, *подхватить*) чаще наблюдается при введении речи героев романа «Преступление и наказание». В романе «Анна Каренина» более распространены в обрамлении фраз слова *обратиться* // *обращаться*, *подтвердить* // *подтверждать*, *заговорить*, *выговорить* // *выговаривать* и *вспомнить* // *вспоминать*, а из слов с внутренней квалификацией – глагол *прокричать*.

3. Л.Н. Толстой в своем романе функционально разделяет введение прямой речи и трансляцию эмоций героев, их жестов и особенностей речи, а у Ф.М. Достоевского рамка реплик чаще оказывается полифункциональной: она и вводит речь героя, и отражает его эмоции, указывает на особенности его поведения и настроение.

4. Сопоставление переводов романов «Преступление и наказание» и «Анна Каренина» на китайский язык позволяет рассмотреть авторскую манеру введения прямой речи в двух текстах «в зеркале» перевода. Были проанализированы два перевода романа «Преступление и наказание»: версия 1999 г. переводчика Жу Луну (汝龙) и совместный перевод 1982 г. Чжу Хайгуаня (朱海观) и Ван Вэня (王汶). Для анализа переводов романа «Анна Каренина» мы использовали перевод Цао Ин (草婴) 1982 г. и Юй Давэй (于大卫), 2019 г.

5. Выявлено, что различия в манере введения прямой речи в двух произведениях создают больше трудностей для китайских переводчиков при работе с романом Ф.М. Достоевского и меньше – при работе с романом

Л.Н. Толстого, где чаще становится возможным использовать прямой перевод по модели 'наречие + соединяющий элемент + глагол *сказал*'. Особенности употребления глаголов речевой рамки в китайском языке (по вышеуказанной модели или с двойной глагольной формой типа '*ответил* + *сказал*') и невозможность прямого перевода порой побуждают переводчиков прибегать к вольному переводу, введению идиом и другим решениям, таким как использование китайских глаголов, называющих эмоции.

Заключение

В книге «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтин писал: «Стилистическая обработка объектного слова, то есть слова героя, подчиняется как высшей и последней инстанции стилистическим заданиям авторского контекста, объектным моментом которого оно является. Отсюда возникает ряд стилистических проблем, связанных с введением и органическим включением прямой речи героя в авторский контекст» [Бахтин 2002: 210]. Таким контекстом для романов Ф.М. Достоевского, с точки зрения ученого, является диалог: «Изобразить внутреннего человека, как его понимал Достоевский, можно, лишь изображая общение его с другим». О введении речи персонажей в романах Л.Н. Толстого М.М. Бахтин пишет следующее: «Мир Толстого монолитно монологичен; слово героя заключено в твердую оправу авторских слов о нем. В оболочке чужого (авторского) слова дано и последнее слово героя; самосознание героя – только момент его твердого образа» [Бахтин 2002: 66].

Результаты проведенного нами исследования, обращенного к семантике, прагматике и стилистическим особенностям языковых средств, с помощью которых в романах Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого вводится прямая речь, дают нам возможность по-новому посмотреть на широко известные характеристики великих русских романов (в том числе на приведенные постулаты М.М. Бахтина), с использованием новых средств количественной интерпретации материала, традиционного лингвостилистического анализа, а также сопоставительного изучения (в зеркале переводов).

Необходимость работы с материалом объемных текстов «Преступления и наказания» и «Анны Карениной» с большим количеством разнообразных средств, обрамляющих прямую речь, позволила нам критически рассмотреть существующие классификации таких средств и доработать их с учетом целей анализа выбранных романов.

Применение классификации глаголов, существительных и идиом, включающей не только семантические основания (обозначение звучащей речи, невысказанной мысли, иллокуции, жеста, эмоции), но и функционально-прагматические характеристики (выражение внутренней или внешней квалификации речи), позволило нам выявить репертуар средств, обрамляющих диалоги и монологи, и изучить их роль в построении субъектной перспективы текстов.

Анализ показал, что рамка прямой речи в романе «Преступление и наказание» более вариативна из-за своей полифункциональности. У Ф.М. Достоевского слова, вводящие прямую речь, одновременно транслируют эмоциональное состояние героев, а порой и внешнюю оценку их речевой манеры. Действительно, как и отмечал М.М. Бахтин, изображение «внутреннего человека» осуществляется в ходе диалога героя с другими персонажами или с самим собой, при этом не только его речь, но и непосредственная рамка речи нагружена большим количеством смыслов, эмоциональным напряжением, а порой и оценочными коннотациями. Глагол, существительное или глагольно-именное сочетание, вводящее реплику, называют чувства героя и особенности звукового проявления этого чувства, обозначают цель высказывания или описывают жест говорящего. Рамки диалогов и монологов вносят значительный вклад в создание атмосферы конфликта, отчаяния, страха, оформляя все кульминационные сцены в романе. Группа средств, представляющих внутреннюю квалификацию речи, сформирована в «Преступлении и наказании» не только частотными глаголами типа *крикнуть*, *вскричать*, *воскликнуть*, но и словами *крик*, *вопл*, *восклицанье*, а также словом *голос* в сочетаниях с теми же глаголами. В результате эмотивная плотность диалогической рамки оказывается повышенной, а сама рамка не становится монотонной.

При этом зачастую речевые действия героя оцениваются субъективно – это происходит потому, что мы «слышим» его и наблюдаем за ним с позиции другого героя – собеседника или присутствующего. Многообразие средств с

внешней квалификацией прямой речи (*брякнуть, вцепиться, закудахтать* и др.), обрамляющих реплики разных героев «Преступления и наказания», демонстрирует особый прием. Принято считать, что у Достоевского автор как бы «не вмешивается» в действие, не комментирует его со своей позиции, однако рамки реплик героев нередко демонстрируют пристрастное к ним отношение: так создатель текста позволяет читателю посмотреть на героя глазами других участников действия, почувствовать отношение Сони к Раскольникову, Раскольникова к Порфирию Петровичу или Мармеладову.

В романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» средства, вводящие прямую речь героев, функционируют совсем иначе. Это объясняет и особенности репертуара таких средств, и их иное частотное распределение. Полученные нами результаты распространяют и дополняют наблюдения, высказанные в свое время Л.Я. Гинзбург. Рассмотрим фрагмент из ее монографии «О психологической прозе»:

«Для Толстого реплика — это еще сырой материал; только объясняющее авторское сопровождение оформляет ее смысл, часто изменяет этот смысл, переключая реплику в другой, скрытый контекст. После скачек, после того, как Анна выдала себя отчаянием при виде падения Вронского, Каренины садятся в карету. «Он видел, что она вела себя неприлично, и считал своим долгом сказать ей это. Но ему очень трудно было не сказать более, а сказать только это. Он открыл рот, чтобы сказать ей, как она неприлично вела себя, но невольно сказал совершенно другое. — Как, однако, мы все склонны к этим жестоким зрелищам, — сказал он. — Я замечаю... — Что? Я не понимаю, — презрительно сказала Анна. Он оскорбился и тотчас же начал говорить то, что хотел. — Я должен сказать вам... — проговорил он. «Вот оно, объяснение», — подумала она, и ей стало страшно». Авторский анализ изменяет значение произносимых слов, сверяя их с ходом мысли, чувства, внутренней речи; и бессодержательная как будто реплика Анны («Что? Я не понимаю...») развязывает страшное, ломающее жизнь объяснение, которое без нее могло бы на этот раз не состояться.

Толстовский диалог протекает при самом высоком напряжении психологического контроля, отдающего отчет читателю в каждом слове персонажа» [Гинзбург 1977: 357].

Действительно, Л.Н. Толстой функционально разделяет рамку прямой речи и трансляцию эмоций героев, их жестов и особенностей речи. В процитированном исследовательницей фрагменте романа фразы персонажей вводятся эмоционально, оценочно и стилистически нейтральными глаголами *сказать*, *проговорить* и *подумать*. Все эмоции героев выражены в сопутствующих элементах конструкции или в отдельных фразах (*неволью* *сказал*, *презрительно сказала*, *он оскорбился*, *ей стало страшно* и т.д.), причем некоторые психологические состояния настолько сложны, что требуют отдельных развернутых характеристик, помещенных между репликами. Все эти комментарии принадлежат всеведущему повествователю, благодаря проявлению позиции которого читатели проникают в сознание героев, смотрят на них под заданным углом зрения. Интересно, что, несмотря на расхожие утверждения о морализаторстве Л.Н. Толстого (высказанные, например, в работах Л. Шестова [Шестов 1900]), мы видим, что слов с оценочными семами или коннотациями, с внешней квалификацией речи в рамке реплик у него практически нет. Формированию, развитию и проявлению чувства, восприятию реплики, оценке или самооценке героя уделяется отдельное внимание — и для этого есть специальный контекст, взаимодействующий с рамкой прямой речи, но не совпадающий с ней.

Это объясняет тот факт, что в романе «Анна Каренина» пара глаголов *сказать* // *говорить*, вводит более половины конструкций с прямой речью персонажей. Другие частотные глаголы и существительные также представляют номинации речевых действий без эмоциональной окраски: *ответить*, *подумать*, *спросить*, *прибавить*, *обратиться*, *слова*, *фраза*, *речь*, *вопрос* и т.п. Глаголы с внутренней квалификацией речи (*вскрикнуть*) гораздо менее частотны, чем у Ф.М. Достоевского, а номинации эмоций и жестов вводят прямую речь редко, но присутствуют в расширенном контексте

реплики, будучи оформлены в виде личных форм глагола, деепричастий, синтаксем с существительными, соединенных с глаголом речи (*сказал с улыбкой / улыбаясь*). Л.Н. Толстой в «Анне Карениной» функционально разделяет введение прямой речи и трансляцию эмоций героев, их жестов и особенностей речи.

Стилистическая палитра глаголов, вводящих речь в романе «Преступление и наказание», весьма обширна. Мы встречаем и такие архаичные номинации, как *возглаголать* и *возопить*, и книжный глагол *вскричать*, и разговорные *завопить*, *захихикать*, и просторечные слова *брякнуть*, *промямлить*. В романе «Анна Каренина» глаголы, вводящие прямую речь, также разнообразны, но в меньшей степени. Мы встречаем однократно употребленные книжные глаголы *провозгласить* или *присовокупить*, а также глаголы разговорного стиля: *замычать*, *рявкнуть*, которые вводят реплики либо в контекстах, представляющих проявление эмоций персонажей, либо во фрагментах, оформляющих речь в речи. Подавляющее большинство глаголов в рамке реплик – стилистически нейтральные.

Изучение грамматических характеристик глаголов, вводящих речь, позволило сделать вывод о том, что в обоих романах они употребляются в основном в личных формах. Причастия и деепричастия, вводящие реплики, единичны. В структурах введения прямой речи глаголы говорения в романе появляются преимущественно в форме прошедшего времени совершенного вида. В романе «Преступление и наказание» выявлено 17 пар глаголов введения прямой речи в обоих видах. Всего 166 глаголов встречаются только в одном виде, 45 использованы в несовершенном виде и 121 — в совершенном. В романе «Анна Каренина» 16 пар глаголов вводят реплики в обоих видах, 102 глагол встречается только в одном виде, 28 использованы в форме несовершенного вида и 74 — в форме совершенного.

Когда герои цитируют реплики других персонажей, рамки типа *говорит*, *отвечает* оформляются в настоящем историческом, что придает речи

разговорный оттенок, это в большей степени характерно для романа Ф.М. Достоевского. Кроме того, в нем есть сцена избиения лошади во сне Раскольникова, где реплики злобной толпы оформлены в настоящем времени, что производит сильный эффект. Диалогическая рамка может отсутствовать во фрагментах, представляющих краткий обмен фразами между героями, которые хорошо известны из контекста или, напротив, не требуют конкретизации. В таких фрагментах внимание читателя привлечено непосредственно к репликам, он как бы погружается в описываемую ситуацию. Однако у обоих авторов опущение рамки диалога не является распространенным приемом.

Наши подсчеты проведены только по конкретным романам двух авторов и не могут быть экстраполированы на все их творчество, однако наблюдения по частотности отдельных глаголов, которые были проанализированы по целому ряду романов ([Дюзенли 2023: 202–203]) полностью совпадают, что позволяет предполагать, что охарактеризованные нами особенности введения реплик типичны для данных авторов. Дальнейшие исследования могут проверить и уточнить эту гипотезу.

Составление специальных диаграмм с распределением частотных глаголов, вводящих речь ключевых героев «Преступления и наказания» и «Анны Карениной», позволило продемонстрировать, как с помощью языковых средств в представлении читателя формируются некоторые устойчивые характеристики героев. В большей степени этот прием задействован Ф.М. Достоевским: фразы Раскольникова, Разумихина, Сони, Катерины Ивановны вводятся разным набором частотных глаголов, для каждого героя автором подобрана своя «палитра» средств. Реплики же героев «Анны Карениной» обрамлены более схожими по составу наборами глаголов, хотя и здесь есть различия между репертуаром средств, вводящих, например, прямую речь Левина и Каренина.

Существительные, глагольно-именные сочетания и идиомы в гораздо меньшей степени привлекаются Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым для

введения прямой речи, однако семантический состав и прагматические характеристики этих средств в обоих романах соответствуют составу использованных глаголов (в «Преступлении и наказании» это преимущественно слова, дающие внутреннюю, эмоциональную квалификацию реплик, а в «Анне Карениной» это нейтральные номинации речевых действий).

В изученных нами современных китайских переводах романа Ф.М. Достоевского часть глаголов, обозначающих проявление эмоции в речи, переведена с помощью модели 'наречие + соединяющий элемент + глагол *сказал*' или двойной глагольной формы типа '*ответил + сказал*', поскольку этот прием типичен для китайских текстов. Но есть и другие переводческие решения, передающие внутреннюю (эмоциональную) или внешнюю (оценочную) квалификацию речи с помощью китайских идиом с яркой эмоциональной и стилистической окраской (особенно в варианте Чжу Хайгуань и Ван Вэнь 1982 года).

По сравнению с переводами романа «Преступление и наказание» в двух переводах «Анны Карениной» идиом меньше, в большинстве случаев переводчики используют дословный перевод, это связано с тем, что в оригинальном русском тексте Л.Н. Толстого используется большое количество глаголов без эмоциональных компонентов значения. Однако нами были зафиксированы и случаи вольного перевода, когда в китайской интерпретации в рамку прямой речи были введены глаголы, называющие эмоции или их проявление (в версии Цао Ин 1982 года).

Проведенное нами исследование вводящих прямую речь русских лексем и сочетаний с различной семантикой, проведенное с опорой на разработанную классификацию, может быть продолжено на материале других произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других писателей. Оно поможет описывать функции языковых средств, вводящих речь, при формировании перспективы текстов, представлять специфику авторской манеры включения реплик, оформления диалогов, монологов и рассуждений героев, а также

изучать особенности трансляции операторов ввода прямой речи и воссоздания образов говорящих героев в переводах произведений русской литературы на другие языки мира.

Библиография

I. Статьи и монографии

1. Алексеев 1937 — Алексеев А.В. Прямая и косвенная речь в современном русском литературном языке. // Русский язык в школе, 1937. — № 1-4,6. — №4. С. 30–47.
2. Андрамонова 1991 — Андрамонова Н. А. Синтаксические особенности внутренней речи произведений Л.Н. Толстого // Толстой и проблемы современной филологии. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991. С. 48–55.
3. Андреева 2015 — Андреева Е.Г. Сопоставительный анализ семантических классов глаголов, вводящих прямую речь (английский и русский языки) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Вып. 1. С. 362–373.
4. Арутюнова 1990 — Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
5. Арутюнова 1998 — Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
6. Артюшков 2004 — Артюшков И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе. Дисс. ... доктора филологических наук. М., 2004. 511 с.
7. Бабаев 1978 — Бабаев Э.Г. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1978. 160 с.
8. Бабенко 1999 — Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
9. Бабенко 2005 — Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник. Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
10. Баранов, Добровольский 2019 — Баранов А.Н., Добровольский Д.О.

- Дискурсивные слова в корпусном измерении: 'одним словом' у Достоевского и его современников // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 18 (25). М.: РГГУ, 2019. С. 41–52.
11. Баранов, Добровольский 2021 — Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Об одном подходе к количественной оценке идиоматичности текста как характеристике авторского стиля // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 20 (27). М.: РГГУ, 2021. С. 58–67.
12. Бахтин 1963 — Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963. 363 с.
13. Бахтин 1975 — Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по истор. поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
14. Бахтин 1986 — Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
15. Бахтин 2002 — Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 800 с.
16. Бессонова 2011 — Бессонова Ю.А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. №1 (8). С. 33–37.
17. Боронин 2004 — Боронин А.А. Информативный потенциал авторских вводов конструкций прямой речи (на материале романов Дж. Голсуорси): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 178 с.
18. Бурыкин 2018 — Бурыкин А.А. Из опыта изучения парадигматики фразеологических единиц русского языка (вставить свои пять копеек) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. №4. С. 5–14.
19. Ван 2024а — Ван Цяо. Переводческие стратегии интерпретации лексем, вводящих речь в переводах романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого на китайский язык // Litera, 2024, № 10. С. 95–107.
20. Ван 2024б — Ван Цяо. Особенности средств введения речи персонажей в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Современная наука актуальные

- проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки», 2024, № 12/2. С.187–191.
21. Ван, Уржа 2025 — Ван Цяо, Уржа А.В. Операторы ввода прямой речи в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: особенности семантики и прагматики // Вестник Челябинского государственного университета, 2025. №2 (496). С. 91–100.
22. Васильев 1981 — Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Учеб. пособие для фак. повышения квалификации. М.: Высш. школа, 1981. 184 с.
23. Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
24. Викторина 2002 — Викторина Т.В. Лексический состав вводящих слов автора в структуре прямой речи (на материале романа И.А. Гончарова "Обломов"): дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 182 с.
25. Виноградов 1938 — Виноградов В.В. Современный русский язык: Пособие для лингвистич. М.: Учпедгиз, 1938. 590 с.
26. Виноградов 1939 — Виноградов В.В. О языке Толстого: (50—60-е годы). М.: Изд-во АН СССР, 1939. Кн. I. С. 117–220.
27. Виноградов 1960 — Виноградов В.В. Грамматика русского языка. М.: Академия наук СССР, 1960. 702 с.
28. Виноградов 1981 — Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высш. школа, 1981. 320 с.
29. Виноградов 2001 — Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
30. Волошинов 1993 — Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке // Лабиринт, 1993. 192 с.
31. Гак 1966 — Гак В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Международные отношения, 1966. 335 с.
32. Гинзбург 1977 — Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.:

- Художественная литература, 1977. 443 с.
33. Голуб 2010 — Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
34. Григорьева 2001 — Григорьева С.А. Словарь языка русских жестов / С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. М.: Яз. рус. культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 254 с.
35. Гудзий 1960 — Гудзий Н. К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. М.: Худож. лит., 1960. 215 с.
36. Гун 1991 — Гун Цяньян О времени и системе временных выражений современного китайского языка [J]. Китайский язык, 1991, Выпуск 4. С. 251-261. 龚千炎. 谈现代汉语的时制表示和时态表达系统[J]. 中国语文, 1991 年, 第四期. 第 251-261 页.
37. Дереченик 2021 — Дереченик А.И. Глаголы речи как экспликатory категории информативности и интенциональности (на материале романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы») // Вестник полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Языкознание. 2021. № 2. С. 78–82.
38. Дюзенли 2021 — Дюзенли М.В. «Промолвить» – это по-тургеневски? // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ. Вып. 6. Екатеринбург, 2021. С. 131–135.
39. Дюзенли 2023 — Дюзенли М.В. Стандартные операторы ввода прямой речи как маркеры идиостиля писателя // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 199–210.
40. Ермолаева 2017 — Ермолаева И.А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 362–375.
41. Жданова 2001 — Жданова Л. А. Соматизмы в языке и в художественном

- тексте // Текст. Структура и семантика. Доклады VIII-ой Международной конференции/ Отв. редактор проф. Е.И. Диброва / Под ред. Л. Т. Касперова, Н. В. Смирнова. М.: СпортАкадемПресс, М.: 2001. С. 36–42.
42. Захарова 2006 — Захарова О.А. Глаголы, вводящие речь, как характеристика образа автора и образа ратора (На материале произведений Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание", "Братья Карамазовы"): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 163 с.
43. Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова, 2004. 544 с.
44. Иванов, Поливанов 2003 — Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
45. Изотова 2006 — Изотова Н.В. Диалогические структуры в языке художественной прозы А.П. Чехова. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2006. 359 с.
46. Инфантова 2008 — Инфантова Г.Г. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / [В. В. Бабайцева, Н.А. Николина, Л.Д.Чеснокова и др.]; под ред. Е. И. Дибровой. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 624 с.
47. Калмыкова 1998 — Калмыкова И.Р. Таинственный мир звуков. Ярославль: Академия развития, 1998. 112 с.
48. Караулов 1997 — Караулов Ю.Н. Русский язык. Энциклспедия / Главный редактор Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.
49. Ковтунова 2010 — Ковтунова И.И. Несобственно прямая речь в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. М.: Азбуковник, 2010. 284 с.
50. Кодухов 1957 — Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Ленинград: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1957. 87 с.

51. Кожевникова 1994 — Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв.; Рос. АН, Ин-т рус. яз. М.: ИРЯ, 1994. 333 с.
52. Кобозева 1985 — Кобозева И.М. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 95–103.
53. Колшанский 1974 — Колшанский Г.В. Паралингвистика. М.: Наука, 1974. 81 с.
54. Крейдлин 2002 — Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: [язык тела и естеств. язык]. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 581 с.
55. Кузнецова 2007 — Кузнецова С.В. Структурно-семантическая характеристика прямой речи английского и русского языков (на материале художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 174 с.
56. Лебедева 2011 — Лебедева А. В. Невербально-пластический аспект в романе Л. Н. Толстого "Анна Каренина": автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 22 с.
57. Леонова 2005 — Леонова Н.М. Прагматика обращенности внутренней речи в немецких и русских художественных текстах : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 : Тамбов, 2005. 162 с.
58. Логачева 1988 — Логачева О.Ю. Семантико-синтаксические особенности предложений, обозначающих ситуацию звучания: дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 219 с.
59. Лученецкая-Бурдина 2014 — Лученецкая-Бурдина И.Ю. Стилиевые стратегии Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина» // Ярославский педагогический вестник. 2014. №4. С. 220–223.
60. Милых 1958 — Милых М.К. Прямая речь в художественной прозе. Ростов: Кн. изд., 1958. 240 с.
61. Мирский 2006 — Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2006. 872 с.
62. Михеева 2018 — Михеева С.Л. Существительные со значением речевого

- действия в русском языке // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Труды и материалы. Том 2. Казань: Изд. Казанского университета, 2018. С. 113–116.
63. Моррис 2001 — Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. М.: Академ. проект. Деловая книга. 2001. С. 45–97.
64. Мочульский 1995 — Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 606 с.
65. Музычук 2010 — Музычук Т.Л. Русский невербальный дискурс в языковой системе и речевой деятельности (на материале художественной прозы). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2010. 382 с.
66. Нелюбин 2003 — Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 318 с.
67. Никандрова 2010 — Никандрова И.А. Глагол как средство репрезентации языковой личности персонажа: на материале романа Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание": автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2010. 27 с.
68. Николина 2013 — Николина Н.А. Новые тенденции в оформлении чужой речи // Русский язык в школе, 2013, № 6. С. 13–17.
69. Николина 2021 — Николина Н.А. Экспрессивные словообразовательные средства в произведениях Ф.М. Достоевского // Отечественная филология, 2021. №3. С. 41–47.
70. Ничман 1977 — Ничман З. В. К вопросу об определении границ группы глаголов устной речи (говорения) в современном русском языке // Проблемы русской лексикологии: Науч. тр., вып.137. Новосибирск: НГПИ, 1977. С. 31–42.
71. Панков 2013 — Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // Мир русского слова, 2013. № 2. С. 72–80.

72. Петрухина 2009 — Петрухина Е. В. Русский глагол: категория вида и времени, Учебное пособие. М., 2009. с. 173.
73. Поливанов 1991 — Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 623 с.
74. Попова 2002 — Попова Л.Г. Прагматика воспроизведения внутренней и внешней речи в немецких и русских художественных текстах: дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.20. Мичуринск, 2002. 482 с.
75. Радбиль 2012 — Радбиль Т. Б. Переводимость как феномен межкультурного взаимодействия // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 7–18.
76. Радбиль 2017 — Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
77. Рахилина и др. 2009 — Рахилина Е.В., Кустова Г.И., Ляшевская О.Н., Резникова Т.И., Шеманаева О.Ю. Задачи и принципы семантической разметки в НКРЯ. Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. Плунгян В.А. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 215–239.
78. Ревзина 2020 — Ревзина О.Г. Язык и текст. М.: МАКС Пресс, 2020. 440 с.
79. Рецкер 2007 — Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. М.: Р.Валент, 2007 (1974). 240 с.
80. Рождественская, Эсалнек 2018 — Рождественская О.Ю., Эсалнек А.Я. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» в аспекте диалогизма. Мир науки, Культуры, Образования. № 2 (69) 2018. С. 613–616.
81. Розанова, Китайгородская 2007 — Розанова Н.Н., Китайгородская М.В. Ролевая структура ситуации и прагматические условия реализации речевых жанров // Язык в движении. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 248–258.

82. Ружицкий 2021 — Ружицкий И.В. 'Страх' и 'смех' Ф. М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 483–494.
83. Ружицкий, Ма 2021 — Ружицкий И.В., Ма Ц. Семантическое поле 'страх' в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 48–58.
84. Рыбаков 2008 — Рыбаков М.А. Современный русский язык в сопоставительно-типологическом освещении. Учебное пособие. М.: РУДН, 2008. 524 с.
85. Савельев 2021 — Савельев В.С. Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет». Дис. ... доктора филологических наук. М., 2021. 659 с.
86. Скоринкин 2018 — Скоринкин Д. А. Семантическая разметка художественных текстов для количественных исследований в филологии: на примере романа "Война и мир" Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 164 с.
87. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008, 2010, 2012.
88. Уманцева 1980 — Уманцева Л.В. Лексико-грамматические свойства глаголов и глагольных словосочетаний, вводящих прямую речь: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1980. 27 с.
89. Уржа 2009 — Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник+, 2009. 293 с.
90. Уржа 2016 — Уржа А.В. Морфология современного русского языка в таблицах и схемах. М.: Макс Пресс, 2016. 65 с.
91. Уржа 2018а — Уржа А.В. Стратегии интерпретации глаголов, вводящих речь, в современных русских переводах художественной прозы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 117–128.
92. Уржа 2018б — Уржа А.В. Первый план и фон нарратива: направления

- зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // Slovĕne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 494–526.
93. Уржа 2021 — Уржа А.В. Функциональное взаимодействие эгоцентриков в русских переводных нарративах: на материале прозаических текстов конца XIX – начала XXI вв.: дис. ... доктора филол. наук. М., 2021. 564 с.
94. Уржа 2022 — Уржа А.В. Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение. М.: Флинта, 2022. 288 с.
95. Уржа 2023а — Уржа А.В. Варьирование средств, вводящих речь, в текстах русских писателей: к постановке проблемы перевода // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит: тр. и матер. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 189–191.
96. Уржа 2023б — Уржа А.В. Прагматический потенциал русских деепричастий в нарративе: корпусное исследование сквозь призму переводов // Studia Slavica. Akademiai Kiado (Hungary). 2023, № 1.
97. Уржа 2024 — Уржа А.В. Конструкции с глаголами речевого и физического действия в русских переводных текстах: Аспектуальность, х финитность, выдвижение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 90–103.
98. Уржа, Ван 2024а — Уржа А.В., Ван Цяо К вопросу о функционально-семантической классификации средств введения прямой речи в текст и о ее применении в исследовании поэтики произведения. Часть 1 // Новый филологический вестник, 2024. Том 69. № 2. С. 340–349.
99. Уржа, Ван 2024б — Уржа А.В., Ван Цяо К вопросу о функционально-семантической классификации средств введения прямой речи в текст и о ее применении в исследовании поэтики произведения. Часть 2 // Новый филологический вестник, 2024. Том 70. №3. С. 363–372.

100. Уржа, Ван 2025 — Уржа А.В., Ван Цяо Специфика введения прямой речи в романах Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого: сопоставительный анализ // Русский язык в школе, 2025. Том 86, № 2, с. 52–62.
101. Успенский 1970 — Успенский Б.А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 223 с.
102. Филатова 2023 — Филатова Г.А. Стилистическая интерпретация глаголов речевого действия при переводе фантастического текста // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 58–69.
103. Хисамова 2008 — Хисамова Г.Г. Ремарки в структуре диалогических фрагментов рассказов В. М. Шукшина // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30. С. 166–170.
104. Хисамова 2011 — Хисамова Г.Г. Вербализация коммуникативной ситуации в художественном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 721–724.
105. Цао Сюэ-цинъ 1958 — Цао Сюэ-цинъ Сон в красном тереме // Перевод В.А. Панасюка. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 1. 879 с.
106. Черемохина 2021 — Черемохина Д.А. Прагматические характеристики глаголов речи в поэтическом дискурсе В.С. Высоцкого // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 3. С. 75–77.
107. Чересюк 2022 — Чересюк П.А. Метафора в художественной прозе Л. Н. Толстого: лингвокреативный и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2022. 22 с.
108. Чжан, Редькина 2016 — Чжан Ливэй, Редькина О.В. Глаголы говорения в современном русском языке: подходы к классификации // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2016. №2-3 (8). С. 75–79.
109. Чиркова 1992 — Чиркова Н.И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте (на материале романов И.А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»). Автореферат

- дис. кандидата филологических наук. СПб., 1992. 19 с.
110. Чумаков 1975 — Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев: Вища школа, 1975. 220 с.
111. Чумаков 1977 — Чумаков Г.М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики. Днепропетровск, 1977. 47 с.
112. Шаховский 2008 — Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 414 с.
113. Шаховский 2009 — Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Перемена, 2009. 169 с.
114. Шестов 1900 — Шестов, Л. Добро в учении графа Толстого и Фридриха Нитше: (Философия и проповедь) / СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1900. XVI, 209 с.
115. Щербакова, Резникова 2017 — Щербакова И.В., Резникова А.В. Способы передачи и структурные виды чужой речи. Журнал: Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, № 7 (73) Ч.1, 2017. С. 174–176.
116. Эпштейн 1991 — Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. № 6, 1991. С. 19–33.
117. Яковлева 1994 — Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1994. 344 с.
118. Янова, Мирзоева 2003 — Янова Н.Н., Мирзоева В.М. Некоторые явления синтаксиса в стилистическом аспекте: Прямая и косвенная речь. Цитирование. Вводные конструкции. Тверь: Золотая буква, 2003. 50 с.
119. Dyne 2020 — Dyne T. H. ‘That’s the horrible part: I understand everything!’: The Narrative Ethics of Misreading the Other in Dostoevsky’s Poor Folk and “The Meek One”. The Slavic and East European Journal, 2020, Vol. 64, № 3. Pp. 455–474.
120. Duong, Tran 2021 — Duong My Tham, Tran Phuong Nhi. A Corpus-Based

- Study on Reporting Verbs Used in TESOL Research Articles by Native and Non-native Writers. VNU Journal of Foreign Studies. 2021, Vol. 37, № 3. P. 135–148.
121. Even-Zohar 1990 — Even-Zohar I. Depletion and Shift // Polysystem Studies. Poetics Today. 1990, № 11 (1). P. 195–206.
 122. Gafurova, Akbarov 2022 — Gafurova U.A., Akbarov O.A. Speech portrait of Rodion Raskolnikov on the example of Dostoevsky's work "Crime and punishment" // ORIENSS. 2022. №11. P. 889–897.
 123. Hellgren 1980 — Hellgren L. Dialogues in Turgenev's Novels: Speech-Introductory Devices. Stokholm: Almqvist & Wiksell International, 1980. 148 p.
 124. Katsma 2014 — Katsma H. Loudness in the Novel. Stanford Literary Lab, 2014. Pamphlet 7, 27 p. URL: <https://litlab.stanford.edu/LiteraryLabPamphlet7.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).
 125. Kozera 2018 — Kozera I. Семантическая характеристика русского глагола по данным НКРЯ. Краков, Польша, 2018. С. 75–92.
 126. Martinsen 2018 — Martinsen D. A. Shame and guilt in Dostoevsky's "Crime and punishment" // ДМКФ. 2018, №4, P. 40–64.
 127. Shairar 2019 — Shairar G. G. Emotive verbs in the novel of F. M.. Dostoyevsky "demons" // International Research Journal. 2019. № 5 (83). URL: <https://research-journal.org/archive/5-83-2019-may/emotivnye-glagoly-v-romane-f-m-dostoevskogo-besy> (дата обращения: 28.03.2024).

II. Словари и источники

1. Бабенко 1999 — Толковый словарь русских глаголов: [2500 глаголов]: идеографическое описание; английские эквиваленты; синонимы; антонимы / [Л.Г. Бабенко и др.]; под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 1999. 693 с.

2. БТС 1998 — Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. СПб: Норинт, 1998. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
3. БУС 2018 — Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС школа. 2018. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka#>
4. Даль 1863–1866 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1863–1866. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/>
5. Дудченко 2018 — Г.Б. Дудченко Китайско-русский словарь по системе четырех разрядов = 汉俄字典. СПб.: Реноме, 2018. 648 с.
6. Ефремова 2000 — Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>
7. МАС 1999 — Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 [МАС]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
8. Ожегов, Шведова 1992 — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство “Азъ”, 1992. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
9. Ушаков 1935–1940 — Толковый словарь русского языка в 4-х томах. Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т "Советская энциклопедия", 1935–1940. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>
10. ФСРЛЯ 2008 — Фразеологический словарь современного литературного языка. Сост. А. И. Федоров. М.: Астрель, АСТ, 2008. 880 с.
11. ФСРЯ онлайн — Фразеологический словарь русского языка. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/

III. Интернет-ресурсы

1. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
2. <http://az.lib.ru/>

Приложение 1

Глаголы, вводящие прямую речь в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»				Глаголы, вводящие прямую речь в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»			
Глаголы	СВ	НСВ	Общее количе- ство	Глаголы	СВ	НСВ	Общее количе- ство
сказать // говорить	147	29	176	сказать // говорить	198 7	246	2233
спросить // спрашивать	117	7	124	ответить // отвечать	25	238	263
крикнуть // кричать	79	43	122	подумать // думать	128	116	244
проговорить	108		108	спросить // спрашивать	193	17	210
ответить // отвечать	44	61	105	прибавить // прибавлять	112	3	115
подумать // думать	69	32	101	проговорить	103		103
вскричать	90		90	продолжать		98	98
прибавить // прибавлять	81	1	82	обратиться // обращаться (к)	90	4	94
продолжать		79	79	повторить // повторять	53	11	64
пробормотать // бормотать	40	28	68	вскрикнуть	47		47
начать	57		57	крикнуть // кричать	34	13	47
вскрикнуть // вскрикивать	42	2	44	начать // начинать	44	1	45
заметить	43		43	заговорить	40		40
повторить // повторять	17	18	35	перебить	38		38
прошептать	33		33	закричать	23		23
обратиться (к)	32		32	прошептать	22		22
произнести	30		30	прокричать	20		20
воскликнуть // восклицать	21	8	29	подтвердить	14		14
закричать	29		29	выговорить // выговаривать	9	2	11
перебить	29		29	подхватить	11		11
подхватить	21		21	вспомнить // вспоминать	6	4	10
отрезать	11		11	написать // писать	2	7	9

отозваться	10		10	возразить //	6	1	7
решить	9		10	возражать	7		7
заторопиться	9		9	заметить		7	7
мелькнуть //	7	1	8	рассказывать	6		6
мелькать				заклЮчить		6	6
заговорить	7		7	приговаривать		6	6
заклЮчить	7		7	решить	6		6
зареветь	7		7	вставить	5		5
засмеяться	7		7	доложить	4		4
настаивать		7	7	послышаться //	2	2	4
подуматься //	6	1	7	слышаться	4		4
думаться				прочестЬ	4		4
прервать	7		7	переспросить	4		4
брякнуть	6		6	вмешаться	3		3
завопить	5		5	воскликнуть	3		3
поддакнуть //	3	2	5	докончить	3		3
поддакивать				остановить	3		3
промелькнуть	5		5	слышать	3		3
шепнуть //	2	3	5	читать	3		3
шептать				шепнуть //	2	1	3
упрашивать		4	4	вступиться	2		2
ввернуть	3		3	добавить	2		2
вздрогнуть	3		3	значить		2	2
вмешаться	3		3	кончить //	1	1	2
возразить	3		3	кончать		2	2
всплеснуть	3		3	излагать	2		2
выговорить	3		3	напасть	2		2
вырваться	3		3	отозваться	2		2
заявить	3		3	предложить	2		2
осведомиться	3		3	понять	2		2
остановить	3		3	переспросить	2		2
переспросить	3		3	писать		3	3
прервать				продекламировать	2		2
писать		3	3	промычать	2		2
повернуться	3		3	просить		2	2
подтвердить //	2	1	3	твердить		2	2
подтверждать				вернуться	1		1
твердить	3		3				
усмехнуться	3		3				

хлопотать		3	3	взвизгнуть	1		1
броситься // бросаться	1	1	2	вздохнуть	1		1
ввязаться	2		2	встретить	1		1
взвизгнуть	2		2	вызваться	1		1
вздуматься	2		2	высказать	1		1
возглаголать		2	2	грассировать		1	1
вскинуться	2		2	досказать	1		1
вспыхнуть	2		2	дышать	1		1
вставить	2		2	загадать	1		1
встать	2		2	задрожать	1		1
встревожиться	2		2	задуматься	1		1
встрепенуться	2		2	зазвенеть	1		1
вцепиться	2		2	замычать	1		1
выкрикивать		2	2	запеть	1		1
горячиться		2	2	зашикать	1		1
закутахтать	2		2	звать		1	1
звать		2	2	зевать	1		1
захихикать	2		2	значиться		1	1
захохотать	2		2	извиняться		1	1
зашептать	2		2	кипеть	1		1
кивнуть	2		2	надписать	1		1
остановиться	2		2	напуститься	1		1
отмахиваться		2	2	объяснять		1	1
подойти	2		2	окликнуть	1		1
проворчать	2		2	оправдываться		1	1
проямлить	2		2	опросить	1		1
протянуть	2		2	оскорбиться	1		1
раздражаться		2	2	отмечать		1	1
решиться	2		2	промелькнуть	1		1
скрепить	2		2	прозвучать	1		1
смеяться		2	2	провозглашать		1	1
сорваться	2		2	перекрикивать	1		1
спохватиться	2		2	петь		1	1
торопиться		2	2	поговорить	1		1

улыбнуться // улыбаться	1	1	2	подразумеваться		1	1
беспокоить	1		1	подсказать	1		1
взволноваться	1		1	подхватить	1		1
войти в амбицию	1		1	покрикивать		1	1
возопить	1		1	помочь	1		1
вопить		1	1	поправить	1		1
вспокоиться	1		1	поправиться	1		1
вспомнить	1		1	пошутить	1		1
вступить	1		1	представлять		1	1
всхлипывать		1	1	приписать	1		1
выдумать	1		1	присовокупить	1		1
выпрыгнуть	1		1	пробасить	1		1
выразиться	1		1	пробормотать	1		1
высказать	1		1	произнести	1		1
выскочить	1		1	промолвить	1		1
выть		1	1	протянуть	1		1
догадаться	1		1	прохрипеть	1		1
додумываться		1	1	развлечь	1		1
доказывать		1	1	разговаривать		1	1
дрогнуть		1	1	раздаться	1		1
дрожать (от)		1	1	распевать		1	1
загорячиться	1		1	рявкнуть	1		1
законфузиться	1		1	соображать		1	1
залиться	1		1	торопить		1	1
замямлить	1		1	утешать		1	1
заплакать	1		1	умолять		1	1
засуетиться	1		1	указать	1		1
испугаться	1		1	успокоивать		1	1
кинуться	1		1	щелкнуть	1		1
лепетать		1	1				3934
метаться		1	1				
мечтаться		1	1				
молить		1	1				
наброситься	1		1				

наострить	1		1
нагнуться	1		1
обернуться	1		1
обидеться	1		1
оборотиться (к)	1		1
опомниться	1		1
отбиваться		1	1
отвернуться	1		1
отпаривать	1		1
передернуть	1		1
перепугаться	1		1
перервать	1		1
петь		1	1
поднять	1		1
подскочить	1		1
подсмеиваться		1	1
показывать		1	1
покачать	1		1
помолиться	1		1
поправить	1		1
поспешить	1		1
порешить	1		1
прицепиться	1		1
причитать		1	1
прокричать	1		1
промолвить	1		1
пронестись	1		1
прорваться	1		1
прореветь	1		1
проснуться	1		1
процедить	1		1
разгонять		1	1
разгорячиться	1		1
раздаться	1		1
разливаться		1	1

ругнуть	1		1
рассмеяться	1		1
рассудиться	1		1
сбежаться	1		1
сбиться	1		1
свалить	1		1
сделать	1		1
сидеться		1	1
скрежетать		1	1
согласиться	1		1
соображать		1	1
стоять		1	1
сыпать		1	1
торопить		1	1
трепетать		1	1
тыкать		1	1
увидать	1		1
указывать		1	1
унимать		1	1
умолять		1	1
усаживать		1	1
успокоиться	1		1
хлопнуть	1		1
хохотать		1	1
шептаться		1	1
			1776

Существительные, вводящие прямую речь в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	общее количество	Существительные, вводящие прямую речь в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»	общее количество
мысль	9	слова (слово)	13
вопрос	5	голоса (голос)	11
голос	5	вопрос	6
крик	3	мысль	3
воплъ	2	звуки	2
слова	2	крики (крик)	2
стих	2	письмо	2
восклицанья	1	фраза	2
выражение	1	смысл слов	1
дело	1	речь	1
молитва	1	депеша	1
надежда	1	тост	1
отговорка	1	советы	1
ответ	1	буквы	1
отзыв	1	хор	1
пословица	1	каламбур	1
повесть	1		
разъяснение	1		
решение	1		
ругательства	1		
суть дела	1		
советы	1		
шепот	1		

Приложение 2

